

Уровень жизни населения 2025 Том 21 № 3 регионов России

Издаётся с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (Print)
ISSN: 2713-3397 (Online)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чашина Татьяна Викторовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Маликов Иван Федорович – старший лаборант сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Мачхелян Гарри Григорьевич – кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Черных Екатерина Алексеевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

СЕКРЕТАРЬ

Шерстобитова Юлия Александровна – старший лаборант сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бурак Пётр Иосифович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, директор Института региональных экономических исследований, Россия

Волгин Николай Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генерального директора ВНИИ труда Минтруда России, главный редактор журнала «Социально-трудовые исследования», Россия

Головнин Михаил Юрьевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, Россия

Григорьева Наталия Сергеевна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Гринберг Руслан Семёнович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия

Ивченков Сергей Григорьевич – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии молодежи Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Куклин Александр Анатольевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, Россия

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной эко-

номики и управления человеческими ресурсами Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Россия
Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник группы исследований социокультурной динамики, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко – Dr Political Science, Professor, генеральный секретарь Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римащевской ФНИСЦ РАН, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Архангельский Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, заместитель директора по науке и инновациям Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Золотов Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии Финан-

сового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая Лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы ФГБУ НИФИ Минфина России; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Попкова Людмила Ивановна – доктор географических наук, доцент, профессор Курского государственного университета, Россия

Симонова Марина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры архитектурно-строительной графики и изобразительного искусства Самарского государственного технического университета; профессор кафедры экономики и менеджмента филиала Самарского государственного технического университета в г. Новокуйбышевске, Россия

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Сотникова Светлана Ивановна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Новосибирского государственного университета экономики и управления, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Савова Ралица – PhD Candidate, Университет Печ; официальный представитель в Центральной и Восточной Европе европейского культурного маршрута «Пути лонгобардов по Европе»; член редакционного комитета журнала «Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia» Болонского университета, Венгрия, Италия

Хепп Рольф Дитер – Dr. Philosoph., Dr. habil., профессор Института социологии Свободного Берлинского университета, Германия

Херрманн Петер – Dr. Sociol., Dr. habil., научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, КНР

Хусаинов Булат Доскалиевич – доктор экономических наук, академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доцент, советник по науке Института экономических исследований, Казахстан

Чоба Юдит – Prof. Dr. habil., профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА
«СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЖИЗНИ»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.....	351
СТАТЬЯ НОМЕРА.....	355
<i>Бобков В.Н.</i>	
О концепции проблематики современной экономики труда.....	355
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	371
<i>Тощенко Ж.Т.</i>	
Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть II.....	371
<i>Танатова Д.К., Королев И.В.</i>	
Достижения и преграды для продолжительной и активной жизни старшего поколения в России.....	384
<i>Александрова О.А., Борковская Е.И.</i>	
Аренда жилья и коливинг: отношение москвичей к решению жилищных проблем в форматах экономики совместного потребления.....	396
<i>Леденева В.Ю., Вишневская Н.Г.</i>	
Региональный опыт формирования адаптационных центров как условие регулирования внешней трудовой миграции.....	408
<i>Шекера Е.А.</i>	
Интеграционный потенциал внутренних мигрантов: проблемы измерения (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге).....	421
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	436
<i>Куликова А.Н.</i>	
Методический подход к оценке заработной платы работников в системе индикаторов экономического роста городских агломераций.....	436
<i>Сорокина Н.Ю.</i>	
Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации.....	447
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	461
<i>Подвойский Г.Л.</i>	
Ресурсный потенциал рынка труда ЕАЭС и миграционные процессы в России.....	461
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....	474
<i>Чащина Т.В.</i>	
Развитие человеческого потенциала в России: состояние, перспективы, пути решения (обзор тематического заседания научной конференции «Трансформация российской экономики в новых условиях. К 95-летию Института экономики Российской академии наук»).....	474
<i>Вередюк О.В.</i>	
Дестандартизация занятости: от практики к теории и наоборот. По итогам круглого стола в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда.....	480

При перепечатке ссылка на журнал
«Уровень жизни населения регионов России» обязательна.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.
Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 15.09.2025.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 902.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru/>
Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readera: <https://readera.org/vcugjournal>
ЭБС «Знаниум»: <https://znaniium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2025 Vol. 21 No. 3

Issued since 1992
On a quarterly basis
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (print)
ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(IE RAS)

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.
Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Aleftina Aleksandrovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

MEMBERS OF THE EDITORIAL STAFF

Chernykh, Ekaterina Alekseyevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Machkhelyan, Garry Grigor'evitch – PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Malikov Ivan Fedorovich – Senior Laboratory Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Odintsova, Yelena Valer'yevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

SECRETARY

Sherstobitova, Yuliya Aleksandrovna – Senior Laboratory Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovich – RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of RANS, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch – RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Social and Social Institutions and Social Work at the Russian State Social University, Russia

Grigor'eva, Nataliya Sergeevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Sociology Management Department at the School of Public Administration at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovich – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivchenkov, Sergey Grigor'evitch – Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Chair of Youth Sociology of the Saratov State University, Russia

Kuklin, Alexandr Anatol'yevitch – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker at the Ural Federal University, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Muzychuk, Valentina Yur'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Polovinko, Vladimir Semenovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Dostoevsky Omsk State University, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Theory History and

Sociology at the Sociology Faculty of the Russian State University for the Humanities, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation; Editor-in-Chief of the Journal «Social and Labour Research», Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco – Dr. of Political Sciences, Professor, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna – Doctor of Economics, Deputy Director for Research at the Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Antonova, Natal'ya Leonidovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Chair of Sociology and Technologies of Public Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch – PhD in Economics, Head of the Department of Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy at the Centre Studying Problems of Population at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevitch – PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Bagirova, Anna Petrovna – Doctor of Economics, PhD in Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Technology of Public Administration, Deputy Director for Science and Innovation at the School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Barkov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Chubarova, Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Sociology Department of the

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Ledeneva, Viktoriya Yur'evna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Research Worker at the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Head of the Laboratory of Researching Problems of Development of Labour Potential at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances; Research Financial Institute of the Ministry of Finance, Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Economic Research Institute of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Russia.

Popkova, Lyudmila Ivanovna – Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Professor of the Kursk State University, Russia

Simonova, Marina Viktorovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Architectural and Construction Graphics and Fine Arts at the Samara State Technical University; Professor of the Department of Economics and Management at the Branch of Samara State Technical University in Novokuibyshevsk, Russia

Sotnikova, Svetlana Ivanovna – Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Labor Economics and Personnel Management at the Novosibirsk State University of Economy and Management, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Csoba, Judith – Prof. Dr. habil., Professor of Sociology of the Department of Sociology and Social Policy of the University of Debrecen, Hungary

Hepp, Rolf Dieter – Dr. Philosoph., Dr. habil., Professor at the Institute of Sociology of the Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter – Dr. Sociol., Dr. habil., Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, PRC

Khusainov, Bulat Doskaliyevitch – Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Adviser on Sciences at the Economic Research Institute, Kazakhstan

Savova, Ralitsa – PhD Candidate, Pécs University; Official Representative for Central and Eastern Europe of the European Cultural Route "Longobard Ways across Europe"; Member of the Editorial Committee of the Journal "Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia" University of Bologna, Hungary, Italy

CONTENTS THE ISSUE THEME: «MODERN ECONOMICS AND SOCIOLOGY OF LABOR AND LIFE»

CHIEF EDITOR'S COLUMN.....	351
ARTICLE OF THE ISSUE.....	355
<i>Bobkov V.N.</i> On the Concept of the Problems of Modern Labour Economics.....	355
SOCIOLOGICAL RESEARCH.....	371
<i>Toshchenko Z.T.</i> Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part II.....	371
<i>Tanatova D.K. Korolev I. V.</i> Achievements and Obstacles in Pursuing a Long and Active Life for the Older Generation in Russia.....	384
<i>Aleksandrova O.A., Borkovskaya E.I.</i> Rental Housing and Co-Living: Muscovites' Attitude towards Solving Housing Problems in the Context of the Sharing Economy	396
<i>Ledeneva V.Yu., Vishnevskaya N.G.</i> Regional Experience in the Formation of Adaptation Centers as a Condition for Regulating External Labor Migration.....	408
<i>Shekera E.A.</i> Integration Potential of Internal Migrants: Measurement Issues (Using the Example of Dagestani Youth Living in St. Petersburg).....	421
ECONOMIC RESEARCH.....	436
<i>Kulikova A.N.</i> Methodological Approach to Assessing the Salary Level in the System of Indicators of Economic Growth of Urban Agglomerations.....	436
<i>Sorokina N.Yu.</i> The Problem of the Digital Inequality of the Population in the Regions of the Russian Federation	447
DEMOGRAPHIC RESEARCH.....	461
<i>Podvoiskii G.L.</i> Resource Potential of the EAEU Labor Market and Migration Processes in Russia.....	461
SCIENTIFIC LIFE.....	474
<i>Chashchina T.V.</i> Human Development in Russia: Status, Prospects, Solutions (Review of the Thematic Session of The Scientific Conference «Transformation of The Russian Economy in New Conditions. By The 95th Anniversary of The Institute of Economics of The Russian Academy of Sciences»).....	474
<i>Veredyuk O.V.</i> De-Standardisation of Employment: from Practice to Theory and vice versa. Results of the Round Table at the IX St. Petersburg International Labor Forum.....	480

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.
The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.
Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.
Subscription index 71187.

Signed for publication 15.09.2025.
Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 902.

Editorial Office Address:
32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.
Telephone: +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Internet: <https://vcug-journal.ru/>
The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company
164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.
Telephone: +7 904 317 7693
E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Reader: <https://readera.org/vcugjournal>
EBS "Znaniy": <https://znaniy.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Редакторская заметка
EDN EDLJKH

Колонка главного редактора

EDI (Editorial article)

Chief Editor's Column

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция журнала сообщает, что решением Рабочей группы по оценке качества и отбору журналов в Russian Science Citation Index (RSCI) от 30 июня 2025 года журнал «Уровень жизни населения регионов России» включен в базу RSCI. Номер журнала в списке журналов, входящих в базу данных RSCI 964.

Тема третьего номера журнала 2025 года: **«СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЖИЗНИ»**.

В представленном читателю выпуске журнала содержатся теоретические, методологические и практические работы, посвящённые социологическим, демографическим и экономическим аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни.

В третьем выпуске за 2025 год статья номера – **«О концепции проблематики современной экономики труда» В.Н. Бобкова**, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, главного научного сотрудника, заведующего сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН. Статья посвящена обобщению итогов дискуссии о наиболее актуальных вопросах современной экономики труда, проходившей в 2024 году в журнале «Уровень жизни населения регионов России». Цель работы – развитие и конкретизация базового концептуального поля современной экономики труда с учётом современного российского и зарубежного дискурса. Теоретико-методологической основой исследования является концептуализация проблематики современной экономики труда, опубликованная в журнале в 2015 году в совместной статье с д-ром экон. наук, профессором Р.П. Колосовой. В настоящей статье в контексте современного дискурса развиты и конкретизированы направления исследований, выявленные в этой базовой концепции. Автором представлены результаты её актуализации в следующих областях: связи глобальной цифровизации и искусственного интеллекта с характером занятости в качестве нового вектора влияния глобализации на национальные рынки труда; долговременного влияния глобализации на российский рынок труда и сферу занятости в аспекте внешней трудовой миграции и в других. В статье определены направления дальнейших исследований концептуальных преобразований современной экономики труда.

В рубрике **«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** публикуются статьи, посвящённые трансформации идей и смысла труда (часть 2, продолжение статьи, опубликованной в предыдущем выпуске журнала); достижениям и преградам для продолжительной и активной жизни старшего поколения в России; отношению москвичей к решению жилищных проблем в форматах экономики совместного потребления; региональному опыту формирования адаптационных центров как условию регулирования внешней трудовой миграции; интеграционному потенциалу внутренних мигрантов.

Статья **«Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть II»**, автором которой является **Ж.Т. Тощенко**, член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, является второй частью из двух, опубликованных в журнале «Уровень жизни населения регионов России». В первой части статьи был раскрыт исторический аспект появления понятий «работа», «труд» для понимания их смысла на различных этапах развития общества. Во второй части статьи автором проанализировано отношение к труду в Советском Союзе во второй половине XX века и в условиях новой России в XXI веке. Показано как сформированный в годы первых пятилеток культ труда получил новый импульс развития сначала в годы восстановления народного хозяйства, а затем в ходе выполнения стратегических целей

(освоение целины и др.). Также рассмотрены формы и новые инициативы работников, рождённые при выполнении проектов в 1950–1980-е годы. Наряду с этим автором проанализированы потребительские установки в сознании и поведении людей. Показано как в условиях новой России ряд принципиальных положений о роли и значимости труда подвергся коррозии и на первое место среди ценностных ориентаций стал выходить культ потребления. В статье определены причины такого изменения в отношении к труду, а также последствия, которые привели в том числе к негативным явлениям в общественной жизни.

В статье **«Достижения и преграды для продолжительной и активной жизни старшего поколения в России»** *Д.К. Танатовой*, д-ра социол. наук, профессора, заведующей кафедрой социологии Российского государственного социального университета, *И.В. Королева*, канд. социол. наук, доцента, доцента кафедры социологии Российского государственного социального университета, объектом исследования являются лица в возрасте 60 лет и старше с использованием фокус-группового интервью, телефонного опроса, онлайн-опроса. Авторами рассматриваются результаты серии интервью фокус-групп, показывающие отношение респондентов к физкультурно-спортивной активности, мотивационные факторы и препятствия. В работе анализируются данные опроса мужчин старшего возраста, посвященного их практикам здоровьесбережения. Также исследуются аспекты психологического насилия в отношении пожилых людей, подрывающего их эмоциональную стабильность и мотивацию к активному образу жизни. Наряду с этим выявляются ключевые противоречия между декларируемыми установками на здоровое старение и повседневными практиками, определяется парадокс общественного восприятия. В статье оценивается влияние поведенческой инертности, культурных стереотипов и системных ограничений на реализацию потенциала активного долголетия.

В статье **«Аренда жилья и коливинг: отношение москвичей к решению жилищных проблем в форматах экономики совместного потребления»** *О.А. Александровой*, д-ра экон. наук, главного научного сотрудника, заместителя директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессора кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, *Е.И. Борковской*, аспиранта факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, представлены результаты исследований, проведённых в 2019, 2021, 2024–2025 годы методами массового опроса, фокус-групп и экспертных интервью, характеризующих отношение москвичей к указанным форматам решения своих жилищных проблем. В работе проанализирована обеспеченность жильём в Москве. Выявлено отношение жителей столицы к улучшению своих жилищных условий, показано их оценивание собственных средств в этом контексте. Также определено отношение москвичей к необходимости иметь жильё в собственности, в том числе рассматривая это как условие для создания семьи. По результатам исследования сформирована оценка сложившейся у москвичей переориентации на долгосрочную аренду жилых помещений и совместное проживание, выявлены условия формирования установок относительно решения жилищных проблем.

Статья **«Региональный опыт формирования адаптационных центров как условие регулирования внешней трудовой миграции»** *В.Ю. Леденовой*, д-ра социол. наук, доцента, главного научного сотрудника, руководителя отдела Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, *Н.Г. Вишневской*, д-ра экон. наук, доцента, директора Школы экономики и междисциплинарных исследований Альметьевского государственного технологического университета «Высшая школа нефти», посвящена комплексному исследованию механизмов социально-культурной адаптации мигрантов в Республике Башкортостан. Цель исследования – изучить возможность создания региональных адаптационных центров для мигрантов как одного из ключевых инструментов реализации миграционной политики. В работе представлен анализ данных, собранных в ходе стратегической сессии с участием экспертов, а также синтез теоретических и практических наработок по теме исследования. Авторами систематизирован опыт Республики Башкортостан в данной сфере как региона, отличающегося устойчивыми миграционными потоками и высоким уровнем этнокультурного многообразия. В работе дана оценка опыта реализации адаптационных инициатив в Республике Башкортостан, выявлены ключевые проблемы адаптации мигрантов. Также показана роль межведомственного взаимодействия и участия гражданского общества в решении задач. Авторами выработаны рекомендации, соответствующие региональным нормативно-правовым актам, и предложены практико-ориентированные решения.

В статье **«Интеграционный потенциал внутренних мигрантов: проблемы измерения (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге)»**, автором которой является

Е.А. Шекера, соискатель учёной степени кандидата социологических наук Санкт-Петербургского государственного университета. Предметом исследования является интеграционный потенциал дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, рассмотренный в трёх измерениях: политико-правовом, социально-экономическом, культурно-религиозном. В работе обоснована актуальность изучения проблем интеграции внутренних мигрантов в принимающее общество, сформулировано базовое понятие «интеграционный потенциал мигрантов». Автором предложены индикаторы, позволяющие измерить интеграционный потенциал внутренних мигрантов. На основании анкетного опроса дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, исследован их интеграционный потенциал в трёх измерениях и показана взаимозависимость этих измерений. В статье рассмотрены социально-значимые направления взаимодействия внутренних мигрантов и принимающего общества, в том числе в жилищной сфере, трудоустройстве, медицинском обслуживании и других направлениях. Наряду с этим изучена вовлечённость дагестанской молодёжи в образовательную деятельность. В ходе исследования выявлены основные проблемные стороны интеграции внутренних мигрантов в принимающее общество. По результатам работы дана комплексная оценка степени интеграции внутренних мигрантов.

В рубрике «**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуется статья «**Ресурсный потенциал рынка труда ЕАЭС и миграционные процессы в России**» **Г.Л. Подвойского**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника Института экономики РАН, посвящённая влиянию интеграционных процессов, формирующихся на едином рынке труда Евразийского экономического союза (ЕАЭС), на развитие российского рынка труда. Цель работы – описание на основе статистических данных и экспертных оценок ресурсного потенциала и динамики развития общего рынка труда ЕАЭС и российского рынка труда. Автором структурированы и проанализированы качественные и количественные характеристики рынка труда ЕАЭС, дана оценка его развитию. В работе определены параметры влияния интеграционных процессов на устойчивость рынка труда ЕАЭС в целом и российского рынка труда. Также показано значение существующих различий в объёмах рынков стран-членов ЕАЭС, отраслевых потребностей и квалификационных характеристик мигрирующих трудовых ресурсов для эффективности миграционных процессов. В статье выявлены риски стабильному развитию рынка труда на национальном уровне, формирующиеся на базе внешней трудовой миграции. Автором предложены меры для минимизации рисков негативных последствий внешней трудовой миграции и обеспечения устойчивости рынка труда.

В рубрике «**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые проблеме цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации, методическому подходу к оценке заработной платы работников в системе индикаторов экономического роста городских агломераций.

В статье «**Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации**» **Н.Ю. Сорокиной**, канд. экон. наук, доцента, старшего научного сотрудника Центра федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН, рассматриваются результаты исследования цифрового неравенства населения в пространственном аспекте и специфики его проявления на уровне федеральных округов и регионов Российской Федерации. В работе представлен двухуровневый подход к диагностике цифрового неравенства населения: по условиям доступа/пользования информационными технологиями (неравенство первого порядка) и по различиям в специфике использования информационных технологий группами населения (неравенство второго порядка). Автором определен состав показателей для оценки доступности цифровых информационных ресурсов и навыков использования населением информационно-коммуникационных технологий. В ходе исследования выявлены масштабы цифрового неравенства в доступе к сети Интернет в пространственном аспекте. В статье дан сравнительный анализ неравенства, обусловленного различиями в специфике использования информационных технологий, и неравенства в доступе населения к сети Интернет. Также показан уровень использования сети Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в сопоставлении с использованием сети для заказа прочих товаров и услуг. В статье предложена классификация российских регионов в зависимости от направленности и устойчивости изменения показателей цифрового неравенства.

В статье «**Методический подход к оценке заработной платы работников в системе индикаторов экономического роста городских агломераций**» **А.Н. Куликовой**, техника кафедры экономики природопользования экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, соискателя степени кандидата экономических наук, обосновывается некорректность использования усреднённых показателей для диагностики экономического роста городских агломераций и предлагается альтернативный подход к его оценке. Автором исследуется среднемесячная заработная плата работников городской агломерации (без учёта малого бизнеса), определяется распределение населения по уровню заработных плат в среднем по всей территории городской агломерации без учёта

структуры экономики муниципальных образований и в городской агломерации с учётом структуры экономики муниципальных образований. В статье раскрывается проблема усреднённого расчёта этого распределения для всей Барнаульской агломерации без учёта структуры и специфики экономик каждого муниципального образования, входящего в её состав. Автором предлагается альтернативная методология, учитывающая показатели муниципальных образований, входящих в состав агломерации. Также даётся сравнительный анализ результатов исследования неравенства работников по уровню заработных плат в исследуемой агломерации и усреднённого показателя.

В рубрике «**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**» опубликованы две статьи, посвящённые итогам проведения юбилейной научной конференции к 95-летию Института экономики Российской академии наук» и круглого стола в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда.

Статья «**Развитие человеческого потенциала в России: состояние, перспективы, пути решения (обзор тематического заседания научной конференции «Трансформация российской экономики в новых условиях. К 95-летию Института экономики Российской академии наук»)**» **Т.В. Чащиной**, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, посвящена итогам работы тематического заседания «Развитие человеческого потенциала в России: состояние, перспективы, пути решения» юбилейной научной конференции «Трансформация российской экономики в новых условиях к 95-летию Института экономики Российской академии наук», которая прошла в Институте экономики РАН 23–25 июня 2025 г. В работе заседания прозвучали доклады о состоянии, перспективах и путях решения проблем развития человеческого потенциала: факторов продолжительности жизни населения в контексте сохранения человеческого потенциала России; кризиса здравоохранения и перспективы его трансформации; неравенства уровня жизни в новых условиях развития России; трудового потенциала в России и его гендерных составляющих. Также участниками заседания были рассмотрены теоретические и методологические подходы к измерению и оценке благополучия в сфере труда, приведены результаты исследования по измерению и оценке благополучия, связанного с работой.

Статья «**Дестандартизация занятости: от практики к теории и наоборот. По итогам круглого стола в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда**» **О.В. Вередюк**, канд. экон. наук, доцента Санкт-Петербургского государственного университета, посвящена обзору текущих представлений академических экономистов и экономистов-практиков о дестандартизации занятости. Данными для статьи послужили материалы спикеров, выступивших с докладами на круглом столе «Дестандартизация занятости: от практики к теории и наоборот», состоявшемся 3 апреля 2025 г. в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда. Академические экономисты из девяти научных и научно-образовательных организаций и практики из трёх компаний разных секторов экономики обсуждали дестандартизацию занятости с позиций общей проблематики трансформации занятости в условиях цифровизации экономики, дефицита труда и поиска новых моделей регулирования, поддержки работников и решений для бизнеса. Рассматривались вопросы разных форм занятости – от временной и самозанятости до платформенной – с акцентом на их влияние на благополучие работников, устойчивость занятости и качество трудовой жизни. По итогам круглого стола принято совместное решение продолжить его на юбилейном Форуме труда в следующем году.

Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор **В.Н. Бобков**

СТАТЬЯ НОМЕРА

Оригинальная статья

УДК 331.101

JEL J01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370

EDN COHNCQ

О концепции¹ проблематики современной экономики труда

Вячеслав Николаевич Бобков

Институт экономики РАН, Москва, Россия

(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

Аннотация

Работа посвящена обобщению итогов дискуссии о наиболее актуальных вопросах современной экономики труда, проходившей в 2024 году в журнале «Уровень жизни населения регионов России». Автор рассматривает итоги дискуссии в контексте общего российского и зарубежного дискурса. Целью исследования является развитие и конкретизация базового концептуального поля современной экономики труда с учётом общего современного дискурса. В исследовании решаются следующие задачи: обобщение проблематики дискуссии, состоявшейся в журнале, с учётом общего российского и зарубежного дискурса; развитие и конкретизация базовой концепции проблематики современной экономики труда. Теоретико-методологической основой исследования является концептуализация проблематики современной экономики труда, опубликованная в журнале в 2015 году в совместной статье, с д.э.н., профессором Р.П. Колосовой. Результаты исследования позволили актуализировать базовую концепцию в следующих областях: связи глобальной цифровизации и искусственного интеллекта с характером занятости в качестве нового вектора влияния глобализации на национальные рынки труда; долговременного влияния глобализации на российский рынок труда и сферу занятости в части внешней трудовой миграции; обоснования начального этапа эволюционного преобразования в нашей стране противоречия между монетарной абсолютизацией человека и его возвышением как деятельной силы, влияющей знаниями и коллективной энергией на преобразование социально-трудовых отношений; развития в современной политике занятости наряду с мега-, макро-, также её микроуровня – прикладной экономики труда; необходимости легитимизации в российской государственной политике занятости феномена неустойчивой (прекаризованной, прекарной) занятости, её идентификации в российском трудовом и социальном законодательстве и целенаправленной работе по сокращению её масштабов. Предложено в дальнейших исследованиях исходить из методологической взаимообусловленности влияния на современную экономику труда цифровизации и искусственного интеллекта, а также возвышения роли человека как носителя современных профессиональных знаний и идейно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: экономика труда, российский дискурс, зарубежный дискурс, концепция экономики труда, цифровизация, искусственный интеллект, внешняя трудовая миграция, монетарная абсолютизация человека, занятость, прикладная экономика труда, неустойчивая занятость, глобализация, национальные рынки труда, социально-трудовые отношения, профессиональные знания, идейно-нравственные ценности

Для цитирования: Бобков В.Н. О концепции проблематики современной экономики труда // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 355–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 EDN COHNCQ

RAR (Research Article Report)

JEL J01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370

On the Concept of the Problems of Modern Labour Economics

Vyacheslav N. Bobkov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

Abstract

The paper is devoted to summarizing the results of the discussion on the most pressing issues of modern labour economics, which took place in 2024 in the journal «Standard of Living of the population of the regions of Russia». The author examines the results of the discussion in the context of the general Russian and foreign discourse. The purpose of the research is to develop and concretize the basic conceptual field of modern labour economics, taking into account the general modern discourse. The research solves the following tasks: summarizing the issues of the discussion held in the journal, taking into account the general Russian and foreign discourse; development and specification of the basic concept of modern labour economics. The theoretical and methodological basis of the research is the conceptualization of the problems of modern labour economics, published in the journal in 2015 in a joint article with the Doctor of Economics, Professor R.P. Kolosova. The results of the study made it possible to update the basic concept in the following areas: the relationship of global digitalization and artificial intelligence with the nature of employment as a new vector of the impact of globalization on national labour markets; the long-term impact of globalization on the Russian labour market and employment in terms of external labor migration; substantiation of the initial stage of the evolutionary transformation in our country of the contradiction between the monetary absolutization of man and his rise as an active force influencing knowledge and collective energy on the transformation of social and labour relations; develop-

¹ Концепция (образовано от латинского слова: conceptio – понятие, понимание, замысел). «Определённый способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основная точка зрения на предмет и др., руководящая идея для их систематического освещения. Термин «К.» употребляется также для обозначения ведущего замысла, конструктивного принципа в научной, художественной, технической, политической и др. видах деятельности». Источник: Большая советская энциклопедия // GUFO.ME: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 09 июля 2025).

ment in modern employment policy along with mega-, macro-, as well as its microlevel – applied labour economics; the need to legitimize the phenomenon of precarious employment in Russian state employment policy, identify it in Russian labour and social legislation, and work purposefully to reduce its scale. It is proposed in further research to proceed from the methodological interdependence of the impact of digitalization and artificial intelligence on the modern labor economy, as well as the elevation of the role of man as a carrier of modern professional knowledge and ideological and moral values.

Keywords: labour economics, Russian discourse, foreign discourse, labour economics concept, digitalization, artificial intelligence, external labour migration, monetary absolutization of man, employment, applied labour economics, precarious employment, globalization, national labour markets, social and labour relations, professional knowledge, ideological and moral values

For citation: Bobkov V.N. On the Concept of the Problems of Modern Labour Economics. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):355-370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 (In Russ.)

Введение

За прошедшие 35 лет (после 1991 года) теоретическая рамка наиболее актуальных проблем современной экономики труда значительно изменилась. В современных исследованиях её проблематика в значительной мере сфокусирована на влиянии цифровых технологий на структуру занятости и будущее рабочей силы в условиях глобальной цифровизации, а также тенденциях неравенства доходов вследствие технологических инноваций и автоматизации рабочих мест. Изучение информационной базы публикаций в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU показало, что среднегодовое употребление категории «экономика труда», рассмотрение её как целостной научной и прикладной области знаний и практики в качестве ключевых слов в публикациях в начальный (стихийно-рыночный) период формирования российского капитализма в 1992–2000 гг. составляло всего 57 раз. В годы восстановления экономической роли государства и довольно быстрого экономического роста (2001–2013 гг.) внимание к изучению этой категории значительно выросло и составляло в среднем 1264 раза (мах. = 6449 раз, 2006 год). На этапе суверенизации российской государственности и экономики (2014 г. – по н. вр.) понятие «экономика труда» в качестве ключевых слов в публикациях вновь стало употребляться гораздо реже, в среднем 78 раз за год (мах. = 113 раз, 2014 год). На современном этапе развития страны, в 2022–2024 гг., в качестве ключевого слова в публикациях в российских журналах оно в среднем за год употреблялось 67 раз.²

Анализ статей в российских журналах из списка ВАК в период 2022–2024 гг. показал, что большинство авторов, несмотря на упоминание «экономика труда» в качестве ключевого слова в публикациях, не анализировали её как целостную научную и практическую область знаний и прак-

тики. Рассматривались, преимущественно, характеризующие её конкретные предметные области социально-экономических отношений. Только в некоторых статьях мы обнаружили стремление к целостному описанию предметных областей и трансформаций задач современной экономики труда. Так, в [1; 2; 3; 4] были поставлены проблемы возможностей регулирования социально-трудовых отношений в условиях цифровой экономики, являющейся, по сути своей, платформенной экономикой; о связи между искусственным интеллектом, уровнем и характером занятости; о необходимости формирования новой концептуально-теоретической парадигмы функционирования сферы труда; о назревших вопросах её адаптации с позиций актуальной теоретической конструкции. В [5] намечены основные вызовы и проблемы, стоящие перед сферой управления трудовыми ресурсами (на примере железнодорожной отрасли), такие как эволюция научной организации труда, цифровизация трудовых процессов, трансформация системы оплаты труда и мотивации персонала, учёт психофизиологических факторов труда, привлечение и удержание кадров, улучшение качества трудовой жизни, повышение производительности труда, организационное развитие. В [6] рассмотрены (применительно к аграрной экономике) вопросы безопасных условий труда; правовой защищённости работника и его социальной защиты; качества занятости с точки зрения полезности труда, возможностей профессионального роста, справедливого вознаграждения; уровня организации и содержания труда; достойного места работы, а также демократизации труда и жизни.

Это, однако, совсем не означает, что ослабевает внимание к изучению современных отношений и их тенденций в экономике труда. В актуальных публикациях о современной российской экономике труда обращает внимание следующая тематика: о влиянии автоматизации и искусственного интеллекта на российский рынок труда и навыки

² Научная электронная библиотека // eLIBRARY.RU: [сайт]. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 14.01.2025).

работников [7; 8; 9]; о динамике заработной платы, развитии социального партнёрства и путях роста производительности труда как основного источника её повышения [10; 11]; о спросе на компетенции работников со стороны работодателей и их влиянии на предлагаемую заработную плату [12]; о тенденциях и рисках для социально-трудовой сферы с позиций формирования качества трудовой жизни [13]; о методологических вопросах оценивания качества занятости и подходах к её измерению [14]; о конъюнктуре рынка труда в России в 2020–2024 гг. и его структурной динамике [15; 16; 17; 18; 19]; о занятости трудовых мигрантов в России и в её регионах [20; 21; 22]; о пространственной неоднородности монетарной компоненты благосостояния через показатели доходов и стоимости жизни субрегиональных социумов [23] и др.

Изучение актуальной тематики ведущих зарубежных журналов по экономике труда выявило значительное внимание к исследованиям стимулирования творческого труда как фактора роста его производительности [24]; неоднородного влияния на неё индивидуальной оплаты труда [25]; привлекательности высокооплачиваемых вакансий [26]; спроса на навыки и их использование на работе [27]; достижения организациями внутренней и внешней гибкости занятости [28]; поляризации работы и нестандартной работы (на примере Франции) [29]; долгосрочного влияния профессиональной подготовки на рынок труда и результаты развития навыков (на примере Чили) [30]; моделирования частичного равновесия поиска работы для объяснения желаемых компромиссов между работой и досугом для лиц, работающих на одной и нескольких работах [31]; влияния помощи в переходах в сфере занятости для низкоквалифицированных работников [32]; эффективности иммигрантов на рынке труда [33; 34]; трудовых лестниц и ассимиляции иммигрантов на рынке труда [35]; гендерного и регионального измерения избыточного образования в Европейском союзе [36]; минимальной заработной платы и пространственного равновесия [37] и др.

Из приведённого обзора публикаций следует, что большинство российских и зарубежных исследователей проводят анализ актуальных, но отдельных вопросов социально-трудовых отношений, занятости и рынка труда, а также качества трудовой жизни.

Новые условия развития России после начала в феврале 2022 г. специальной военной операции и последовавшие после этого неоднократные ужесточения экономических санкций со стороны стран т.н. «коллективного Запада» потребовали создания новых отечественных производств и

формирования новых внешнеэкономических связей. Всё это привело в движение национальный рынок труда, масштабы и структуру занятости, трудовую среду и их кадровое обеспечение. Концептуализация³ актуальных проблем современной экономики труда становится всё более необходимой для определения приоритетных направлений её практического развития.

В 2024 году в г. Москве состоялись две заметные научные конференции на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова⁴ и в Академии труда и социальных отношений (АТиСО)⁵, посвящённые концептуализации предметной области современной экономики труда. В целях углублённого тестирования этой проблематики и её разработанности в журнале «Уровень жизни населения регионов России» в 4-х выпусках в течение 2024 года была организована дискуссия об актуальных вопросах современной экономики труда и подходах к их решению.

Научная проблема, которая исследуется в данной публикации, заключается в противоречивом взаимодействии между усложнением структуры знания о социально-трудовой сфере и его фрагментацией при изучении современной экономики труда. Это мешает осмыслению целостной картины происходящих в ней изменений и вписывается в общие тенденции фрагментации современного знания об экономике [38].

Объектом представленного исследования являются результаты дискуссии, состоявшейся на страницах журнала, об основных проблемах для изучения современной экономикой труда и возможностях их решения. Предмет исследования – определение вклада авторов дискуссии в актуальную проблематику современной экономики труда в контексте общего дискурса по этой проблематике. Целью (исследовательским вопросом) является развитие и конкретизация базовой концепции проблематики современной экономики труда⁶ с

³ В данном исследовании термин «концептуализация» характеризует процесс осмысления фактов на теоретическом уровне с помощью соответствующих теоретических методов, направленный на актуализацию концепции проблемного поля современной экономики труда.

⁴ Научно-практическая конференция «Новая экономика труда – концепция, методика, практика». МГУ им. М.В. Ломоносова, 30 августа 2024 года, Москва, Россия // Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова: [сайт]. URL: https://www.econ.msu.ru/departments/labor/News.20240830132327_7727/ (дата обращения: 03.05.2025).

⁵ V Международная научно-практическая конференция (Костинские чтения). «Новая экономика труда: теоретические и прикладные аспекты», Академия труда и социальных отношений, 24 сентября 2024 года, Москва, Россия // Академия труда и социальных отношений: [сайт]. URL: https://atiso.ru/about_the_university/notifies/302542/ (дата обращения: 03.05.2025).

⁶ Содержание базовой концепции представлено ниже в тексте статьи.

учётom общего современного дискурса, основное содержание которого изложено выше. В исследовании решались следующие задачи:

1. Обобщение проблематики дискуссии, состоявшейся в журнале, с учётом общего российского и зарубежного дискурса по проблемам современной экономики труда;

2. Развитие и конкретизация базовой концепции проблематики современной экономики труда, вытекающее из современного дискурса.

Выдвигается и проверяется следующая гипотеза: современный зарубежный и российский дискурс, в том числе, на страницах журнала, позволяет развить и конкретизировать базовую концепцию проблематики современной экономики труда.

Теоретико-методологические основы исследования

Современная экономика подвержена динамичным, зачастую, трудно прогнозируемым изменениям. Одним из способов сохранения её управляемости является регулярная научная концептуализация её проблематики с использованием обобщения тенденций современной практики и результатов исследований, представленных в ведущих российских и зарубежных публикациях⁷. Это позволяет актуализировать представления о направлениях развития современной экономики труда и принимать верные управленческие решения.

Современные подходы к концептуализации проблематики экономики труда с участием автора впервые были опубликованы в 2015 году в совместной статье с д.э.н. профессором Р.П. Колосовой [39]. В этой публикации читателю были представлены следующие идеи, которые рассматриваются нами как базовая теоретико-методологическая (концептуальная) рамка актуальной проблематики, изучаемой современной экономикой труда (далее – базовая концепция):

1) «...Глобализация высвобождает экономические силы, которые углубляют уже существующее неравенство в сферах производительности труда, доходов, материального благосостояния, препятствуют равенству возможностей в социально-трудовых отношениях» [39];

2) «...Капиталистической глобализации, в основе которой лежит монетарная абсолютизация человека, культ денег и власти на основе денег, примат личного обогащения и манипулирование сознанием на монетарной основе, должна быть противопоставлена ноосферная парадигма глобального развития общества⁸, исходящая из приоритетов

⁷ В данном исследовании обобщены результаты исследований в ряде ведущих российских и зарубежных экономических и, частично, социологических журналов.

⁸ Декларация Круглого стола «Ноосферная парадигма глобального развития общества» Московского экономичес-

реализации ценностей труда, знаний и творчества как основы жизни и их достойного материального и морального стимулирования» [39];

3) «Создание качественных рабочих мест, обеспечение равенства возможностей в занятости, сокращение бедности и неформальной (теневой) занятости, стимулирование роста средних классов [40], – эти и другие подобные им критерии необходимо использовать в макроэкономической политике и её оценках... Во всех случаях цель будет состоять в том, чтобы поставить задачи в области занятости в центр национальных политик и политики мирового сообщества» [39];

4) «...Характерной чертой современного исторического периода является переход экономики от устойчивой системы с полной занятостью к возмущенной системе с неустойчивой занятостью (employment precarity)... Важно исследовать и использовать гибкость занятости как инструмента адаптации хозяйствующих субъектов к трансформациям в экономической и социальной жизни. В то же время, не менее внимательно надо изучать и предотвращать (компенсировать) экономические и социальные издержки, порождаемые растущей ненадёжностью в отношениях занятости...» [39].

5) «...Необходимость развития методологических оснований изучения экономики труда» [39].

В дальнейшем автор и его коллеги, в том числе в совместных публикациях, развили и конкретизировали ряд из этих идей в части изучения актуальных вопросов повышения качества и уровня жизни, вытекающих из справедливой и результативной занятости [41], характеристики ноосферной парадигмы общественного развития [42], обоснования центральной роли современной трудовой жизни и занятости в развитии российской экономики и общества [43], социальной незащищённости работников, вследствие прекаризации занятости и её параметризации [44; 45; 46] и др.

Развитие базовой концепции (её концептуализация), на наш взгляд, целесообразно исследовать в двух аспектах:

1) в узком – как процесс и результат значимых трансформаций современной российской капиталистической экономики труда;

2) в широком – как процесс зарождения в современной российской капиталистической экономике элементов новой социалистической (ноосферной, рыночно-социалистической или других её форм) экономики труда.

Оба эти процесса характеризуются своими переходными, посткапиталистическими отноше-

ного форума, 20–21 марта 2013 года «Ноосферной парадигме устойчивого развития альтернативы нет!» // Проблемы современной экономики. 2013. № 2(46). С. 7–8.

ями. Основным содержанием значимых трансформаций современной капиталистической экономики труда являются, на наш взгляд, разработка способов минимизации рисков и использование возможностей её развития, посредством влияния цифровых технологий и искусственно-го интеллекта. Эти формы капитализма часто определяют как постиндустриальное общество [1; 47], включающее в том числе платформы экономики совместного использования. Для «улучшения» у российского капитализма имеется много резервов: преодоление наследия его вульгарно-рыночной концепции (рынок всё отрегулирует), реальное разделение ветвей власти и их взаимный контроль, более развитые политическая конкуренция и гражданское общество. Эти и другие преобразования, зачастую прямо не связанные с экономикой, позволят привести в действие резервы повышения производительности труда, ограничение капиталистическим государством (законодательной, исполнительной и судебной властью) социально-экономического неравенства, и достижение более высоких стандартов уровня и качества жизни. Этот тип государства всё равно останется капиталистическим, но сгладить наиболее острые противоречия между трудом и капиталом эти преобразования, безусловно, позволят.

Основным содержанием преобразований экономики труда в её новой социалистической парадигме является, как это и отражено в базовой концепции, преодоление капитало-монетарной абсолютизации работника и реализация парадигмы развития социально-трудовых отношений с приоритетом ценностей знаний, труда и творчества как основ жизни; обеспечение полной занятости, достойного материального и морального стимулирования труда и предпринимательских способностей. Это включает преобразования частной собственности, простого и капиталистического товарного производства в, преимущественно, коллективистские общественное производство и социально-трудовые отношения, при которых обеспечивается развитие способностей и равенство возможностей российских граждан в реализации гуманистических идейно-нравственных ценностей и направленности развития экономики и общества [48; 49; 50]. Возможна ли реализация этих преобразований эволюционным способом? Есть пример Китая, но там развитие шло путём эволюции традиционного социализма с китайской спецификой в конвергентное общество, в которое вписывается капиталистический уклад, при обеспечении ведущей роли государственной собственности, политической роли и

лидерства коммунистической партии. А как повернуть в некапиталистическое русло российский капитализм? Каким образом эволюционно преобразовать его так, чтобы частный, основанный на личном труде, и частно-капиталистический уклады были направлены на службу интересам масс и конкретных людей, при ведущей роли государственной собственности и народного государства? Ответы на эти сложные вопросы ещё предстоит найти.

Данные и методы их использования

В качестве данных использованы положения из статей авторов дискуссии, состоявшейся на страницах журнала, с последующим их сопоставлением с общей направленностью иных российских и международных дискуссий о современной экономике труда. Статьи опубликовали И.Д. Мацкуляк, д.э.н. «Иллюзия оплаты труда и реальность его эксплуатации» [51]; Т.Д. Степанова, к.э.н. «Креативный класс и творческий труд: взаимосвязь, эксплуатация и противоречия развития» [52]; А.В. Золотов, д.э.н., С.А. Золотов, к.с.н., Е.В. Лядова, к.э.н. «Возможно ли понижение общего уровня потребительских цен в российской экономике?» [53]; В.Н. Бобков, д.э.н., О.В. Вередюк, к.э.н. «Дестандартизация занятости: вызов или решение?» [54]; Е.А. Черных, к.э.н., О.А. Золотина, к.э.н. «Качество занятости на цифровых платформах труда: подходы к измерению и оценки по странам БРИКС» [55]; Д.Г. Бычков, Е.Е. Гришина, О.А. Феоктистова, Н.В. Локтюхина «Профили самозанятости и платформенной занятости в России» [56]; Н.В. Тонких, Т.А. Камарова, Е.А. Черных «Влияние удалённой работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин» [57]; А.П. Седлов, к.э.н. «Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок» [58]; О.А. Романова, Г.Ф. Галиуллина «Качество жизни как индикатор эффективности территорий опережающего развития» [59]; Р.А. Долженко, д.э.н., С.Б. Долженко, к.э.н., В.С. Половинко, д.э.н. «Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы» [60; 61];⁹ О.А. Александрова, д.э.н. «Проблемы дефицита кадров в промышленном секторе экономики: причины и направления решения» [62]; Н.Г. Яковлева, А.М. Шафранская «Подготовка квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики: первоочередные меры» [63].

⁹ Под двойным дефицитом персонала в [11–12] понимается, с одной стороны, его нехватка из-за демографической ямы, миграционных потоков, специальной военной операции, а с другой – несоответствие профессионального уровня большинства работников требованиям работодателей, низкого уровня их мотивации работать в компании эффективно и долго.

В качестве методов обработки результатов дискуссии использованы их обобщение, группировка, сопоставление с публикациями других авторов, а также критический анализ и синтез под углом зрения изучения возможностей развития базовой концепции проблематики современной экономики труда.

Результаты исследования и их обсуждение

В логике базовой концепции обобщение и группировка вопросов, рассмотренных авторами дискуссии на страницах журнала, представляется следующей.

I. О проявлениях влияния капиталистической глобализации.

Характер влияния капиталистической глобализации на национальные экономики и их трудовую составляющую, изложенный в базовой концепции, не изменился. Изменились механизмы этого влияния. Значительно возросла роль глобальной цифровизации в формировании масштабов и структуры современной и будущей занятости. Авторами дискуссии в [55; 56; 58] были рассмотрены вопросы развития цифровых платформ труда, включая их структурные и территориальные характеристики; реакции на дефицит рабочей силы, уровень доходов и трудовую мобильность. Акцентируется внимание на росте вовлечённости работников в платформенную занятость и большой потенциал для её расширения, в том числе, смещение в сторону более молодых возрастных групп: 15–39 лет. Подчёркивалось, что при платформенной занятости размывается понятие работодателя, что свидетельствует о новом типе отношений на рынке труда: а) удалённой занятости, в т.ч. занятости за рубежом; б) расширении гибкости приложения труда; в) возможности занятости для групп с ограниченной мобильностью из-за состояния здоровья или обязанностей по уходу за членами семьи и др. В качестве рисков такой занятости в российской экономике выявлены: г) монополизация рынка платформ; д) неурегулированный статус работников; е) отсутствие существенного положительного влияния на производительность их труда и доходы.

Этот аспект дискуссии на страницах журнала корреспондируется с общим дискурсом о регулировании социально-трудовых отношений в условиях цифровой (платформенной) экономики и возрастании роли искусственного интеллекта. [1; 2; 3; 4; 7; 8; 9]. *Концептуальная связь глобальной цифровизации и искусственного интеллекта с характером занятости формирует новый вектор влияния глобализации на национальные рынки труда, позволяющий актуализировать базовую концепцию.*

Второй канал влияния современной глобализации на национальные рынки труда и занятость трансформировался из-за усилий национальных правительств ограничить влияние внешней трудовой миграции. Однако, вследствие негативных демографических процессов и недостаточной хозяйственной освоенности огромной территории нашей страны влияние внешней трудовой миграции на численность и структуру трудовых ресурсов возрастает и имеет большое значение для развития национальной экономики. В [52; 21; 33] рассмотрены императивы и диалектика внешней трудовой иммиграции как ресурса роста экономики России и источника рисков в экономической и социальной сфере. Утверждается, что нелегальная миграция составляет основу современной занятости мигрантов и более чем в два раза превышает занятость, отражаемую в налоговой статистике, что свидетельствует о неуправляемости внешней трудовой миграцией.

Обосновывается, что современная структура привлекаемых из-за рубежа трудовых ресурсов не отвечает главному вызову современной России – нехватке квалифицированных кадров. Сделан вывод о том, что при данной структуре численность внешней трудовой миграции является излишней и создает социально-экономические риски, вследствие высоких базовых норм привлечения трудовых мигрантов; мягкой политики предоставления гражданства в упрощённом порядке выходцам из СНГ; значительных возможностей конкурентных пересечений мигрантов и местных кадров в превалирующих на российском рынке труда нижних стратах по оплате труда.

Обращено внимание на новый акцент в современной внешней трудовой миграции в России – трансформации трудовой иммиграции в социальную, т.е. не связанную с трудом. Утверждается, что этому способствует упрощённый порядок получения гражданства вместе с льготами пребывания в статусе временного пребывания и вида на жительство. Предложено сформировать новую миграционную политику в качестве способа нахождения компромисса (равновесия) между ресурсами и рисками с учётом принципов нормативного привлечения трудовой иммиграции (приоритетного привлечения квалифицированных кадров, предоставления виз на период выполнения контракта, временной работы, более равномерного регионального размещения и др.) и избирательной натурализации новых граждан.

В научном обсуждении влияния внешней трудовой миграции на национальный рынок труда не выявлено единства. Распространёнными являются как позиция о конкурентных пересечениях мигрантов и местных кадров в превалирующих

на российском рынке труда нижних стратах по оплате труда [52], так и альтернативная позиция, состоящая в том, что внешние трудовые мигранты не конкурируют с национальным экономически активным населением, а дополняют друг друга. [18; 21; 33] *В российском дискурсе о концептуализации современной экономики труда тема внешней трудовой миграции остаётся одной из центральных в контексте долговременного влияния глобализации на национальный рынок труда и сферу занятости.*

II. О монетарной абсолютизации человека и некапиталистической парадигме развития социально-трудовых отношений.

В дискуссии, состоявшейся на страницах журнала, эта проблема была представлена следующим образом. В [51] анализировались современные проявления противоречия российского капитализма между общественным характером производства и частной формой присвоения, проявляющиеся в росте эксплуатации труда капиталом. Показано, что в период российских реформ в 1990–2022 гг. доля оплаченного труда в общем объёме вновь созданной стоимости снизилась, доля налогов уменьшилась, а доля неоплаченного труда выросла. Для снижения степени эксплуатации труда капиталом предлагалось ввести государственное нормирование доли прибыли работодателя. В [52] рассматривалось распределение производительности и заработных плат работников творческого труда (как более производительного). Установлено, что оно идёт преимущественно через стимулы и особые условия для бизнеса. Норма прибавочной стоимости в этих отраслях, как правило, выше, чем в других, поскольку заработная плата творческого работника превышает заработную плату других работников не в той же пропорции, в которой прибыльность продукции выше, чем в других отраслях. Также отмечалось, что институт интеллектуальной собственности при капитализме функционирует таким образом, что, как правило, творческий работник ограничен в правах на использование своих разработок.

В качестве теоретико-методологического инструментария, опирающегося не на монетарные оценки уровня потребительских цен, в [53] предложены трудовые показатели. Поставлена проблема возможности оценивания динамики стоимости продукта производства по динамике его трудоёмкости. Сделан вывод о том, что в сфере общественного производства в целом и в его отдельных секторах, ориентированных на производство товаров и услуг для личного потребления, доминирует тенденция к понижению трудоёмкости выпуска. Вопреки этому факту общий уровень потребительских цен имеет тенденцию к росту.

Предложено повышать результативность антимонопольного регулирования, а также изучить другие дополнительные меры устранения выявленного противоречия, которое вскрыто применением трудовых, а не стоимостных показателей оценивания результативности общественного производства.

Таким образом, в дискуссии на страницах журнала получила обоснование тенденция усиления эксплуатации труда капиталом, особенно, высококвалифицированного творческого труда, а также возможность применения трудовых, а не монетарных показателей оценивания результативности общественного производства.

Важно подчеркнуть, что в новых условиях, особенно, после обострения противостояния России со странами ядра политики глобализма (2022 г. – н. вр.), проявились тенденции ограничения влияния глобального капитала и власти российского капитала на вектор развития нашей страны. Необходимость мобилизации ресурсов страны для её суверенного развития и ограничения угроз извне привела к повышению регулирующей роли государства, потребовала пересмотра неolibеральных представлений об универсальности западных экономических теорий¹⁰ и изменений в кадровом составе управляющей системы. Возрастает консолидация и моральная зрелость российского общества, его влияние на власть. Не так быстро, как хотелось бы, но происходит осознание ненормальности отчуждения власти и общества и разобщённости граждан страны. Эти тенденции позволяют предположить, что Россия вступила в начальный этап решения эволюционным путём противоречия между монетарной абсолютизацией человека и его возвышением как деятельной силы, влияющей знаниями и коллективной энергией на преобразование социально-трудовых отношений. *Положение базовой концепции о приоритетах реализации ценностей труда, знаний и творчества как основы жизни и их достойного материального и морального стимулирования, в качестве альтернативы капиталистической монетарной абсолютизации человека из прогностического образа получило статус начала практического воплощения.*

III. О политике занятости как центральной в национальной политике развития экономики труда.

Полагаем, что эта проблематика в полную силу развернулась в настоящее время, как в общем дискурсе и в дискуссии, состоявшейся на

¹⁰ Евгений Примаков. Современная Россия и либерализм // Российский совет по международным делам: [сайт]. 17 декабря 2012. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/sovremennaya-rossiya-i-liberalizm/?sphrase_id=168838194 (дата обращения: 09.07.2025).

страницах журнала, так и в российской практике. В [62; 63] показано, что нехватка высококвалифицированных специалистов с идейно-культурными ценностями служения стране относится к числу важнейших системных рисков. Выявлены ограничения инвестиционной активности, обусловленные дефицитом таких кадров, а именно: 1) отставание от стран-лидеров по показателям: а) численности исследователей в эквиваленте полной занятости; б) снижения общей численности учёных, в т.ч. вследствие их эмиграции из России; 2) нехватка инженеров и разработчиков в высокотехнологичных отраслях; 3) нехватка высококвалифицированных педагогических кадров в высших и профессиональных учебных заведениях и др. Исследованы факторы, порождающие и воспроизводящие дефицит инженерно-технических и рабочих кадров, и условия, необходимые для привлечения и удержания их в промышленном секторе экономики. Определены ключевые причины кадрового дефицита в реальном секторе: а) отсутствие надлежащей промышленной политики; б) наличие дефектов в организации работы системы профессионального образования и в) изъяны в системе стратегического планирования/управления. Определены условия их преодоления: а) проведение денежно-кредитной, бюджетно-налоговой и внешнеэкономической политики, позволяющей высокотехнологичным предприятиям выйти на уровень рентабельности, необходимый для привлечения квалифицированной рабочей силы; б) обеспечение надёжного долгосрочного планирования деятельности на отраслевом, региональном уровнях, в организациях и у физических лиц; в) повышение покупательной способности населения¹¹ по доходам от занятости.

В [59] рассмотрена связь бизнес-моделей организаций и качества занятости (на примере территорий опережающего развития). Предложено разрабатывать дифференцированные по видам экономической деятельности и социально-экономическим характеристикам нормативы стоимости рабочих мест, производительности труда и уровня среднемесячной заработной платы и оценивать качество занятости в первичном звене показателем «качество рабочих мест, создаваемых резидентами». В [60; 61] поставлены вопросы актуализации функций прикладной экономики труда (уровень организаций). На основе анализа их представленности и роли на

11 крупных производственных предприятиях Российской Федерации (общая численность работников – не менее 400 000 человек – 0,50% от трудоспособного населения РФ) сделаны выводы о выявленной второстепенности функционала социально-трудовых отношений в структуре подразделений по персоналу (HR-подразделений). Установлено, что, с точки зрения предметной области, возрастает актуальность современных проблем организации труда, его нормирования, оплаты и производительности, а также регулирования численности персонала. Сделан акцент на функции экономики труда по изысканию резервов снижения численности, роста производительности труда и прогнозирования потребности в персонале. Подчёркнута также важность их включения в перечень ключевых показателей оценивания результативности деятельности подразделений по персоналу и производственных подразделений.

Проблематика занятости как центральная проблематика национальных политик подтверждается общей направленностью дискурса в российских и зарубежных журналах, рассматривающих вопросы экономики труда, что было показано выше. Более того, в российской политической политике в контексте реализации национальных целей до 2030 года и на период до 2036 года в настоящее время одно из центральных мест отведено реализации национального проекта «Кадры»¹², направленного на повышение качества занятости и включающего четыре федеральных проекта 1) «Активные меры содействия занятости», 2) «Образование для рынка труда», 3) «Управление рынком труда» и 4) «Человек труда». Из всего этого можно сделать вывод, что обозначенная в базовой концепции цель «...поставить задачи в области занятости в центр национальных политик...» превратилась в реальность. Центральная роль политики занятости практически реализуется в современной экономике труда. Дискуссия выявила важные акценты в современной политике занятости – необходимость актуализации прикладной экономики труда. Первичное звено социально-трудовых отношений является чрезвычайно важным, поскольку его практическая актуализация приведет к росту востребованности профессионалов в области экономики труда во всех звеньях российской экономики, расширению их подготовки в профессиональных и высших учебных заведениях и позволит повысить производительность труда и качество управления трудом и занятостью.

¹¹ Покупательная способность населения представляет собой количество наборов прожиточного минимума/потребительских корзин (в среднем на душу населения, трудоспособного населения, пенсионеров, соответственно), приходящихся на заданный размер денежного дохода, потребительских расходов или располагаемых ресурсов домашних хозяйств.

¹² Национальный проект «Кадры» // Минтруд России: [сайт]. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nacproekt_kadry (дата обращения: 04.05.2025).

IV. О переходе экономики от устойчивой системы с полной занятостью к возмущенной системе с неустойчивой занятостью.

Время, прошедшее после публикации базовой концепции, показало, что переход экономик от устойчивых систем с полной занятостью к возмущенным системам с неустойчивой занятостью оказывает огромное влияние не только на сферу занятости, но и на прекаризацию жизни в капиталистических государствах [64]. По мере выдвижения занятости в центр экономической и социальной политики капиталистических государств самостоятельное значение приобретают её неустойчивые формы, обусловленные дестандартизацией занятости.

Вопросы дестандартизации современной занятости и её влияния на уязвимость экономического и социального положения работника рассматривались в дискуссии на страницах журнала в [54; 55; 56; 57]. Была дана характеристика различных форм неполной, гибкой, краткосрочной, удалённой, самостоятельной, агентской, платформенной и неформальной (теневой) занятости, в которых выражаются качественные изменения предложения и спроса на труд. Рассмотрены значимые их аспекты, такие, как изменения качественных характеристик занятости.

Среди основных рисков современной занятости в нашей стране указан её преимущественно неустойчивый (прекаризованный, прекарный) характер. Представленные оценки распространения неустойчивой занятости показали, что она практически полностью охватывает сектор занятости физических лиц и широко проникла в занятость в секторе организаций. Ряд ключевых и не ключевых её индикаторов: низкий уровень заработной платы, задолженность по заработной плате, отклоняющееся от стандартного рабочее время и др. делает необходимым вариативную оценку масштабов неустойчивой занятости с учётом концентрации её индикаторов. В целом в 2021 году от 40 до 55% рабочей силы, включая её потенциальный сектор, имели неустойчивую занятость [65], а её концентрированные формы в организациях охватывали в 2023 году 39,2% работников организаций [66].

Дискутантами предлагалось актуализировать Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 № 565-ФЗ. Внести в него понятие «неустойчивая (прекаризованная, прекарная) занятость», её признаки и показатели; определить перечень мер по её сокращению; дополнить положениями о регулировании самозанятости и платформенной занятости, о социальных гарантиях платформенным занятым и самозанятым вне платформ; стимулировать раз-

витие новых форм профсоюзного движения для охвата социальной защитой работников в этих формах занятости; активизировать деятельность государственной службы занятости в сфере профессионального сопровождения молодёжи.

Проблематике социальных последствий дестандартизации занятости уделяется внимание и в общем российском и зарубежном дискурсе о современной экономике труда. Она рассматривается в аспекте социальной и правовой защищённости работника вследствие достижения организациями внутренней и внешней гибкости занятости и её влияния на прекаризацию жизни [4; 6; 28; 64; 67]. Возрастающее внимание к проблематике неустойчивой занятости в общей проблематике занятости подтверждает центральную роль политики занятости в современной экономике труда. Тем не менее, *учитывая глобальность проблематики неустойчивой занятости, её влияние на все сферы жизни, а также недостаточную её артикуляцию органами власти в нашей стране^{13,14,15}, сохранение за ней самостоятельного места в актуальной концепции проблематики современной экономики труда представляется оправданным.*

V. О методологических основаниях развития экономики труда.

Эти вопросы в дискуссии были частично освещены при рассмотрении задач прикладной экономики труда. В [60; 61] привлечено внимание к более широкому использованию возможностей профессионального стандарта «Специалист по экономике труда». Подчёркнута важность действий профессионального и научного сообщества по формированию актуальной методологии повышения организационной эффективности, определению оценочных показателей производственной эффективности/производительности труда. Из всего этого вытекает возрастание значимости положения базовой концепции о необходимости разработки «Новой экономики труда» как науки и как системы инструментов для практических решений [39].

В общем дискурсе также поставлен вопрос о необходимости формирования новой концептуально-теоретической парадигмы функционирования сферы труда, назревших вопросах её адаптации с позиций актуальной теоретической конструкции, обусловленных глобальным

¹³ Федеральный закон от 12.12.2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации».

¹⁴ Национальный проект «Кадры» // Минтруд России: [сайт]. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nacproekt_kadry (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁵ Минтруд назвал 8 признаков для определения «подмены» трудовых отношений // РБК. Финансы: [сайт]. URL: <https://finance.mail.ru/2025-04-17/mintrud-nazval-8-priznakov-podmeny-trudovyh-otnosheniy-s-rabotnikami-65757461/> (дата обращения: 17.04.2025).

влиянием цифровизации и искусственного интеллекта [1; 2].

Результаты дискуссии, состоявшейся в журнале, и направленность общего дискурса подтвердили жизненность базовой концепции для приоритетного изучения современной экономической труда [33] и позволяют актуализировать её в следующих областях:

- связи глобальной цифровизации и искусственного интеллекта с характером занятости в качестве нового вектора влияния глобализации на национальные рынки труда;

- долговременного влияния глобализации на российский рынок труда и сферу занятости в части внешней трудовой миграции;

- анализа начального этапа эволюционного разрешения в нашей стране противоречия между монетарной абсолютизацией человека и его возвышением как деятельной силы, влияющей знаниями, ценностями труда и коллективной энергией на преобразование социально-трудовых отношений;

- учёта в современной политике занятости наряду с мега- (международный уровень) макро- (общероссийский уровень), также её микро-уровня (организации) – прикладной экономики труда. В совокупности взаимодействие этих уровневых форм социально-трудовых отношений необходимо направить на значительное повышение производительности труда профессионально подготовленными и идейно-нравственными работниками;

- необходимости легитимизации в российской государственной политике занятости феномена неустойчивой (прекаризованной, прекарной) занятости; её идентификации в российском трудовом и социальном законодательстве и целенаправленной работы по сокращению её масштабов и последующего преодоления.

Заключение

Дискуссия на страницах журнала в контексте общего дискурса позволила развить и конкретизировать направления исследований, выявленные в базовой концепции приоритетов для изучения современной экономической труда. Это подтверждает выдвинутую гипотезу исследования.

В дальнейших исследованиях концептуальных преобразований современной экономики труда необходимо более полно охарактеризовать взаимообусловленность влияния на неё цифровизации и искусственного интеллекта, а также возвышения роли человека в сфере труда как носителя современных профессиональных знаний, ценностей труда и идейно-нравственных качеств. Перед наукой стоит приоритетная задача обоснования способов решения проблемы опережающего развития профессионализма и духовно-нравственных качеств человека по сравнению с развитием сложности технических и информационных систем. Это позволит использовать искусственный интеллект, порождённый человеком, для просвещения, развития способностей всех членов общества и управления экономикой и государством. Прагматичный подход потребует обоснования переходных форм и этапов преобразования российской экономики труда в единстве с профессиональным и гуманистическим развитием человека, общества и государства.

Ещё одним востребованным, но пока не реализованным, аспектом базовой концепции является разработка новых учебников, отражающих и структурирующих современные концептуальные вопросы экономики труда. Эта задача может быть решена обобщением изменений в современной социально-трудовой практике, их отражения в многочисленных публикациях по актуальным вопросам современной экономики труда, в том числе, реализацией прогностической функции науки.

Список источников

1. Садовая Е.С. Особенности регулирования социально-трудовых отношений в условиях цифровой экономики // Труд и социальные отношения. 2022. Том 33. № 5. С. 37–51. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-5-37-51> EDN RRBHVZ
2. Вуколов В.Л. Цифровая экономика и рынок труда, цифровые технологии и трудовые отношения: взаимовлияние, особенности и тенденции развития // Социально-трудовые исследования. 2023. № 1(50). С. 24–30. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-24-30> EDN UGGVAN
3. Забелина О.В., Сергеева М.В. Платформенная занятость в Российской Федерации: масштабы, правовые особенности и тенденции развития // Социально-трудовые исследования. 2024. № 4(57). С. 8–20. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-8-20> EDN SLQKMY
4. Скоробогатов А.С., Свиридов О.И. Влияние искусственного интеллекта на структуру и содержание вакансий на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2025. № 1. С. 71–91. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-71-91> EDN IUBBUP
5. Никитин В.Н. Современные вызовы и проблемы экономики труда // Транспортное дело России. 2024. № 6. С. 3–6. EDN KLWBGE

6. Савкин В.И., Паршутин И.Г., Солодовник А.И. Теоретико-методологические вопросы в сфере качества трудовой жизни и социально-трудовых отношений в АПК // Вестник аграрной науки. 2022. № 1(94). С. 152–159. <https://doi.org/10.17238/issn-2587-666X>. 2022.1.152 EDN WPSBQZ
7. Скоробогатов А.С., Свиридов О.И. Влияние искусственного интеллекта на структуру и содержание вакансий на российском рынке труда. Вопросы экономики. 2025. № 1. С. 71–91. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-71-91> EDN IUBBUP
8. Терников А.А. Искусственный интеллект и спрос на навыки работников в России // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 65–80. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-65-80> EDN DMAYIK
9. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 68–94. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-68-94> EDN HSIVVK
10. Лукьянова А.Л. Снижение неравенства в оплате труда в России: динамика и ключевые факторы (2005–2023 гг.) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 4(65). С. 267–275. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_4_267-275 EDN ICXGFB
11. Жуков А.Л. Защита заработной платы на этапе развития социального партнерства // Труд и социальные отношения. 2023. Том 34. № 5. С. 5–17. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2023-34-5-5-17> EDN MIFKXW
12. Разумова Т.О., Лебедева П.С. Влияние требуемых работодателем компетенций на уровень предлагаемой заработной платы на российском рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2023. № 3(52). С. 29–45. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-29-45> EDN LYIEDO
13. Леонидова Г.В. Социально-трудовая сфера РФ: тенденции и риски формирования качества трудовой жизни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15. № 6. С. 182–198. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.11> EDN VLOJZW
14. Соболева И.В. Качество занятости и благополучие, связанное с работой: подходы к измерению // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 3. С. 7–25. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_7_25 EDN ADMPER
15. Кашепов А.В. Рынок труда и занятость в России в 2020–2024 гг // Социально-трудовые исследования. 2024. № 4(57). С. 43–52. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-43-52> EDN KFGIFM
16. Ахапкин Н.Ю. Структурная динамика российского рынка труда: эффекты санкционных ограничений // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 6. С. 7–23. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_6_7_23 EDN SFLLCO
17. Зудина А.А. Неформальная занятость в периоды кризиса: анализ потоков рабочей силы на российском рынке труда // Экономический журнал высшей школы экономики. 2024. Том 28. № 4. С. 565–586. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586> EDN OYLGWW
18. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых: Экспертный доклад / О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, Д.Е. Карева, Д.А. Стужук. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024. 64 с. ISBN 978-5-7598-4067-1 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4067-1> EDN LPKRMS
19. Капелюшников Р.И. Кривая Бевериджа: что она говорит о ситуации на российском рынке труда? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 4(65). С. 246–258. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_4_246-258 EDN GTYWHS
20. Карцева М.А., Флоринская Ю.Ф. Международные мигранты на российском рынке труда: свои среди своих? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2(63). С. 75–97. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_75-97 EDN VFMZKY
21. Смирных Л.И., Полякова Е.Ю. Трудовые доходы и интеграция мигрантов на российском рынке труда // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 3(47). С. 84–105. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-4> EDN ZTRGPD
22. Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б. Мигранты на рынке труда Москвы // Вопросы экономики. 2025. № 1. С. 44–70. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-44-70> EDN HTKEVW
23. Суринов А.Е., Луппов А.Б. Дифференциация доходов населения и стоимость жизни на субрегиональном уровне. Оценки для России // Экономический журнал высшей школы экономики. 2022. Том 26. № 4. С. 552–578. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-4-552-578> EDN ZCWPSJ
24. Bradler C., Neckermann S., Warnke A.J. Incentivizing Creativity: a Large-Scale Experiment with Performance Bonuses and Gifts // Journal of Labor Economics. 2019. Vol. 37. No. 3. P. 793–851. <http://doi.org/10.1086/702649>
25. Clemens M., Sauermann J. Making the right call: The heterogeneous effects of individual performance pay on productivity // Labour Economics. 2025. Vol. 94. Art. 102694. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2025.102694>
26. Banfi S., Villena-Roldán B. Do High-Wage Jobs Attract More Applicants? Directed Search Evidence from the Online Labor Market // Journal of Labor Economics. 2019. Vol. 37. No. 3. P. 715–746. <https://doi.org/10.1086/702627>
27. Daly M., Groes F., Jensen M.F. Skill demand versus skill use: Comparing job posts with individual skill use on the job // Labour Economics. 2025. Vol. 92. Art. 102661. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102661>
28. How do firms attain internal and external flexibility of employment? / T. Fukai, D. Kawaguchi, A. Kondo, I. Yokoyama // Labour Economics. 2024. Vol. 91. Art. 102628. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102628>
29. Charlot O., Fontaine I., Sopraseuth T. Job polarization and non-standard work: Evidence from France // Labour Economics. 2024. Vol. 88. Art. 102534. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102534>
30. Doerr A., Novella R. The long-term effects of job training on labor market and skills outcomes in Chile // Labour Economics. 2024. Vol. 91. Art. 102619. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102619>
31. Sum Lo Simon Ming. Desired work-leisure balance in a partial equilibrium job search model with multiple job holding // IZA Journal of Labor Economics. 2023 Vol. 12. Issue 1. P. 1–43. <https://doi.org/10.2478/izajole-2023-0006>
32. Carrasco R., Gálvez-Iniesta I., Jerez B. Do temporary help agencies help? Employment transitions for low-skilled workers // Labour Economics. 2024. Vol. 90. Art. 102586. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102586>
33. Smirnykh L., Polyakova E. The human capital and income of immigrants: evidence from Russia // Applied Economics. 2023. Vol. 55. Issue 26. P. 2945–2963. <https://doi.org/10.1080/00036846.2022.2123102>
34. Willis S. Workplace segregation and the labour market performance of immigrants // Labour Economics. 2025. Vol. 93. Art. 102652. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102652>

35. Gorshkov A. Job ladders and labour market assimilation of immigrants // *Labour Economics*. 2024. Vol. 90. Art. 102594. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102594>
36. Baran J.A. Overeducation in the EU: Gender and Regional Dimension // *Labour Economics*. 2024. Vol. 90. Art. 102603. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102603>
37. Monras J. Minimum Wages and Spatial Equilibrium: Theory and Evidence // *Journal of Labor Economics*. 2019. Vol. 37. No. 3. P. 853–904. <https://doi.org/10.1086/702650>
38. Ананьин О.И. Экономическая наука: вызов фрагментации // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024. № 2(63). С. 193–210. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_193-210 EDN YPUKMJ
39. Колосова Р.П., Бобков В.Н. Современные подходы к экономике труда // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 6(184). С. 12–14. EDN QIXMYB
40. Средние классы в капиталистической России: [монография] / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, В.Г. Квачев [и др.]. Москва: КНОРУС, 2018. 208 с. ISBN 978-5-406-00366-4 EDN VAISCV
41. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW
42. Бобков В.Н. О причинах капиталистической реставрации социализма в СССР и чертах ноосферного социализма // *Общество. Среда. Развитие*. 2024. № 1(70). С. 141–148. https://doi.org/10.53115/19975996_2024_01_141_148 EDN MPVZYU
43. Бобков В.Н., Черных Е.А. Взаимосвязь качества занятости и качества трудовой жизни: обзор исследований и контуры их развития // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 3. С. 361–384. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_361_384 EDN KWVKLG
44. Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, Т.В. Иванова, Т.В. Чащина // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Том 18. № 4. С. 502–520. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7> EDN KWLGGN
45. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Бобков Н.В. Влияние уровня и качества занятости в поколенных группах на распределение трудоспособного населения по душевым денежным доходам // *Социально-трудовые исследования*. 2021. № 3(44). С. 8–20. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-44-3-8-20> EDN NAPWSF
46. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Влияние неустойчивой занятости на материальную обеспеченность домохозяйств // *Социально-трудовые исследования*. 2020. № 2(39). С. 30–41. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-30-41> EDN UNUNZX
47. Ричерри М. Ценность труда в контексте цифровой экономики // *Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда: [монография] / гл. науч. ред. д.э.н., проф. В.Н. Бобков; ред. колл. О.Н. Альхименко, В.Г. Квачев [и др.]. М.: РеалПринт, 2017. С. 37–59. ISBN 978-5-9908607-3-5*
48. Субетто А.И. Общество жизнестроительного ноосферного труда – стратегия развития России и человечества // *Уровень жизни населения регионов России*. 2021. Том 17. № 2. С. 263–270. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.10> EDN NBEVBZ
49. Субетто А.И. Философская система ноосферизма. Сокращенный текст постановочного доклада на Круглом Столе «Научная Школа Ноосферизма. Диалоги за круглым столом» // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 1. С. 138–140. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_11_138_140 EDN XFMVCY
50. Никитенко П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика. Стратегия инновационного развития. Минск: «Белорусская наука», 2006. 479 с. ISBN 985-08-0697-4
51. Мацкуляк И.Д. Иллюзия оплаты труда и реальность его эксплуатации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 2. С. 172–182. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_3_172_182 EDN DKRFQG
52. Степанова Т.Д. Креативный класс и творческий труд: взаимосвязь, эксплуатация и противоречия развития // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 2. С. 183–195. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_4_183_195 EDN FNVGYT
53. Золотов А.В., Золотов С.А., Лядова Е.В. Возможно ли понижение общего уровня потребительских цен в российской экономике? // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 1. С. 17–26. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_2_17_26 EDN NMFRLX
54. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Дестандартизация занятости: вызов или решение? // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 2. С. 196–210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_5_196_210 EDN FPPXUQ
55. Черных Е.А., Золотина О.А. Качество занятости на цифровых платформах труда: подходы к измерению и оценки по странам БРИКС // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 2. С. 211–227. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_6_211_227 EDN GXKABK
56. Профили самозанятости и платформенной занятости в России / Д.Г. Бычков, Е.Е. Гришина, О.А. Феоктистова, Н.В. Локтюхина // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 3. С. 339–355. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355 EDN QMJLYF
57. Тонких Н.В., Камарова Т.А., Черных Е.А. Влияние удаленной работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 3. С. 356–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_3_356_370 EDN SFUVUG
58. Седлов А.П. Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 2. С. 228–242. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_7_228_242 EDN QCHFSP
59. Романова О.А., Галиуллина Г.Ф. Качество жизни как индикатор эффективности территорий опережающего развития // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 4. С. 499–514. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_2_499_514 EDN FCGNUQ
60. Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С. Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 1 // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 2. С. 163–171. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_2_163_171 EDN DBRIAR

61. Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С. Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 2 // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 371–384. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_4_371_384 EDN TXTDDK
62. Александрова О.А. Проблема дефицита кадров в промышленном секторе экономики: причины и направления решения // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 150–162. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_1_150_162 EDN BGVYET
63. Яковлева Н.Г., Шафранская А.М. Подготовка квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики: первоочередные меры // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 515–529. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_3_515_529 EDN DSBCOC
64. От precarious занятости к прекаризации жизни: [коллективная монография] / Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, М.Б. Буланова [и др.]; под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Весь Мир, 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> EDN VOKUSY
65. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Подвойский Г.Л. Устойчивая и неустойчивая занятость в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2023. Том 17. № 3. С. 109–124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124> EDN MHZHXH
66. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2023 год: [Ежегодник]. Вып. 2(203) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 182 с. ISBN 978-5-9940-0734-1 EDN KGTONL
67. Хенн Р. Условия прекариата, укоренившиеся в обществе // Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда: [монография] / гл. науч. ред. д.э.н., проф. В.Н. Бобков; ред. колл. О.Н. Альхименко, В.Г. Квачев [и др.]. М.: РеалПринт, 2017. С. 28–37. ISBN 978-5-9908607-3-5

Информация об авторе:

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН
(SPIN-код: 5639-0410) (РИНЦ Author ID: 275902) (ResearcherID: U-6527-2019)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 18.05.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 11.09.2025

References

1. Sadovaya E.S. Features of Regulation of Social and Labor Relations in the Conditions of the Digital Economy. *Trud i sotsial'nye otnosheniya=Labor and Social Relations*. 2022;33(5):37–51. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-5-37-51> (In Russ.)
2. Vukolov V.L. Digital Economy and Labor Market, Digital Technologies and Labor Relations: Mutual Influence, Features and Development Trends. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(1(50)):24–30. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-24-30> (In Russ.)
3. Zabelina O.V., Sergeeva M.V. Digital Platform Employment in Russia: Scale, Legal Features and Development Trends. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2024;(4(57)):8–20. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-8-20> (In Russ.)
4. Skorobogatov A.S., Sviridov O.I. The Artificial Intelligence Impact on Russian Labor Market. *Voprosy Ekonomiki*. 2025;(1):71–91. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-71-91> (In Russ.)
5. Nikitin V.N. Contemporary Challenges and Problems of Labor Economics. *Transportnoe delo Rossii=Transport Business of Russia*. 2024;(6):3–6. (In Russ.)
6. Savkin V.I., Parshutina I.G., Solodovnik A.I. Theoretical and Methodological Issues in the Sphere of Quality of Working Life and Social and Labor Relations in AIC. *Vestnik agrarnoi nauki=Bulletin of Agrarian Science*. 2022;(1(94)):152–159. <https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2022.1.152> (In Russ.)
7. Skorobogatov A.S., Sviridov O.I. The Artificial Intelligence Impact on Russian Labor Market. *Voprosy Ekonomiki*. 2025;(1):71–91. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-71-91> (In Russ.)
8. Ternikov A.A. Artificial Intelligence and the Demand for Skills in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(11):65–80. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-65-80> (In Russ.)
9. Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. Work Routines and Risks of Automation in the Russian Labor Market. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;(8):68–94. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-68-94> (In Russ.)
10. Lukyanova A.L. Decreasing Earnings Inequality in Russia: Trends and Drivers from 2005 to 2023. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2024;(4(65)):267–275. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_4_267-275 (In Russ.)
11. Zhukov A.L. Wage Protection at the Stage of Development of Social Partnership. *Trud i sotsial'nye otnosheniya=Labor and Social Relations*. 2023;34(5):5–17. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2023-34-5-5-17> (In Russ.)
12. Razumova T.O., Lebedeva P.S. The Impact of the Competencies Required by the Employer on the Proposed Salary in the Russian Labor Market. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(3(52)):29–45. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-29-45> (In Russ.)
13. Leonidova G.V. Social and Labor Sphere in the Russian Federation: Trends and Risks in the Formation of the Quality of Working Life. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(6):182–198. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.11> (In Russ.)
14. Soboleva I.V. Quality of Employment and Work-Related Well-Being: Approaches to Measurement. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2024;(3):7–25. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_7_25 (In Russ.)

15. Kashepov A.V. Labor Market and Employment in Russia in 2020-2024. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2024;(4(57)):43-52. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-43-52> (In Russ.)
16. Akhapi N.Yu. Structural Dynamics of the Russian Labor Market: Effects of Sanction Restrictions. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2024;(6):7-23. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_6_7_23 (In Russ.)
17. Zudina A.A. Informal Employment during Crises: Analysis of Labour Force Flows in the Russian Labour Market. *Ehkonomicheskii zhurnal vysshei shkoly ehkonomiki=HSE Economic Journal*. 2024;28(4):565-586. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586> (In Russ.)
18. Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Kareva D.E., et al. Platformennaya Zanyatost' v Rossii: Dinamika Rasprostranennosti i Klyucheveye Kharakteristiki Zanyatykh. Expert Report. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2024. 64 p. ISBN 978-5-7598-4067-1 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4067-1> (In Russ.)
19. Kapeliushnikov R.I. The Beveridge Curve: What does it Tell Us about the Stance of the Russian Labor Market? *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2024;(4(65)):246-258. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_4_246-258 (In Russ.)
20. Kartseva M.A., Florinskaya Yu.F. Labor Market Situation of International Migrants in the Russian: One Among One's Own? *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2024;(2(63)):75-97. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_75-97 (In Russ.)
21. Smirnykh L.I., Polaykova E.Y. Income and the Integration of Migrants in the Russian Labour Market. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2020;(3(47)):84-104. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-4> (In Russ.)
22. Varshavskaya E.Ya., Denisenko M.B. Migrants in the Moscow Labor Market. *Voprosy Ekonomiki*. 2025;(1):44-70. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-44-70> (In Russ.)
23. Surinov A., Luppov A. Income Inequality and the Cost of Living at the Sub-Regional Level. Estimates for Russia. *Ehkonomicheskii zhurnal vysshei shkoly ehkonomiki=HSE Economic Journal*. 2022;26(4):552-578. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-4-552-578> (In Russ.)
24. Bradler C., Neckermann S., Warnke A.J. Incentivizing Creativity: a Large-Scale Experiment with Performance Bonuses and Gifts. *Journal of Labor Economics*. 2019;37(3):793-851. <https://doi.org/10.1086/702649>
25. Clemens M., Sauermann J. Making the Right Call: The Heterogeneous Effects of Individual Performance Pay on Productivity. *Labour Economics*. 2025;94,102694. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2025.102694>
26. Banfi S., Villena-Roldán B. Do High-Wage Jobs Attract More Applicants? Directed Search Evidence from the Online Labor Market. *Journal of Labor Economics*. 2019;37(3):715-746. <https://doi.org/10.1086/702627>
27. Daly M., Groes F., Jensen M.F. Skill Demand versus Skill Use: Comparing Job Posts with Individual Skill Use on the Job. *Labour Economics*. 2025;92,102661. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102661>
28. Fukai T., Kawaguchi D., Kondo A., et al. How do Firms Attain Internal and External Flexibility of Employment? *Labour Economics*. 2024;91,102628. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102628>
29. Charlot O., Fontaine I., Sopraseuth T. Job Polarization and Non-Standard Work: Evidence from France. *Labour Economics*. 2024;88,102534. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102534>
30. Doerr A., Novella R. The Long-Term Effects of Job Training on Labor Market and Skills Outcomes in Chile. *Labour Economics*. 2024;91,102619. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102619>
31. Sum Lo Simon Ming. Desired Work-Leisure Balance in a Partial Equilibrium Job Search Model with Multiple Job Holding. *IZA Journal of Labor Economics*. 2023;12(1):1-43. <https://doi.org/10.2478/izajole-2023-0006>
32. Carrasco R., Gálvez-Iniesta I., Jerez B. Do Temporary Help Agencies Help? Employment Transitions for Low-Skilled Workers. *Labour Economics*. 2024;90,102586. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102586>
33. Smirnykh L., Polyakova E. The Human Capital and Income of Immigrants: Evidence from Russia. *Applied Economics*. 2023;55(26):2945-2963. <https://doi.org/10.1080/00036846.2022.2123102>
34. Willis S. Workplace Segregation and the Labour Market Performance of Immigrants. *Labour Economics*. 2025;93,102652. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102652>
35. Gorshkov A. Job Ladders and Labour Market Assimilation of Immigrants. *Labour Economics*. 2024;90,102594. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102594>
36. Baran J.A. Overeducation in the EU: Gender and Regional Dimension. *Labour Economics*. 2024;90,102603. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102603>
37. Monras J. Minimum Wages and Spatial Equilibrium: Theory and Evidence. *Journal of Labor Economics*. 2019;37(3):853-904. <https://doi.org/10.1086/702650>
38. Ananyin O.I. Economic science: The Challenge of Fragmentation. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2024;2(63):193-210. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_193-210 (In Russ.)
39. Kolosova R.P., Bobkov V.N. Sovremennye Podkhody k Ehkonomike Truda. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2013;(6(184)):12-14. (In Russ.)
40. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Kvachev V.G., et al. Middle Classes in Capitalist Russia. Monograph. Moscow: Publishing House KNORUS; 2018. 208 p. ISBN 978-5-406-00366-4 (In Russ.)
41. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. About the Risks in the Sphere of Living Standards of the Russian Population, Opportunities and Solutions to Reduce them. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59-75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)
42. Bobkov V.N. O Prichinakh Kapitalisticheskoi Restavratsii Sotsializma v SSSR i Chertakh Noosfernogo Sotsializma. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie=Society. Environment. Development*. 2024;(1(70)):141-148. https://doi.org/10.53115/19975996_2024_01_141_148 (In Russ.)

43. Bobkov V.N., Chernykh E.A. The Relationship of the Quality of Employment and the Quality of Work Life: A Review of Research and the Outlines of Their Development. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):361–384. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_361_384 (In Russ.)
44. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Ivanova T.V., et al. Significant Indicators of Precarious Employment and Their Priority. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):502–520. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7> (In Russ.)
45. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Bobkov N.V. The Impact of the Level and Quality of Employment in Generational Groups on the Distribution of the Working-Age Population by per Capita Income. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2021;(3(44)):8–20. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-44-3-8-20> (In Russ.)
46. Bobkov V.N., Odintsova E.V. Influence of Precarious Employment on Household Well-Being. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2020;(2(39)):30–41. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-30-41> (In Russ.)
47. Richerri M. Tsennost' Truda v Kontekste Tsifrovoy Ehkonomiki. In: Bobkov V.N. (chief sci. ed.), Alkhimenko O.N., Kva- chev V.G. (eds.), et al. Neustoichivost' Zanyatosti: Mezhdunarodnyi i Rossiiskii Konteksty Budushchego Sfery Truda. Monograph. Moscow: Publishing House RealPrint; 2017. P. 37–59. ISBN 978-5-9908607-3-5 (In Russ.)
48. Subetto A.I. Society of Life-Creating Noosphere Labour – the Strategy for the Development of Russia and Humanity. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(2):263–270. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.10> (In Russ.)
49. Subetto A.I. Filosofskaya Sistema Noosferizma. Sokrashchennyi Tekst Postanovochnogo Doklada na Kruglom Stole «Nauch- naya Shkola Noosferizma. Dialogi za kruglom stolom». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Popula- tion in the Regions of Russia*. 2023;19(1):138–140. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_11_138_140 (In Russ.)
50. Nikitenko P.G. Noosfernaya Ehkonomika i Sotsial'naya Politika. Strategiya Innovatsionnogo Razvitiya. Minsk: Publishing House Belorusskaya nauka; 2006. 479 p. ISBN 985-08-0697-4 (In Russ.)
51. Matskulyak I.D. The Illusion of Remuneration and the Reality of its Exploitation. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):172–182. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_3_172_182 (In Russ.)
52. Stepanova T.D. Creative Class and Creative Work: Interrelation, Exploitation and Contradictions of Development. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):183–195. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_4_183_195 (In Russ.)
53. Zolotov AV, Zolotov SV, Lyadova EV. Is it Possible to Reduce the General Level of Consumer Prices in the Russian Economy? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):17–26. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_2_17_26 (In Russ.)
54. Bobkov O.N., Veredyuk O.V. De-Standardisation of Employment: Challenge or Solution? *Uroven' zhizni naseleniya re- gionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):196–210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_5_196_210 (In Russ.)
55. Chernykh E.A., Zolotina O.A. Quality of Employment on Digital Labor Platforms: Approaches to Measurement and Assess- ments for BRICS Countries. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):211–227. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_6_211_227 (In Russ.)
56. Bychkov D.G., Grishina E.E., Feoktistova O.A., et al. The Profiles of the Self-employed and Platform Workers in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):339–355. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355 (In Russ.)
57. Tonkikh N.V., Kamarova T.A., Chernykh E.A. The Impact of Remote Work on the Parameters of Work, Family and Per- sonal Life of Russian Men. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):356–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_3_356_370 (In Russ.)
58. Sedlov A.P. Resources and Risks of Labor Immigration: Imperatives of Formation and Methodology of Assessments. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):228–242. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_7_228_242 (In Russ.)
59. Romanova O.A., Galiullina G.F. Quality of Life as an Indicator of the Effectiveness of Advanced Development Areas. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):499–514. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_2_499_514 (In Russ.)
60. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Polovinko V.S. Applied Labor Economics in Conditions of Double Personnel Shortage: Revival and New Challenges. Part 1. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):163–171. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_2_163_171 (In Russ.)
61. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Polovinko V.S. Applied Labor Economics in Conditions of Double Personnel Shortage: Revival and New Challenges. Part 2. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):371–384. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_4_371_384 (In Russ.)
62. Aleksandrova O.A. The Problem of Personnel Shortage in the Industrial Sector of the Economy: Reasons and Directions for Solution. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):150–162. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_1_150_162 (In Russ.)
63. Yakovleva N.G., Shafranskaya A.M. Training of Qualified Personnel to Ensure Technological Sovereignty of the Russian Econ- omy: Priority Measures. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):515–529. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_3_515_529 (In Russ.)
64. Toshchenko Zh.T. (ed.), Anisimov R.I., Belova N.I., et al. Ot Prekarnoi Zanyatosti k Prekarizatsii Zhizni. Coll. mono- graph. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> (In Russ.)

65. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Podvoisky G.L. Sustainable and Precarious Employment in the Russian Federation. *Mir no-voi ehkonomiki=The World of the New Economy*. 2023;17(3):109-124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124> (In Russ.)
66. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2023 god. Yearbook. Issue 2(203). Moscow: IE RAS; 2024. 182 p. ISBN 978-5-9940-0734-1 (In Russ.)
67. Khepp R. Usloviya Prekariata, Ukorenivshiesya v Obshchestve. In: Bobkov V.N. (chief sci. ed.), Alkhimenko O.N., Kva-chev V.G. (eds.), et al. Neustoichivost' Zanyatosti: Mezhdunarodnyi i Rossiiskii Konteksty Budushchego Sfery Truda. Monograph. Moscow: Publishing House RealPrint; 2017. P. 28–37. ISBN 978-5-9908607-3-5 (In Russ.)

Information about the author:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 5639-0410) (RSCI Author ID: 275902) (ResearcherID: U-6527-2019)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 18.05.2025; approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 316.344

JEL J08

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_2_371_383

EDN COKBXX

Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть II¹

Жан Терентьевич Тощенко^{1,2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
(zhantosch@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-7729-3660>)

² Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

Аннотация

Во второй части статьи анализируется отношение к труду в Советском Союзе во второй половине XX века и в условиях новой России в XXI веке. Показывается, как сформированный в годы первых пятилеток культ труда получил новый импульс развития сначала в годы восстановления народного хозяйства, а затем в ходе выполнения таких стратегических целей как освоение целины, строительство новых городов и предприятий в Сибири, на Дальнем Востоке и Крайнем Севере, что было связано с освоением природных богатств этих регионов. Значимость труда усиливалась и в процессе реализации Атомного и Космического проекта, что тоже способствовало укреплению величия труда. В этой связи раскрываются формы и новые инициативы работников производства, рождённые при выполнении этих проектов в 1950–1980-е годы. Вместе с тем анализируются начавшиеся созреть потребительские установки в сознании и поведении людей, которые наиболее ощутимо проявили себя в годы перестройки. Затем показывается, как в условиях новой России ряд принципиальных положений о роли и значимости труда подвергся коррозии и на первое место среди ценностных ориентаций стал выходить *культ потребления*, который постепенно становился ведущим среди мотивов поведения значительного количества работников отраслей национальной экономики и культуры. На основе статистической и социологической информации раскрываются причины такого изменения в отношении к труду, а также последствия, приведшие к серьёзным, в том числе к негативным явлениям в общественной жизни в результате культивирования потребительных установок и ориентаций.

Ключевые слова: СССР, Россия, труд, культура, экономика, перестройка, занятость, рыночные реформы, потребление

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00093.

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть II // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 371–383. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_2_371_383 EDN COKBXX

RAR (Research Article Report)

JEL J08

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_2_371_383

Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part II²

Zhan T. Toshchenko^{1,2}

¹ The Russian State University for Humanities, Moscow, Russia
(zhantosch@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-7729-3660>)

² Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes the attitude towards work in the Soviet Union in the second half of the 20th century and in the conditions of the new Russia in the 21st century. It is shown that the cult of labor formed during the years of the first five-year plans received a new impetus for development, first during the years of economic recovery, and then during the implementation of such grandiose social tasks as the development of virgin lands, the construction of new cities and enterprises in Siberia, the Far East and the Far North, which was associated with the development of the natural resources of these regions. The importance of labor was also enhanced during the implementation of the Atomic and Space Project, which also contributed to strengthening the greatness of labor. New forms and new initiatives of production workers born during the implementation of these projects are revealed. At the same time, consumer attitudes that began to mature in the consciousness and behavior of people, which first tangibly manifested themselves during the years of perestroika, are analyzed. Then it is

¹ Окончание. Первую часть статьи см.: Тощенко Ж.Т. Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть I // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 274–286. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 EDN SXDPZY

² The End. First part of the article is: Toshchenko Z.T. Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part I. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossi=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):274-286. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 (In Russ.)

shown how, in the conditions of the new Russia, a number of fundamental provisions on the role and importance of labor were subject to corrosion and the cult of consumption began to come to the forefront among value orientations, which gradually became the leading motive among the behavior of a significant number of workers in most sectors of the national economy and culture. Based on statistical and sociological information, the reasons for such a change in relation to labor are revealed, as well as the consequences that led to serious, including negative consequences.

Keywords: USSR, Russia, labor, culture, economy, perestroika, employment, market reforms, consumption

Acknowledgments: the work was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00093.

For citation: Toshchenko Z.T. Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part II. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi*=Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2025;21(3):371–383. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_2_371_383 (In Russ.)

Введение

Во второй части статьи анализируется отношение к труду в Советском Союзе во второй половине XX века и в условиях новой России в XXI веке.

За эти годы отношение к труду изменялось в соответствии с происходящими преобразованиями в социально-экономической жизни страны. Если в годы восстановления народного хозяйства и до начала 1960-х годов продолжался экстенсивный рост экономики, то трудовые ориентации были связаны с использованием традиционных сложившихся методов и форм труда. В этих условиях ценность труда оставалась высокой, что подтверждали проводившиеся социологическими исследованиями (например, изучение отношения молодёжи к работе, осуществлённое коллективом ленинградских социологов под руководством В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова). Однако к концу этого периода начала созревать потребность в переходе к интенсивному пути развития, что выразилось в возникновении предпосылок для изменения отношения к труду как в содержательном плане, так и в появлении новых мотивов в поведении работников. Это выразилось в том, что начали созревать потребительские настроения. Эти изменения стали заметны к концу 70-х – началу 80-х годов, затем в годы перестройки, но особенно окрепли при переходе к рыночной экономике в условиях новой России. Ведущее место постепенно стали занимать потребительские мотивы, ориентации и установки. В общественном сознании и поведении начали доминировать не столько что и как человек делает, а что, сколько и как потребляет, как и какими средствами это потребление обеспечивается. В соответствии с этим российское общество столкнулось с непредвиденными последствиями, с резким снижением эффективности производства и даже нулевым или слабым ростом производительности труда, с искажением структуры занятости и ориентации на профессии, позволяющие претендовать на ничем не ограниченное потребление.

Труд как основной критерий оценки деятельности в годы восстановления народного хозяйства в период 1946 – начала 1950-х годов

После окончания Великой Отечественной войны потребовалось внесение существенных корректив в политику по отношению к труду.

Советский Союз понёс колоссальный урон: было сожжено 1740 городов, свыше 70 тыс. посёлков, сёл и деревень, разрушено 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. км железных дорог, разорено и разграблено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинотракторных станций, в стране сократились посевные площади. Было потеряно 30% национального богатства и более 28 млн человек. В этой ситуации страна испытывала огромные экономические и социальные проблемы.

Особую значимость приобрело решение такой колоссальной по трудности задачи, как обеспечение миллионов уволенных в запас работой и жильём, забота о миллионах покалеченных и пострадавших во время войны. После четырёх лет воздержания и скудного питания люди нуждались в самом необходимом: в жилье, продовольствии, одежде, обуви. На повседневную жизнь в этот послевоенный период влияли и такие деформационные явления, как спекуляция, хищения, преступность, мимикрия бывших полицейских и других прислужников гитлеровского режима, пытавшихся скрыть свои преступные дела.

При этом, несмотря на существующие колоссальные трудности практически во всём, что касалось человека: в трудовом напряжении, отсутствии социальных благ, в реальной бедности, присутствовала эйфория победы. Людей питала надежда на быстрое достижение обещанных целей по решению социально-экономических проблем, что стало основной характеристикой обновлённого общественного договора.³

Сразу после войны все трудоспособное население приступило к выполнению четвёртого пя-

³ История России XX – до начала XXI века: учебное пособие / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 958 с. ISBN 5-699-18159-8

тилетнего плана (1946–1950 гг.), что проявилось в достаточно монолитной общественной поддержке официальной политики, в активном участии всех трудовых ресурсов в восстановлении народного хозяйства страны и его дальнейшем развитии.

Проблемы трудовой мобилизации решались несколькими способами.

Во-первых, произошла организованная добровольная мобилизация на восстановление и возрождение ключевых отраслей промышленности: Донбасса, заводов Центральной и Юга России, Украины и Белоруссии, а также строительство разрушенных до основания таких городов как Сталинград, Минск, Гомель, Севастополь, Смоленск и др.

Во-вторых, огромную мобилизующую роль сыграли так называемые Великие стройки коммунизма – словосочетание, которое использовалось для обозначения наиболее крупных и значимых для народного хозяйства СССР проектов (мегапроектов). Хотя их название употреблялось как идеологическое клише, оно оказало огромное влияние на комплектование кадров для строительства Куйбышевской, Сталинградской, Каховской и Цимлянкой ГЭС, Главного Туркменского канала, Оросительных каналов в Южной Украине и Крыму. Но особую значимость приобрёл так называемый сталинский план преобразования природы, который представлял собой комплексную программу, направленную на предотвращение засух, песчаных и пыльных бурь путём строительства водоёмов, посадки лесозащитных насаждений и внедрения травопольных севооборотов в центральных и южных районах СССР, а также в Поволжье, Западном Казахстане, Северном Кавказе и на Украине, значимость которого подтверждается и поныне как эффективная мера по регулированию природных процессов [1, с. 31–36].

В-третьих, произошло изменение структуры военной экономики. Заводы, выпускавшие ранее различные виды вооружения и боеприпасы, в срочном порядке начали диверсифицировать свою продукцию, добавив десятки новых наименований товаров и изделий, что повлекло изменения в технологии и технике производства. За счёт сокращения военных расходов (в 1,9 раза) были значительно увеличены капитальные вложения и ввод в действие основных фондов. В результате за годы четвёртой пятилетки (1946–1950) были восстановлены или построены более 6 тыс. промышленных предприятий. Валовая продукция промышленности в 1950 г. превысила довоенный уровень на 73% (по плану было на 48%). Главное внимание обращалось на широкое использование научно-технического прогресса, который во мно-

гом обеспечивался ростом научных учреждений – их число увеличилось к 1950 г. по сравнению с 1940 г. на 40% [2].

Многие из этих мер сопровождались не только буднями повседневной работы, но и энтузиазмом, верой в достижение высокого стандарта жизни. В ходе этих преобразований появились и новые формы подготовки и организации труда – широкое распространение получили дни новатора производства, школы рационализаторов и изобретателей, дни мастера, технические конференции по вопросам внедрения передовых методов труда. Произошло массовое расширение учреждений фабрично-заводского обучения (ФЗО), высшего и среднего профессионального образования. Стимулировалось наставничество: лучшие производственники, инженеры и техники закреплялись за молодыми рабочими и помогали овладевать профессией, повышать свою квалификацию. Был восстановлен 8-часовой рабочий день. Широкая поддержка населением социально-экономической политики выразилась в укреплении авторитета труда во всех его проявлениях, в согласии на участие в решении как текущих, так и стратегических целей в развитии страны.

Обогащение смыслов труда в годы поисков стратегического обновления (50-е – начало 60-х годов XX века)

После восстановления довоенного уровня производства потребовалась и новая программа социально-экономического развития, которая неминуемо включала в себя достижение как общественных, так личных целей. Этот новый этап в развитии страны начался с осуществления крупных народнохозяйственных планов, под флагом которых были проведены масштабные акции, имевшие не только экономический и социальный характер, но и выполнявшие идейно-нравственные задачи по дальнейшему формированию советского человека.

Одной из таких крупнейших акций стало освоение целины. Уже в 1954–1955 гг. свыше 350 тысяч молодых людей отправились по комсомольским путёвкам в целинные районы. Только в Казахстане в эти годы из разных регионов СССР обосновалось 20 тыс. семей, насчитывавших 40 тыс. трудоспособных. Население Казахстана за период с 1954 по 1959 гг. выросло на 2 млн человек [3].

Целинная эпопея изменила облик приграничных с Казахстаном территорий РСФСР и самого Казахстана, где была сформирована социальная инфраструктура, выросли крупные предприятия, посёлки, города, возросла занятость населения, улучшились условия жизни людей.

Это был самоотверженный труд, имевший большое нравственное признание как всего об-

щества, так и самих новых жителей целины. Тысячи целинников были награждены орденами и медалями, званиями Героя Социалистического Труда, что стало данью людям, самоотверженно работавшим ради достижения большой цели – обеспечения страны продовольствием.

Практически одновременно началась череда общесоюзных акций, которые повлияли на дальнейшее укрепление смыслов труда, на деле став мерилом достоинства большинства людей. Это связано с многолетним процессом освоения Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, которые послужили укреплению торжества трудовых усилий миллионов молодых людей. Эта эпоха началась в мае 1956 г. после обращения ЦК КПСС и Совмина СССР к молодёжи с призывом отправляться на стройки в восточных регионах страны. Это обращение нашло большой отклик – миллионы молодых людей по комсомольским путёвкам пожелали поехать в Сибирь и на Дальний Восток. Именно их руками были построены многие города, проложены железнодорожные магистрали, воздвигнуты Красноярская, Усть-Илимская, Саяно-Шушенская ГЭС, Норильский горно-металлургический комбинат, Красноярский алюминиевый завод. Практически одновременно происходило освоение нефтяных и газовых богатств Западной Сибири.

Но эти статистические данные не в полной мере отражают огромное общественное признание труда тех, кто принял такое решение в своей личной жизни. Быть целинником, поехать трудиться по комсомольской путёвке в Сибирь или Крайний Север было почётно, становилось важной страницей в личной биографии этих людей и обладало идейно-нравственной поддержкой и общественным уважением [4; 5].

Таким образом реализация этих стратегических замыслов имела не только экономическое, но и социально-нравственное значение – она продолжала возвеличивать труд, а его участников считать образцами активной жизненной позиции. Слова «целинник», «комсомольская путёвка» стали для миллионов людей предметом гордости и признательности общества за трудовые свершения.

Не оставались в стороне и те, кто продолжал трудиться на прежних традиционных местах работы. Для них плодотворной попыткой поднять авторитет и значимость труда на сложившихся предприятиях и организациях стало движение за коммунистическое отношение к труду. Таких работников называли ударниками, а их производственные объединения – бригадами коммунистического труда. Это стало своего рода возрождением Коммунистических субботников, которые впервые появились на трудовом фронте.

12 апреля 1919 г. группа рабочих станции Москва-Сортировочная (15 человек, из них 13 коммунистов) по собственной инициативе отремонтировали 3 паровоза, что позволило Ленину назвать это героизмом в трудовой жизни в условиях разрухи народного хозяйства и продолжающейся гражданской войны [6].

Но это новое движение и новое название было принципиально иным – работать по-новому предлагалось не только в специально проводимые субботники и воскресники, а в процессе постоянно выполняемых трудовых обязанностей.

Идея организации бригад коммунистического труда была выдвинута 11 октября 1958 г. на собрании комсомольско-молодёжного коллектива тепловозоремонтного цеха депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги. Члены бригад коммунистического труда брали на себя обязательства: работать высокопроизводительно, организованно, экономично; настойчиво внедрять новую технику и технологию; применять у себя всё передовое, прогрессивное; неустанно совершенствовать свою производственную квалификацию, овладевать марксистско-ленинской теорией, повышать общеобразовательный уровень; воспитывать в себе лучшие качества человека нового общества; быть всесторонне духовно и физически развитым, примером в быту, поведении, отношении к общественному долгу. Этот почин стал стремительно развиваться, получил общественное одобрение и признание. Быть участником этого движения было почётно, им гордились, стремились соответствовать. И главное – быть примером не только в труде, но и в общественной, и в повседневной жизни. По данным Всесоюзного совещания передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда, проведённого в мае 1960 г., в соревновании участвовали более 5 млн рабочих, служащих и колхозников, свыше 4 тыс. бригад, участков, смен и цехов. Более 100 тыс. рабочих были удостоены этого звания.⁴

Однако, это движение вскоре угасло, на наш взгляд, из-за бюрократического, насаждаемого сверху, подхода – вовлечь в это движение максимальное количество работников, в результате чего директивно создаваемые коллективы ничем не отличались от прежних. Реализация этого почина осложнялась и объективными обстоятельствами: страна стала терять темпы экономического развития. Рос уровень хозяйственных нестыковок, неурядиц, усложнявшихся проведением хаотичных хрущёвских реформ управления в стране.

⁴ Бригады коммунистического труда // Советская историческая энциклопедия: в 12 т. / под ред. Е.М. Жукова. Том 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. 1022 с.

В результате, если экономика СССР на протяжении 1950-х годов росла исключительно высокими темпами – в среднем на 10,5% в год, то в начале 1960-х годов эти темпы резко снизились. В 1963 г. среднегодовой темп прироста национального дохода составил 4% против 12% в середине 1950-х годов; среднегодовой рост производительности труда в 1964 г. составил лишь 4% против 7–8% в предшествующей пятилетке. В сельском хозяйстве прирост объёмов продукции в семилетке составил 14% вместо изначально запланированных 70%.

Согласно докладу Президиума Академии наук СССР председателю Совмина СССР А.Н. Косыгину, подготовленному в декабре 1964 г., в группе промышленности Б (производство потребительских товаров и услуг) падение роста составляло 40% – с 9,3% в 1954 г. до 6,5% в 1963 г.; в сельском хозяйстве рост в 1963 г. достиг нулевой отметки; прирост капитальных вложений за десять лет сократился в четыре раза – с 15% до 4% [7].

Попытки обновления трудовых отношений во второй половине 1960-х – начале 1980-х годов

Несмотря на рост экономики в целом и надежды советского руководства «догнать и перегнать США», национальный доход СССР составлял лишь 53% от американского; производительность труда продолжала быть низкой как из-за технического отставания, так и из-за «человеческого фактора» – более низкой квалификации работников, «бесхозяйственности», неразумных трат ресурсов из-за отсутствия «хозяйского» отношения к ним. Замедление экономического роста сказывалось на социально-экономическом положении страны: замедлился рост уровня жизни населения, увеличился товарный дефицит, усилилась инфляция, ухудшилось качество многих видов продукции. Недовольство экономическим положением охватывало всё большие слои населения и сопровождалось появлением оппозиционных политических настроений в виде диссидентского движения [8].

Все это привело к тому, что после отстранения Н.С. Хрущева от власти были предприняты действия по осуществлению кардинальных социально-экономических преобразований, которые вошли в историю как Косыгинские реформы по имени Председателя Совета Министров СССР. Эти реформы предусматривали внедрение образа рыночных реформ, повышение самостоятельности предприятий и развитие инициативы низовых звеньев экономики.

Начавшиеся в 1965 г. реформы представляли собой комплекс следующих мероприятий: пред-

приятия становились основной хозяйственной единицей, расширялась их хозяйственная самостоятельность; сокращалось количество директивных плановых показателей (с 30 до 9); предприятиям было дано право самостоятельно определять детальную номенклатуру и ассортимент продукции, за счёт собственных средств осуществлять инвестиции в производство, устанавливать долговременные договорные связи с поставщиками и потребителями, определять численность персонала, размеры его материального поощрения. Ключевое значение придавалось интегральным показателям экономической эффективности производства – прибыли и рентабельности, за счёт которых предприятия получали возможность формировать фонды развития производства, материального поощрения, социально-культурного назначения, жилищного строительства и др. В сельском хозяйстве закупочные цены на продукцию повышались в 1,5–2 раза, гарантировалась льготная оплата сверхпланового урожая, снижались цены на запчасти и технику, уменьшались ставки подоходного налога на крестьян.

Эти меры породили многочисленные эксперименты, в которых апробировались различные варианты хозяйствования. Так, в 1967 г. на Щёкинском химкомбинате (Тульская область) начался экономический эксперимент, суть которого заключалась в уменьшении численности работников за счёт освоения ими нескольких профессий и самостоятельного распоряжения фондом оплаты труда, результатом чего стало резкое увеличение производительности труда.

В совхозе Илийский (Алма-Атинская область) И.Н. Худенко поставил эксперимент по внедрению безарядно-звеньевой системы организации и оплаты труда. И.Н. Худенко перевел хозяйство на полный хозрасчёт, подкреплённый прямым материальным стимулированием работников, когда оплачивались достигнутые результаты, а не затраченные усилия. Экономические результаты эксперимента были ошеломляющими. За первый же сезон производство зерна в совхозе выросло в 3 раза, прибыль на одного работающего в 7 раз, а себестоимость центнера зерна упала с 7 рублей до 63 копеек. Производительность работников в механизированных звеньях за год увеличилась почти в 20 раз [9].

Такие попытки принципиально новой организации труда множились в результате существенных изменений в социально-экономической политике. Этот позитивный настрой продолжали и прежние формы мобилизации трудовых ресурсов, особенно в районах нового освоения. Достаточно сказать, что к началу 1970-х годов действовало более 150 крупных объектов народного

хозяйства, имеющих статус ударных комсомольских строек. Всего за эти годы по комсомольским путёвкам в стране трудилось 1350 тыс. человек. А если учесть и локальные региональные комсомольские стройки, то цифру вовлечённых в эти виды труда можно увеличить в 2–3 раза. Сейчас эти цифры кажутся нереальными, как и сама ситуация, когда молодые люди из Москвы, Ленинграда из других городов и благоустроенных мест отправлялись в необжитые земли, чтобы развивать народное хозяйство. Последней в истории комсомольских строек стал БАМ, на возведении которой трудилось 45 тыс. человек [4; 5].

В эти годы получили развитие и другие формы раскрытия творческих возможностей людей, особенно молодёжи. Говоря о существующем и принятом в народе ориентире – честь труду, следует сказать и о появлении, а затем распространении такой специфической формы труда как студенческие стройотряды. И эта социальная общность, студенты, хотели проявить себя, одновременно решая учебные и жизненные потребности, сочетая участие в производственной деятельности с удовлетворением личных устремлений. Хотя стройотряды как отдельные примеры существовали на всех этапах советского образования, но массовое их распространение началось с эпохи освоения целинных и залежных земель, завершив организационное оформление в 1960-е годы, когда в 1966 году состоялся первый Всесоюзный слёт студенческих строительных отрядов (ССО), где был принят единый для всех отрядов Устав, а в 1969 г. создан центральный штаб ССО в ведении ЦК ВЛКСМ. Это было беспокойное и неутомимое племя молодых романтиков XX века. Только ещё начинавшие жить, они уже стремились доказать как много можно сделать своими руками, с рюкзаком и гитарой ехали в тайгу, на целину, в другие необжитые места, чтобы прокладывать дороги и линии электропередач, возводить жильё, строить новые предприятия, убирать урожай. Они всегда оказывались там, где трудно, где нужнее всего крепкие руки и задор юности. И неслучайно стройотрядовское движение стало одной из самых ярких страниц истории комсомола, пережившее своих создателей и шагнувшее в XXI век [10].

В эти годы развитие и функционирование советского общества ознаменовались преобладанием позитивного настроения населения ко всему происходящему, что в значительной степени было связано с очевидными положительными изменениями в публичной и повседневной жизни. Были ослаблены и устранены ограничения, связанные со смягчением контроля за жизнью людей, организацией их деятельности.

Перестройка: коррозия смыслов труда

В 1980-е годы в период перестройки возникла новая социально-экономическая ситуация, когда на первый план вышли внешне привлекательные, но слабо связанные с повседневной жизнью человека и усиленно декларируемые права и свободы человека: гласность, неограниченный доступ к информации, свободный выезд за границу, возможность создания различных организаций и другие либеральные ценности. В этой ситуации всё, что было связано с трудовой жизнью человека, ушло на второй и третий план и перестало быть в центре внимания. Показательны в этом отношении исследования экономического сознания, проведённые Центром социологических исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1985–1991 годах, который показал, что в начале перестройки 80–85% работников заявляли, что они имеют резервы по повышению эффективности и производительности труда, то при опросе в 1991 г. об этом говорили только 10–12% [11].

Данная ситуация во многом объясняется тем, что рациональные идеи постепенного перехода к рынку, обоснованные Комиссией по экономической реформе при Совете Министров СССР под руководством академика Л.И. Абалкина были отвергнуты и на их смену пришла либеральная идея, пропагандировавшая внедрение «трофейной экономики» по образу и подобию западных стран, в основном США [12].

Такая политика и установка постепенно привели к ориентации общественного мнения к тому, что во все большей мере достоинство и значение человека стали измеряться тем, сколько он зарабатывал, сколько он мог получить от государства, от работодателя. Все большее распространение получило и ослабление коллективистских отношений, огромные масштабы приобрела пропаганда индивидуализма. Резко уменьшилось число ориентирующихся только на содержание труда – таких в 1990 г. оказалось всего 12% [11]. Этому в немалой степени способствовало принятие непродуманных, слабо обоснованных решений, таких как Закон об индивидуальной деятельности, а спустя некоторое время – Закон о кооперативах, когда на первый план стали выходить не показатели производственной деятельности, а объёмы и виды дохода, прибыли, которые нередко достигались за счёт государственных предприятий.

На наш взгляд, к тенденции снижения значимости труда повлияло и то, что государство не предложило, особенно для молодёжи, общественно-значимых целей, при реализации которых он мог проявить себя, обрести новый уровень профессионального самоопределения и общественного признания. Для значительной части

населения в условиях распадающейся экономики стало определяющим не сама работа, а обеспечение повседневного уровня жизни при все растущем дефиците. Нормой поведения для многих людей стало не что делать, а где достать, как решить нарушившийся ритм повседневной жизни.

Все это позволяет сделать вывод, что культ труда, который сформировался в стране начиная с первых пятилеток, в годы перестройки, стал терять свою возвышающую и мобилизующую роль и постепенно утрачивал свою привлекательность, общественную значимость и авторитет. Вместо него на первый план вышли эрзац-ориентиры, которые подвергли сомнению и заменили прежние установки. Это произошло не без участия государственной политики в сфере экономики и оценки общественной значимости такого феномена как занятость, её регулирование и стимулирование.

Новая Россия: меркнущая ценность труда и наступление потребительства

Рыночные реформы в России после начала их активного внедрения постепенно привели к кардинальным изменениям по отношению к труду, к пересмотру ранее существующих его оценок и внедрению иных представлений о его назначении и смысле.

Объективной основой изменения прежнего, советского представления о смысле труда стало несколько причин.

Во-первых, произошло резкое сокращение работников промышленности и других отраслей экономики. По подсчётам В.М. Симчеры, бывшего директора НИИ статистики, приватизация 42 тыс. предприятий обернулась закрытием 30 тыс. из них, что означало выброс миллионов рабочих и инженерно-технических работников на рынок труда с представлением им права, провозглашенного либералами, быть лично ответственными за выбор своего жизненного пути, но без гарантии трудовой занятости.⁵

Во-вторых, началась утрата огромного интеллектуального потенциала, так как миллионы свободных рук квалифицированного труда были вынуждены заняться поиском самых различных ниш приложения своего профессионального мастерства (так называемые челноки, занятие примитивными формами обслуживания и торговли, работа охранниками). Кстати, последние – охранники – постепенно заняли одно из ведущих мест в социально-профессиональной структуре общества. По словам В.Ю. Ляшок, старшего науч-

ного сотрудника Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, охраной граждан и собственности, включая самих охранников, полицейских, пожарных и других представителей органов правопорядка, занимается 2,4 млн человек, что составляет 3,5% численности всех работников в стране. В результате Россия уже сегодня в числе стран-лидеров по числу охранников на душу населения: 525 человек на сто тысяч.⁶

В-третьих, произошла принципиально иная трактовка места труда в жизни человека. Если в Конституции СССР прямо и беспрекословно провозглашалось (и обеспечивалось) право на труд, то в Конституции РФ это право звучит по-другому. Согласно статье 37, «Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию», что далеко от того, что человеку обеспечена гарантия на трудовую деятельность. Такая оценка-обещание в немалой степени способствует уменьшению авторитета труда, так как имеет явный контекст, исходящий из либеральной идеи – сам человек ответственен за свою судьбу.

В-четвёртых, социальная ценность труда стремительно падает в результате растущего социального расслоения. Произошла небывалая в истории концентрация богатства у узкой группы лиц, причастных к осуществлению властных функций в так называемые лихие 90-е. В России, по данным Т. Пикетти, за последнюю четверть века кумулятивный рост верхнего 1% по доходу составил 400%, для средних слоев – от 0 до 1%, а у бедных он был отрицательным [13]. Этот разрыв продолжает существовать и по отношению к оплате труда топ-менеджеров и рядовых работников: по подсчётам Б. Бронштейна, при 8-часовом рабочем дне топ-менеджеры зарабатывают в час по 62,5 тыс. руб., или по 1 тыс. рублей в минуту и по 17 руб. в секунду [14, с. 39].

Это социальное расслоение дополняется тем, что сложился и продолжает формироваться разрыв в оплате труда оставшихся работать на государственных предприятиях и теми, кто начал трудиться на частных и акционерных организациях, что привело к перетоку многих квалифицированных кадров в частный сектор. Основное различие между работой в этих секторах заключается в том, что государственные служащие, работающие в государственном секторе, сосредоточены на решении общественно значимых и необходимых стране задач, далеко не всегда сориентированных на их рыночную значимость. Работа в частном секторе направлена на получение прибыли за счёт продажи товаров и услуг, невзирая, как они

⁵ Симчера В. Узаконенное расхищение // Аргументы и факты: [сайт]. № 23. 07.06.2017. URL: https://aif.ru/money/economy/25_let_privatizacii_v_rossii_chno_ostalos_ot_strany_zavodov_i_fabrik (дата обращения: 28.03.2025).

⁶ Численность охранников в России продолжит расти // Российская газета: [сайт]. URL: <https://www.rg.ru/2024/04/15/chop-s-nimi.html> (дата обращения: 25.03.2025).

связаны с общественным благом. В этой ситуации именно прибыль становится мерой оценки труда, а не его общественная значимость, что формирует различное отношение к труду, особенно у тех, кто только начинает свой жизненный путь.

Одновременно пропагандировалась ориентация на личные интересы, возможность удовлетворения которых может состояться, как утверждалось в либеральных теориях, только в рыночных условиях.

В-пятых, усиленно навязывались стандарты «западного» образа жизни как обеспечивающего подлинно демократическое существование человека. И это давало достаточно значимый эффект, потому что в нём уделялось основное внимание не тому, что человек производит, а тому, сколько, как и каким образом он потребляет. При таком подходе развенчивался советский образ жизни, его ориентация на трудовые ценности, происходил поиск негативных и проблемных сторон в советской политике и практике организации производства и труда (которых, к слову, было немало). Под прикрытием этой критики, носившей разоблачительный характер, отвергалось всё, что относилось к советскому периоду.

Этому в значительной степени способствовала и официальная установка. По мнению бывшего министра Минобрнауки РФ А.А. Фурсенко, «главная ошибка советской школы в том, что она растила человека-творца, а задача современной школы в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя».⁷

В-шестых, размыванию прежних ориентаций и оценок труда, изменению социально-психологического отношения к труду работников материального и культурного производства в немалой степени способствовало то, что из информационной повестки дня исчезло повествование о массовых профессиях. На первый план вышли сообщения о начинающих и преуспевающих бизнесменах, многочисленные рассказы об образе жизни представителей шоу-бизнеса, спортсменов, блогеров и даже экстравагантных профессий в виде целителей, магов, колдунов и пр. В школах в рамках профориентации детям рассказывали о финансовой грамотности или как завести собственное личное дело, рассказы сопровождались хвалебным описанием каких-то отдельных случаев реализации такой установки. И это при практически полном исчезновении любой информации об инженерной и учительской профессии, а также таких необходимых (несмотря на рекламу об ИТ-профессиях) видах занятости как токарь, слесарь, фрезеровщик, монтажник и др.

⁷ Наша задача вырастить квалифицированного потребителя – министр образования Андрей Фурсенко [видеозапись] // VK Video. 20 октября 2020. URL: vk.com/video12157091_456239026 (дата обращения: 21.03.2025).

Одновременно велась никем не обузданная пропаганда «хлебных» профессий, особенно юристов, менеджеров, экономистов (финансистов), что привело фактически к чудовищному перекосу в их подготовке в ущерб всем остальным профессиям. Напомню, что в 2023 г. именно эти специальности составили более 46,2% (то есть практически каждый второй) специальностей выпускников всех вузов. Сейчас пришло осознание сотворённого ранее. Приняты меры по расширению подготовки инженеров. Воссоздано уже около 50 инженерных школ при ведущих университетах страны. Стало активно пропагандироваться обучение в колледжах, техникумах, школах средней и начальной профессиональной подготовки. Но ясно, что нужны годы, чтобы из этого потока начинающих специалистов, так остро необходимых экономике, вышли квалифицированные кадры, соответствующие потребностям четвёртой и начинающейся пятой промышленных революций.

В-седьмых, деформации и искажению смысла труда способствует и политика оплаты труда. Напомню об объективной основе такого показателя как оплата труда и её доли в ВВП страны. Если в 2013 г. она составляла 46%, то в 2022 г. – около 39%. С этим показателем коррелирует и оплата труда в структуре затрат предприятий. Она в течение последних 10 лет не росла, а наоборот сокращалась: с 28% в 2013 г до 22% в 2022 г. Этот показатель наглядно говорит о растущей эксплуатации труда.⁸ Именно неудовлетворённость оплатой труда и порождает различные формы конфликтных ситуаций и неудовлетворённости её размерами. По данным всероссийского опроса в 2023 г. 54,9% работников высказали неудовлетворённость оплатой труда, 42,3% – низкой оплатой и 12,6% – неясностью в оплате труда [14, с. 408].

И наконец, особо отметим, что *прежние социальные классы и общности – рабочий класс, крестьянство, интеллигенция – потеряли свою прежнюю относительную гомогенность* и превратились в множество общностей (страт, слоев) и групп, резко различающихся по своему социальному положению, материальному благосостоянию, возможностью обеспечить себе стабильное будущее, не говоря о разных степенях участия в общественно-политической и социальной жизни.

Иначе говоря, в настоящее время реально существующие классы и социальные общности нельзя в полной мере охарактеризовать при помощи прежних показателей – классовой принадлежности – место в системе общественного про-

⁸ Башкатова А. Молодежь нашла зарплатные лазейки // Независимая газета: [сайт]. 21.01.2025. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-01-20/1_9174_income.html (дата обращения: 12.02.2025).

изводства; отношение к средствам производства; роль в общественной организации труда; способ получения доли общественного богатства [15, с. 388].

На наш взгляд, основным признаком стало такое важнейшее социально-экономическое качество как прекарность (неустойчивость, нестабильность) труда и жизни многих их представителей. По подсчётам ряда исследователей, численность этого становящегося класса стала достигать от 50 до 70% [16, с. 40]. Реальностью стал факт, что именно прекарные слои и группы стали определять не только трудовое, но и социальное лицо общества. Прекарии тоже вынужденно включились во все нарастающую ориентацию на потребление.

Немалый вклад в создании атмосферы потребления стало превращение сферы образования, культуры и здравоохранения в сферу услуг. Их деятельность начала оцениваться с позиций возможности привлечения средств населения в оплату обучения особенно в высшей школе, удовлетворения культурных потребностей или более углубленной медицинской помощи. Реализация этих установок привела к тому, что в 2024 г. каждый второй студент оплачивал своё обучение: в российские вузы поступило около 1,37 млн человек при доле оплачивающих обучение 54,7%. Причём уклон был сделан на юридические и экономические специальности: в 2024 г. на юриспруденцию поступили 119 800, на экономику – 69 000 студентов.

И хотя около 40% бюджетных мест в университетах в последние годы выделялись на инженерно-технические специальности, конкурсы на них были незначительными, а в ряде провинциальных ВУЗов он даже не всегда обеспечивался. Этот перекос и невнимание к ключевым проблемам развития экономики привели к тому, что российским компаниям не хватает около 600 000 инженеров, о чём говорила вице-президент по HR и организационному развитию производителя электроники «Аквариус» Виктория Хаба в ноябре 2024 г. В том же месяце глава комитета Госдумы по контролю О.В. Морозов оценил дефицит кадров на предприятиях военно-промышленного комплекса почти в 400 000 человек.⁹

В результате такой ориентации на подготовку кадров сложилась ситуация, когда насущные требования экономики и культуры страны не могут быть удовлетворены из-за серьёзных просчётов по обеспечению технико-технологического

преимущества страны по сравнению с мировой экономикой. Показательны в этом отношении официальные данные об оплате труда. Среди 10 самых массовых профессий по величине оплаты труда указан только буровой мастер, средняя зарплата которого составляет 90 тысяч рублей с максимально доступным заработком в 180 тысяч рублей.¹⁰

Анализ ситуации показывает, что основные инженерные профессии проигрывают тем, кто занят в управлении, в финансовой деятельности, является специалистом по таким «модным» специальностям как визажисты, флористы, косметологи, дизайнеры и др. Хотя в настоящее время приобретают большую значимость IT-профессии, основную массу все же составляют те, кто обеспечивает работу массового производства. А оплатой труда, как показывает опрос рекрутинговой компании Get expert, полностью удовлетворены только 7% при 38 % частично удовлетворённых и 55 % неудовлетворённых [17].

Отношение к труду в той или иной степени всё больше и больше коррелирует с тем, насколько он обеспечивает приемлемую жизнь. Ради этого, по данным Института социологии ФНИСЦ РАН (апрель 2024 г.), люди все чаще и чаще практикуют работу сверхурочно (30%), используют дополнительную (17%), временную или эпизодическую (35%) занятость. При этом рабочая неделя свыше 40 часов стала нормой более чем для 55% работающих россиян [18, с. 99, 107].

То, что человек потребляет, как и за счёт чего он проводит и организует свое время, стало выходить на первое место среди определений социального положения человека. Стало не только модным, но и престижным демонстрировать то, чем человек владеет, как и где он проводит отпуск, сколько тратит на развлечения, какое время проводит в ресторанах и престижных учреждениях. И несмотря на то, что почти 80% россиян проводят отпуск на даче, с экранов телевизоров и в социальных сетях полно рассказов о проведении отдыха на Бали, в Куршавеле, Багамских островах и другим доступным бомонду местах. Демонстрация потребления стала характерной чертой, которой стали не только гордиться, но и попрекать тех, кто не смог вписаться в современные реалии «трофейной» экономики. Нравственные оценки отошли в прошлое при утвердившемся лозунге: «Если ты умный, то почему ты бедный?».

Все это позволяет сделать вывод, что смыслообразующей сущностью жизненного мира россиян становится ползучая переориентация на

⁹ В 2024 году в российские вузы поступили 748 800 студентов-платников // ВЕДОМОСТИ: [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/04/1089986-v-2024-godu-v-vuzi-postupili-748-800-studentov-platnikov?from=copy_text (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁰ 10 лучших профессий 2024 года // Exam Clouds [сайт]. URL: <https://www.examclouds.com/ru/publications/10-luchshih-professiy-2024-goda-kto-poluchaet-samye-vysokie-zarplaty> (дата обращения: 20.02.2025).

разные варианты потребительства в зависимости от имущественного и финансового положения. В этой ситуации труд превращается в инструмент решения материальных проблем, теряет свою прежнюю сущность как ценность жизни, во все большей мере свидетельствуя, что культ труда уходит в прошлое, уступая место провозглашенному и утверждаемому культу потребительства.

Однако стоит отметить, в последнее время приняты меры, когда ряд проблем, касающихся смысла жизни человека, начинает решаться в связи с обращением внимания на идейные и нравственные основы жизнеустройства россиян: отказ от Болонского процесса и разработка новой стратегии образования, возрождение внимания к инженерному труду и рабочим профессиям, признание роли науки в обеспечении задач четвертой и наступающей пятой промышленных революций, поворот к самостоятельности и независимости при решении основополагающих социально-экономических проблем.

Заключение

Осуществленный анализ трансформации идей и смысла труда отношений позволяет сделать вывод, что она происходила под влиянием и в результате взаимодействия основных участников этого процесса – трудоспособного населения и государства.

Что касается работающего населения, то формирование культа труда имело историческую и нравственную основу. В народной памяти и в традиции всегда высоко ценился человек, который эффективно выполнял трудовые функции в избранной им сфере производственной деятельности. При этом особую общественную значимость приобретали люди, знатоки своего дела, умельцы, то есть те, кто не только де факто выполнял работу, а проявлял инициативу, воплощал в дела свои способности творца материальных и/или духовных ценностей.

Поэтому вполне естественным выглядело побуждение созидательных сил в годы первых пятилеток, когда формировался культ труда. В это время наряду с массовыми акциями по налаживанию труда миллионов людей, участвующих в развернувшемся процессе созидания новой экономики, осуществлялась максимальная поддержка таких инициатив как ударничество, стахановское движение, развертывание рационализаторства и изобретательства. Это отношение к труду получило распространение и в годы Великой Отечественной войны, получив безоговорочное признание необходимости трудиться до 12 и более часов, без выходных и отпусков, со стремлением выполнять и перевыполнять нормы выработки,

что проявилось в движении двух- и трёхсотников, которые в два либо три раза перевыполняли производственные задания.

В 1950–1970-е годы в общенародном потоке добросовестного труда особую роль в поддержании его значимости и величия сыграли такие масштабные государственные программы, как освоение целины, природных богатств Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, когда миллионы советских людей, в основном молодёжи, реализовали свое стремление к созидательному труду, желанию проявить свою творческую энергию, достичь общественного признания и уважения и одновременно сформировать себя как нравственную личность, успешно сочетающую в себе общественные и личные интересы. Но и на других производствах, в так называемых старых районах приложения труда, в уже существующих производствах также шли поиски возвышения роли труда. Это особенно наглядно проявилось в движении за звание ударника и коллектива коммунистического труда.

Говоря о позиции государства в решении проблем труда нужно отметить его целеустремленное, принципиально иное отношение не только по обеспечению самого трудового процесса миллионов работающих на производстве, но и на стремление превратить из самого факта его необходимости, важности и значимости в основную ценность как трудовой жизни, так и всего образа жизни. Смыслообразующая сущность труда стала и предметом государственной пропаганды по формированию позитивного отношения общественного сознания к любому виду труда. Государственная политика по превращению труда в «дело чести, доблести и геройства» была сформирована в годы мобилизационной экономики начиная с 1930-х годов. Именно в эти годы начал в полном масштабе формироваться культ труда, который варьировался в своих конкретных формах проявления за все годы существования советской власти. На этом пути в политике государства осуществлялись разные подходы и реализовывались разнообразные варианты по отношению как к труду в целом, так и его конкретным носителям в различных сферах экономики и культуры. Отметим, что этот процесс сопровождался не только успехами, но и просчётами, особенно в 1980-е годы перестройки, когда были подвергнуты сомнению и даже отвержению основы, определяющие ценность труда в ходе непродуманных, лихорадочных реформ по преобразованию экономики.

В условиях новой России труд стал терять накопленное качество как гуманистической сущности жизненного мира людей. Осуществляемые рыночные реформы не были нацелены на раскры-

тие глубинного смысла труда в силу того, что они строились на принципах «трофейной экономики», которая нацелена на использование ранее накопленного цивилизацией материального потенциала в качестве источника извлечения краткосрочной прибыли [12, с. 82]. К этому определению, на наш взгляд, следует добавить, что российская экономика в период рыночных реформ строилась на основе заимствования и копирования форм и методов, апробированных в других государствах и других культурах. И их механическое перенесение на российскую почву привело к тому, что (не говоря о глубоко финансово-экономических проблемах) ранее сформированное отношение к труду стало замещаться культом потребления, смещением внимания людей к таким ценностным ориентирам, как потребительство. В отличие от культа труда культ потребительства поставил в центр внимания доход, прибыль, собственность, финансовые ресурсы с одновременной демонстрацией богатства и показного времяпровождения.

Внимание людей, особенно молодёжи, начало смещаться к тому, что ценность труда стала подвергаться сомнению. По данным социологических исследований стала фиксироваться «меркнущая ценность труда». Например, 24,9% оп-

рошенных согласились с тем, что «если люди не хотят работать, пусть не работают». В то же время 36,3% россиян отметили суждение, что «работа есть обязанность перед обществом», что говорит о том, что идея долженствования относительно трудовой деятельности ещё присутствует в российском обществе [18]. Возможно, эта тенденция коррелирует и с таким выводом: «Создаётся впечатление, что в мире происходит постепенное, но постоянное, неумолимое и последовательное вытеснение идеологии честного труда альтернативной ей идеологией финансового успеха» [19, с. 83].

Подводя итоги сказанному, можно сделать обобщающий вывод: стоит говорить о возрастающем отчуждении труда, о превращении его из смыслообразующей сущности в средство удовлетворения потребностей, которое всё в большей мере приобретает ведущее место среди мотивов поведения людей. Но одновременно с этим процессом происходит превращение труда в средство, механизм эксплуатации, но на новой основе, нежели в капиталистическом прошлом, и замещением его на потребительские установки, на то, что человек как потребитель становится целью на всех этапах своей жизни, начиная с процесса обучения.

Список источников

1. Корчемкина Е.Е. Сталинский план преобразования природы: трудности и успехи его реализации в Адыгее (1948–1953 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3. С. 31–36. EDN KZDREF
2. Голенков А. Империя СССР. Народная сверхдержава. М.: Эксмо, 2010. 256 с. ISBN 978-5-699-41604-2
3. Вережагин Т.Г. 60 лет целинной эпопеи: этапы, значение // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. Статья № 1468. EDN TGRBND
4. Бузало В.И. Ударные комсомольские стройки – школа интернационализма советской молодежи. Киев: Наук. думка, 1986. 134 с.
5. Всесоюзные ударные стройки в истории XX века: Сборник статей / отв. ред. А.С. Бушуев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 204 с. ISBN 978-5-94981-189-4
6. Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии в 1919–1920 гг. / под ред. Г.Д. Костомарова. М.: Московский рабочий, 1950. 352 с.
7. Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / под науч. ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. М.: КНОРУС, 2019. 352 с. ISBN 978-5-406-07214-1
8. Митрохин Н.А. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах: в 2 т. Том 1. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 504 с. ISBN 978-5-4448-1866-4
9. Тощенко Ж.Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография]. ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с. ISBN 978-5-00258-037-8 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024> EDN LXHNHUK
10. Приступко В.А. Студенческие отряды: исторический опыт 1959–1990 годов. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. 294 с. ISBN 978-5-98079-469-9
11. Человек и экономика (результаты социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС, 1990. 94 с.
12. Неклесса А. Рах Economisana: геоэкономическая система мироустройства // Экономическая наука современной России. 999. № 1. С. 71–89. EDN IBCBKN
13. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginum, 2015. 592 с. ISBN 978-5-91103-271-5
14. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Р.И. Анисимов, М.Б. Буланова, И.В. Воробьева [и др.]; под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2023. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7 EDN IEJRKS

15. Ленин В.И. Великий почин // Полное собрание сочинений: в 55 т. Том 39. М.: Политиздат, 1972. С. 1–29.
16. Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения: научная монография / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, А.В. Попов, И.А. Шичкин; под ред. В.Н. Бобкова. Ижевск: Шелест, 2023. 104 с. ISBN 978-5-907677-41-8 EDN HKEDFC
17. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с. ISBN 978-5-02-040118-1 EDN VKRCMM
18. Российская повседневность сегодня: по материалам социологического мониторинга (2014–2024 гг.). М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 130 с.
19. Шевченко И.О. Мотивация труда российских работников // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 2. С. 72–85. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-3-72-85> EDN DGZEUF

Информация об авторе:

Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет; главный научный сотрудник, Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (SPIN-код: 7025-0028) (РИНЦ Author ID: 1382) (ResearcherID: R-4569-2016) (Scopus Author ID: 6507646287)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Korchemkina E.E. Stalinskii Plan Preobrazovaniya Prirody: Trudnosti i Uspekhi Ego Realizatsii v Adygee (1948–1953 gg.). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*=*Bulletin of Adyghe State University. Series «Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Cultural studies»*. 2009;(3):31–36. (In Russ.)
2. Golenkov A. Empire of the USSR. People's Superpower. Moscow: Publishing House Eksmo; 2010. 256 p. ISBN 978-5-699-41604-2 (In Russ.)
3. Vereshchagin T.G. 60 Years of the Virgin Epic: Stages, Value. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*=*Modern Problems of Science and Education*. 2024;(6),1468. (In Russ.)
4. Buzalo V.I. Shock Komsomol Construction Projects - a School of Internationalism of Soviet Youth. Kyiv: Nauk. Dumka; 1986. 134 p. (In Russ.)
5. Bushuev A.S. (ex. ed.) All-Union Shock Construction Projects in the History of the 20th Century. Collection of Scientific Papers. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 2015. 204 p. ISBN 978-5-94981-189-4 (In Russ.)
6. Kostomarov G.D. (ed.) *Kommunisticheskie Subbotniki v Moskve i Moskovskoi Gubernii v 1919–1920 gg.* Moscow: Publishing House Moskovsky rabochy; 1950. 352 p. (In Russ.)
7. Nureev R.M., Latov Yu.V. (sci. eds.) *Upushchennyi Shans ili Poslednii Klapan? (k 50-letiyu Kosygin'skikh Reform 1965 g.)*. Moscow: Publishing House KNORUS; 2019. 352 p. ISBN 978-5-406-07214-1 (In Russ.)
8. Mitrokhin N.A. Ocherki Sovetskoi Ehkonomicheskoi Politiki v 1965–1989 Godakh. In 2 volue. Vol. 1. Moscow: Publishing House Novoye Literaturnoye Obozrenie; 2023. 504 p. ISBN 978-5-4448-1866-4 (In Russ.)
9. Toshchenko Zh.T. Sud'by Obshchestvennogo Dogovora v Rossii: Ehvolutsiya Idei i Uroki Realizatsii. Monograph. FCTAS RAS; RSUH. Moscow: FCTAS RAS; 2025. 844 p. ISBN 978-5-00258-037-8 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024> (In Russ.)
10. Pristupko V.A. Studencheskie Otryady: Istoricheskii Opyt 1959–1990 Godov. Moscow: Publishing House of Moscow Humani-tary University; 2008. 294 p. ISBN 978-5-98079-469-9 (In Russ.)
11. Toshchenko Zh.T. (ed.) *Chelovek i Ehkonomika (Rezultaty Sotsiologicheskogo Analiza)*. Moscow: Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU; 1990. 94 p. (In Russ.)
12. Neklessa A. Pax Economicana: Geo-Economic Axis of the World System. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*=*Economics of Contemporary Russia*. 1999;(1):71–89. (In Russ.)
13. Piketty T. Capital in the 21st century. Moscow: Publishing House Ad Marginum; 2015. 592 p. ISBN 978-5-91103-271-5 (In Russ.)
14. Toshchenko Zh.T. (ed.), Anisimov R.I., Bulanova M.B., et al. *Zhiznennyi Mir Rabotnikov: Ustoichivost' versus Prekarnost'*. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2023. 462 p. ISBN 978-5-7777-0938-7 (In Russ.)
15. Lenin V. I. The Great Initiative. In: Complete Collected Works in 55 vol. Vol. 39. Moscow: Publishing House Politizdat; 1972. P. 1–29. (In Russ.)
16. Bobkov V.N. (ed.), Odintsova E.V., Popov A.V., et al. The Impact of Precarization on the Quality of Employment and the Standard of Living of Generational Groups of Economically Active Population. Scientific Monograph. Izhevsk: Publishing House Shelest; 2023. 104 p. ISBN 978-5-907677-41-8 (In Russ.)

17. Toshchenko Zh.T. Precariat: From Protoclass to New Class. Moscow: Publishing House Nauka; 2018. 350 p. ISBN 978-5-02-040118-1 (In Russ.)
18. Rossiiskaya Povsednevnost' Segodnya: po Materialam Sotsiologicheskogo Monitoringa (2014–2024 gg.). Moscow: FCTAS RAS; 2024. 130 p. (In Russ.)
19. Shevchenko I.O. Russian Employees Motivation. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie=Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series Philosophy. Sociology. Art Studies*. 2022;(2):72–85. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-3-72-85> (In Russ.)

Information about the author:

Zhan T. Toshchenko – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Sociology Department, Russian State Humanitarian University, Chief Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(SPIN-code: 7025-0028) (RSCI Author ID: 1382) (ResearcherID: R-4569-2016) (Scopus Author ID: 6507646287)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 316

JEL Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_3_384_395

EDN CTCEVJ

Достижения и преграды для продолжительной и активной жизни старшего поколения в России

Дина Кабдуллиновна Танатова¹, Иван Владимирович Королев²

^{1,2} Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹ (dktanatova@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7924-2242>)

² (iv_king@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1317-2317>)

Аннотация

В статье демонстрируется комплексный анализ достижений и барьеров на пути реализации продолжительной и активной жизни старшего поколения в России. Цель исследования – выявить достижения и преграды к активной жизни старшего поколения (лиц в возрасте 60 лет и старше) через призму физической активности, практик здоровья, сбережения и психологического благополучия. Основные задачи включают: анализ установок старшего поколения на физкультурную (двигательную) активность; выявление практик по сохранению здоровья; исследование психологического благополучия в контексте насилия. В основе методологии – комплексный подход, комбинирующий три социологических метода, включая фокус-групповое интервью, телефонный опрос, онлайн-опрос. Авторы выделяют три взаимосвязанных компонента: физическая активность, практики сохранения здоровья и психологическое благополучие. Выявлены ключевые противоречия между декларируемыми установками на здоровое старение и повседневными практиками. Рассматриваются результаты серии фокус-групп, где детально изучено отношение респондентов к физкультурно-спортивной активности, мотивационные факторы и препятствия. Освещаются данные опроса мужчин старшего возраста, посвящённого их практикам здоровьесбережения. Представлены результаты исследования насилия в отношении пожилых людей, указывающие на повсеместное распространение психологического насилия как фактора, подрывающего эмоциональную стабильность и мотивацию к активному образу жизни. Авторами отмечается парадокс общественного восприятия: при декларативно положительном отношении к старшему поколению и признании его ценности как носителя опыта и традиций, сохраняется гипертрофированная установка на исключительную ответственность пожилых членов семьи за заботу о младшем поколении. Фиксируется преобладание реактивного подхода к здоровью среди старшего поколения, когда действия предпринимаются преимущественно в ответ на возникшие недомогания, а не в профилактическом режиме. Подчеркивается влияние поведенческой инертности, культурных стереотипов и системных ограничений на реализацию потенциала активного долголетия.

Ключевые слова: старшее поколение, активная жизнь, продолжительность жизни, здоровое старение, насилие, сохранение здоровья

Для цитирования: Танатова Д.К. Королев И.В. Достижения и преграды для продолжительной и активной жизни старшего поколения в России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 384–395. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_3_384_395 EDN CTCEVJ

RAR (Research Article Report)

JEL JZ13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_3_384_395

Achievements and Obstacles in Pursuing a Long and Active Life for the Older Generation in Russia

Dina K. Tanatova¹, Ivan V. Korolev²

^{1,2} Russian State Social University, Moscow, Russia

¹ (dktanatova@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7924-2242>)

² (iv_king@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1317-2317>)

Abstract

This article presents a comprehensive analysis of achievements and barriers to achieving a long and active life for the older generation in Russia. The study aims to identify achievements and obstacles to an active life for the older generation (individuals aged 60 and above) through the lens of physical activity, health preservation practices, and psychological well-being. The primary objectives include: analyzing the older generation's attitudes towards physical (motor) activity; identifying health preservation practices; and investigating psychological well-being in the context of violence. The methodology is based on a comprehensive approach combining three sociological methods: focus group interviews, telephone surveys, and online surveys. The authors identify three interconnected components: physical activity, health preservation practices, and psychological well-being. Key contradictions between declared attitudes towards healthy aging and everyday practices are revealed. The article examines results from a series of focus groups, detailing respondents' attitudes towards physical and sports activities, motivational factors, and barriers. It highlights data from a survey of older men focused on their health preservation practices. Findings from a study on violence against older adults are presented, indicating the pervasive prevalence of psychological violence as a factor undermining emotional stability and motivation for an active lifestyle. The authors note a societal perception paradox: despite a declaratively positive attitude towards the older generation and recognition of its value as bearers of experience and traditions, a predominant expectation persists that older family members bear exclusive responsibility for caring for younger generations. A reactive approach to health management among the older generation is identified, where actions are primarily taken in response to emerging health issues rather than preventively. The influence of behavioral inertia, cultural stereotypes, and systemic constraints on realizing the potential for active longevity is emphasized.

Keywords: older generation, active life, life expectancy, healthy ageing, violence, health preservation

For citation: Tanatova D.K. Korolev I. V. Achievements and Obstacles in Pursuing a Long and Active Life for the Older Generation in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):384–395. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_384_395 (In Russ.)

Введение

Современное общество сталкивается с беспрецедентным вызовом – стремительным демографическим старением населения. Этот процесс соответствует четвёртой стадии демографического перехода, характеризующейся низкими уровнями рождаемости и смертности, что приводит к изменению возрастной структуры населения в сторону увеличения доли старших возрастных групп [1, с. 5].

Анализ динамики изменения доли старшего поколения в возрастной структуре населения России демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению. Согласно данным Росстата, за пос-

леднее десятилетие удельный вес населения возрастной группы 60 лет и старше вырос с 19,0% в 2013 году до 23,5% в 2023 году, что свидетельствует о ежегодном приросте в среднем на 0,4–0,5 процентных пункта¹.

Демографический прогноз, составленный Росстатом, указывает на тренд дальнейшего увеличения доли лиц старше 60 лет, которая к 2035 году достигнет 26,6%. Тем самым прирост доли старшего поколения составит 3,1 процентных пункта по отношению к 2023 году. На рисунке 1 отражена динамика (фактическая и прогнозная) увеличения доли людей в возрасте 60+ в общей возрастной структуре населения России.

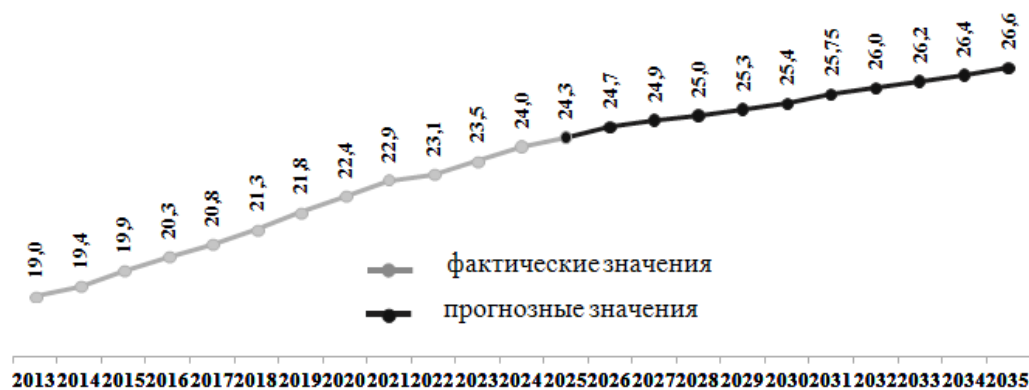

Рисунок 1. Динамика (фактическая и прогнозная) увеличения доли людей в возрасте 60+ в общей возрастной структуре населения России (в % от общей численности населения)

Figure 1. Dynamics (Actual and Forecast) of Increase in the Share of People Aged 60+ in the General Age Structure of the Russian Population (in % of Total Population)

Источник: Росстат².

Тренд демографического старения населения несёт значительные социально-экономические вызовы для России. Как отмечают А.Ф. Канев и его соавторы, старение приводит к сокращению доли трудоспособного населения, увеличивает демографическую нагрузку на него и расходы системы здравоохранения, обусловленные ростом бремени хронических заболеваний. Кроме того, этот процесс создаёт давление на пенсионную систему и может влиять на снижение продуктивности труда [2, с. 7–8].

¹ Распределение населения по возрастным группам // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo14.xlsx> (дата обращения: 02.06.2025).

² Предположительная численность населения Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_3a.xls (дата обращения: 02.06.2025).

Тенденция к увеличению доли людей старшего поколения свойственна не только России, но и другим странам и относится учёными к числу глобальных демографических «мегатрендов» [3, с. 72]. Устойчивость тенденции демографического старения населения в России, как и в других странах, объясняется совокупностью факторов:

1. Снижением рождаемости,
2. Увеличением ожидаемой продолжительности жизни [4, с. 171].

В. Джанфреди, Д. Нуччи, Ф. Пенниси и др. соглашаясь с детерминацией демографического старения указанными факторами уточняют, что увеличению продолжительности жизни способствуют улучшение системы здравоохранения, следовательно, улучшением диагностики и лечения

заболеваний, а также их профилактикой, а также значительным снижением смертности от инфекционных заболеваний в пользу хронических дегенеративных заболеваний [5].

Заметим, что росту продолжительности жизни в России способствует также реализация национального проекта «Продолжительная и активная жизнь», направленного на увеличение продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и 81 года к 2036 году.³

Речь идёт именно об активной жизни, ведь, согласно теории активности, сформулированной ещё в шестидесятых годах двадцатого столетия, но до сих пор не потерявшей своей актуальности [6], оптимально стареющий человек – это тот, кто остаётся вовлечённым в социальный мир, сохраняя активность среднего возраста как можно дольше [7]. Участие пожилого человека в социальной деятельности приводит к тому, что люди испытывают чувство энтузиазма, удовлетворения, самоуважения и оптимизма [8]. Современные исследования подтверждают, что активное старение положительно и последовательно связано с различными аспектами качества жизни

пожилых людей, включая физическое, социальное, экономическое и поведенческое благополучие [9].

В России активность людей старшего поколения динамично возрастает. Анализ данных Росстата о доле лиц 55 лет и старше, ведущих активный образ жизни, показывает сложную динамику. Начиная с 2011 года наблюдался устойчивый рост показателя, достигший максимума в 2016 году. Однако в последующий период зафиксировано волнообразное изменение значений активности людей старшего поколения с общей тенденцией к умеренному росту. Такая динамика свидетельствует о постепенном формировании в России новой модели старения, при которой все больше представителей старшего поколения сохраняют социальную и физическую активность. Тем не менее, как отмечает Кучмаева О.В. «Пожилые люди по-прежнему мало включены в социальную деятельность» [10, с. 62]. На рисунке 2 отражена динамика изменения доли лиц в возрасте 55 лет и более, способных вести активный образ жизни и занимающиеся какими-либо видами активного досуга.

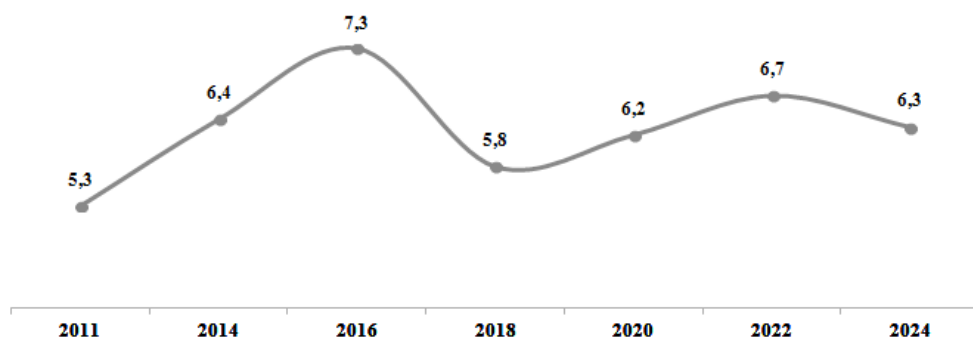

Рисунок 2. Доля лиц в возрасте 55 лет и более, способных вести активный образ жизни и занимающиеся какими-либо видами активного досуга (в % от общего числа лиц в возрасте 55 лет и более)

Figure 2. Share of People Aged 55 and Older Capable of Maintaining an Active Lifestyle and Engaging in Various Types of Active Recreation (as % of Total Number of People Aged 55 and Older)

Источник: Росстат⁴.

Статистический анализ демографических данных, социальных предпосылок здорового старения, противоречивой динамики активности старшего поколения позволяет поставить цель исследования, очертить круг задач, сформулировать объект и предмет исследования, выдвинуть гипотезу исследования и определить его новизну.

³ Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» // Правительство России: [сайт]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/917/about/> (дата обращения: 02.06.2025).

⁴ Доля лиц в возрасте 55 лет и более, способных вести активный образ жизни и занимающиеся какими-либо видами активного досуга // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_7.5_2011-2024.xlsx (дата обращения: 02.06.2025).

Цель исследования – выявить достижения и преграды к активной жизни старшего поколения (лиц в возрасте 60 лет и старше) через призму физической активности, практик здоровьесбережения и психологического благополучия. Основные задачи включают: анализ установок старшего поколения на физкультурную (двигательную) активность; выявление практик по сохранению здоровья; исследование психологического благополучия в контексте насилия.

Объект исследования: старшее поколение (лица в возрасте 60 лет и старше).

Предмет исследования: продолжительная и активная жизнь старшего поколения.

Новизну исследования формирует используемый подход по выявлению разрыва между осознанием старшим поколением компонентов активного долголетия и их практической реализацией с помощью комплекса социологических методов.

Гипотеза исследования: основным препятствием к реализации потенциала продолжительной и активной жизни старшего поколения в России является комплексный разрыв между осознанием важности его компонентов (физической активности, практик сохранения здоровья, психологического благополучия) и их реализацией в повседневной жизни. Этот разрыв усугубляется преобладанием реактивного подхода старшего поколения к здоровью и влиянием поведенческой инертности, культурных стереотипов и ограничений, включая распространённость психологического насилия.

Теоретические и методологические положения

Продолжительная и активная жизнь старшего поколения требует комплексного учёта трёх взаимосвязанных компонентов: физкультурной (двигательной) активности людей старшего поколения, их практик по сохранению здоровья и психологического благополучия.

Физическая активность выступает краеугольным камнем здорового старения. Регулярные занятия физкультурой благоприятно сказываются на состоянии организма, замедляют когнитивные нарушения, снижают риски деменции [11, с. 42]. В ходе исследования ассоциаций между уровнем физической активности и этими показателями в здоровой популяции, проведённого А.К. Ильющенко, Е.А. Мараховской и другими исследователями установлено, что регулярная физическая активность служит универсальным немедикаментозным инструментом в профилактике психоэмоционального старения [12, с. 246].

Однако эффективность физической активности напрямую зависит от системного подхода к сохранению здоровья, который включает не только медицинские процедуры, но и осознанное управление образом жизни [13]. Речь идёт о профилактических мерах, таких как плановые обследования, вакцинация, контроль артериального давления, а также о корректировке поведенческих паттернов: отказе от вредных привычек, переходе на сбалансированное питание и снижение уровня стресса.

Психологическое благополучие дополняет эту систему, формируя мотивацию к активности и устойчивость к стрессам. Как показывают Э.Э. Сыманюк, Г.И. Борисов и другие исследователи: «Активность, наличие смысла жизни, пози-

тивное взаимодействие с другими людьми являются факторами психологического благополучия людей пожилого возраста» [14, с. 21]. Социальная вовлечённость, поддержка близких и отсутствие агрессии в окружении критически важны для здоровья пожилых людей. Это обусловлено возрастными особенностями людей старшего поколения. Как показывает О.П. Сынкина: «Пожилкой возраст, помимо прочего, характеризуется депрессиями, которые остро и негативно отражаются на психологическом и физическом состоянии человека, вплоть до суицидального поведения» [15, с. 431]. Психологическое насилие или изоляция провоцируют апатию, усугубляя физические и ментальные риски.

Ключевые угрозы активному долголетию возникают при дисбалансе этих элементов. По данным Т. Густафссона и Б. Ульфхаке, связанная с возрастом потеря скелетной мышечной массы и функции мышц (саркопения), поражает около 5–10% людей, относящихся к старшему поколению [16]. Отказ от двигательной активности ускоряет саркопению, а снижение мобильности, игнорирование медицинских рекомендаций – ведёт к прогрессированию хронических болезней, а агрессия в семье или обществе разрушает эмоциональную стабильность.

Таким образом, представленный анализ демографических тенденций и компонентов активного долголетия позволяет заключить, что рост численности старшего поколения и укрепляющиеся установки на активную жизнь требуют не только адаптации социально-экономических институтов, но и глубокого изучения механизмов реализации потенциала пожилых людей через призму физической активности, практик сохранения здоровья и психологического благополучия.

Использованные данные и методы работы с ними

Для комплексного изучения барьеров активного долголетия применены качественные и количественные методы, обеспечивающие взаимную верификацию данных. В целях определения достижений и преград активного долголетия воспользуемся результатами трёх социологических исследований, проведённых социологами Российского государственного социального университета в 2023–2024 годах.

Для углублённого анализа установок лиц старше 60 лет в отношении физической активности в 2023 году была проведена серия из четырёх фокус-групп, сформированных по принципу гомогенности таких социально-демографических характеристик, как возраст и тип населённого пункта. Каждая группа включала 8 участников,

отобранных с соблюдением баланса гендерного соотношения (50% мужчин, 50% женщин). Критерии включения респондентов в число участников фокус-группы: возраст 60–85 лет; самостоятельная мобильность; отсутствие диагностированных когнитивных нарушений. Данное исследование стало продолжением ряда исследований по выявлению мотивов и стимулов российского населения к систематическим занятиям физической культурой и спортом [17].

Модерация сессий осуществлялась по структурированному гайду. Продолжительность каждой сессии составляла 90–120 минут с аудио- и видеозаписью при информированном согласии участников. Транскрибированные материалы обрабатывались методом тематического анализа с выделением семантических единиц, частотных паттернов и атипичных кейсов.

Также проведены два социологических опроса населения методом анкетирования. В 2023 году проведен опрос для анализа практик сохранения здоровья среди российских мужчин в возрасте от 60 лет и старше (N=1110). Выборка построена по квотному принципу с репрезентацией по федеральным округам и типу населенного пункта (мегаполисы, города, села). Статистическая погрешность не превышает 3% при доверительной вероятности 95%.

В 2024 году проведен опрос, посвященный теме насилия в отношении пожилых людей. В исследовании использована смешанная методология сбора данных: телефонный опрос и глубинные интервью. Выборка (N=1646) репрезентирует население 8 федеральных округов РФ пропорционально численности. Респондентами стали люди старше 18 лет – свидетели случаев насилия над пожилыми. Специально подготовленный инструментарий опроса обеспечил фиксацию как латентных (психологическое давление, манипуляции), так и явных форм агрессии (физическое, финансовое насилие). Статистическая погрешность не превышает 2,5% при доверительной вероятности 95%.

Результаты исследования

Анализ результатов проведенных фокус-групп на тему двигательной активности позволил определить мотивацию старшего поколения к занятиям физкультурой. Люди, входящие в старшие возрастные группы, осознают значимость занятий физкультурой для активной и продолжительной жизни. Наши информанты отметили, что систематические занятия физкультурой укрепляют физическое здоровье. Например, Владимир (62 года) связывает активность с «продлением жизни»: «Физкультура – это, конечно, удовольствие. Это просто бодрая жизнь, это в самом деле

продление жизни». Кроме этого, пожилые люди считают, что физкультурно-спортивные занятия позитивно влияют на ментальное состояние. Татьяна Анатольевна (61 год) акцентирует роль физических нагрузок в профилактике деменции: «Не разгадывание кроссвордов, а упражнения способствуют долголетию». Важен для пожилых людей и социальный аспект двигательной активности. Они говорят, что групповые занятия, такие как танцы или командные игры, создают условия для общения. Например, Марина Юрьевна (60 лет) упоминает, что активные люди «быстрее на подъем»: «Занимаешься дома физкультурой – ты быстро можешь собраться и быстро куда-то поехать», а Сергей Николаевич (64 года) видит в спортивных мероприятиях возможность «пообщаться с молодыми женщинами»: «У меня одна из мотиваций – спортивные девушки, молодые женщины. Придешь – пообщаешься. Может, ближе, может, дальше».

Но мотивы и стимулы старшего поколения проявлять двигательную активность блокируются различными барьерами. Финансовая недоступность занятий – ключевая проблема: «Спортивные площадки по такой цене, что туда не пойдешь», – констатирует Владимир, 62 года. Здоровье и семейные обязательства усугубляют ситуацию: «Днем – внуки, ночью – лежащая мать. Когда заниматься?» – спрашивает Лариса Владимировна, 62 года. Культурные стереотипы также играют роль: часть респондентов опасается осуждения за «неуместную активность в возрасте» (Юрий, 69 лет), хотя большинство отмечает, что «никто пальцем не показывает» (Светлана, 67 лет). Существуют и другие барьеры, мешающие старшему поколению проявлять двигательную активность. Например, Д.К. Танатова, М.В. Вдовина и Т.Н. Юдина выявили проблемы инфраструктурного характера: «Инфраструктура часто бывает не адаптирована под возрастную категорию граждан пенсионного возраста, они не могут найти секцию, которая подходила бы им по состоянию здоровья и уровню физической активности» [18, с. 471].

Таким образом полученные данные позволяют сделать вывод, что осознанная потребность в физической активности, стремление сохранить и укрепить здоровье, поддержка социального окружения создают основу для активного долголетия, однако системные преграды – финансовые ограничения, доступность инфраструктуры, временные и культурные барьеры – требуют комплексных решений для активизации жизни старшего поколения.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что несмотря на то, что старшее поколение

осознает несомненную пользу занятий физической культурой как важного компонента здоровья, оно нуждается в активизации и физкультуризации своего образа жизни.

Результаты социологического опроса 1110 мужчин в возрасте 60+, посвящённого изучению факторов, формирующих их отношение к здоровью, демонстрируют как ключевые вредные для здоровья жизненные практики пожилых людей группируются вокруг трёх взаимосвязанных аспектов: поведенческих паттернов, социально-психологических условий и медицинской безответственности.

Поведенческие риски, такие как низкая физическая активность (49%) и неправильное питание (33%), отражают укоренившиеся привычки, которые сохраняются даже при понимании их вреда. Эти данные перекликаются с предыдущими выводами: респонденты, признавая важность физкультуры («Движение – это жизнь»), часто сталкиваются с нехваткой ресурсов для её реализации. Например, ненормированный график работы (21%) и семейные обязательства («Днем – внуки, ночью – лежачая мать») ограничивают возможности для систематических занятий, создавая порочный круг пассивности.

Социально-психологические факторы – стресс (36%), нестабильные эмоциональные отношения (16%) – усугубляют ситуацию. Эмоциональное напряжение, связанное с конфликтами или тревогой, снижает мотивацию к здоровым практикам, что подтверждается словами участников фокус-групп: «Когда делаю зарядку, чувствую

контроль над мыслями». Однако в реальности стресс часто блокирует эту способность, особенно в условиях отсутствия поддержки близкого окружения.

Недостаточное внимание к своему здоровью (редкие обследования – 48%) одна из наиболее часто встречающихся проблем, которая резко усиливает риски ухудшения здоровья старшего поколения. Даже доступ к программам бесплатной диспансеризации не всегда компенсирует эту проблему, так как культурные нормы подавляют инициативу здоровьесбережения.

Такие установки старшего поколения по сохранению здоровья могут усиливаться объективными причинами недоступности медицинских обследований. Как показывают Л.М. Мухарямова и Ж.В. Савельева «...оптимизация [институциональных форм охраны здоровья] приводит к проблемам с транспортной и экономической доступностью, когда услуги стационара все чаще замещаются рецептом на дорогостоящие лекарства, средств на приобретение которых у пожилых людей недостаточно» [19, с. 142].

Таким образом, культура бережливого отношения к здоровью среди населения, относящегося к старшему поколению, формируется в условиях конфликта между осознанными устремлениями на сохранение здоровья, поведенческими ограничениями безответственного к нему отношения и объективными причинами недоступности обследований. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, какие вредные для здоровья практики присутствуют в их жизни приведено на рисунке 3.

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, какие вредные для здоровья практики присутствуют в их жизни (в % от общего числа респондентов, n=1110)⁵

Figure 3. Distribution of Respondents' Answers about Harmful Health Practices Present in Their Lives (as % of Total Number of Respondents, n=1110)

Источник: авторское социологическое исследование, 2023.

⁵ Общая сумма ответов превышает 100%, т.к. респондент мог выбрать несколько вариантов

Результаты наших исследований демонстрируют, что осознание важности здоровья среди старшего поколения не всегда трансформируется в практические действия. Ранее мы говорили о внешних барьерах (финансовых, инфраструктурных) активной и продолжительной жизни. Далее рассмотрим субъективные факторы, объясняющие невнимательное отношение старшего поколения к здоровью.

Распределение ответов респондентов об отношении к своему здоровью показывает, что более половины людей старшего возраста (52%) придерживаются пассивной стратегии, ограничи-

ваясь минимальными усилиями, тогда как лишь треть (30%) целенаправленно вкладывает ресурсы в его сохранение. Это указывает на доминирование реактивного подхода: пожилые люди склонны действовать постфактум, реагируя на уже возникшие проблемы, а не предотвращая их. Меньшая часть (11%) открыто признает пренебрежение здоровьем, что очевидно взаимосвязано с распространённостью вредных практик, таких как низкая физическая активность (49%), неправильное питание (33%) и др. Распределение ответов мужчин на вопрос о том, как они относятся к своему здоровью, приведено на рисунке 4.

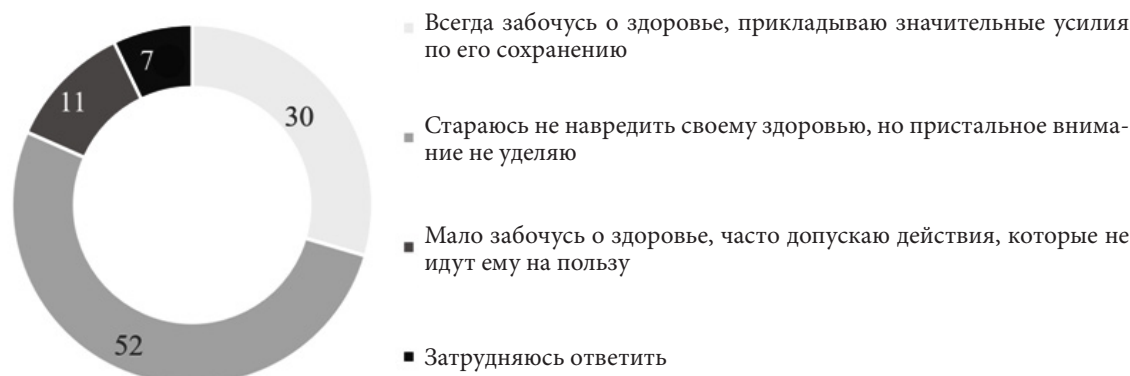

Рисунок 4. Распределение ответов мужчин на вопрос о том, как они относятся к своему здоровью (в % от общего числа респондентов, n=1110)

Figure 4. Distribution of Male Respondents' Answers about Their Attitude to Health (in % of Total Number of Respondents, n=1110)

Источник: авторское социологическое исследование, 2023.

Основной причиной невнимательного отношения мужчин старшего поколения к здоровью является отсутствие желания обращаться к врачам (36%). Этот фактор отражает глубоко укоренившиеся установки, включая страх перед дискомфортными медицинскими процедурами («боюсь гастроскопии, инъекций») и убежденность в избыточности профилактики при отсутствии явных симптомов. Такая позиция хорошо накладывается на ранее выявленные поведенческие паттерны, такими как редкие медосмотры, и формирует основу для прогрессирования хронических заболеваний.

Финансовые ограничения (24%) и недоступность медицинских организаций (22%) занимают второе и третье места среди ключевых причин невнимания к своему здоровью. Эти структурные проблемы обостряются низкой информированностью старшего поколения об имеющихся возможностях контроля здоровья. Например, даже при наличии программ бесплатной диспансери-

зации 10% респондентов не знают, как в них участвовать.

Страх неприятных процедур (19%) дополняет картину, подчёркивая психологический дискомфорт, который становится дополнительным препятствием для профилактики. Менее значимые, но схожие по природе причины – нежелание менять привычный образ жизни (13%) и отсутствие времени (17%) – отражают инерционность поведенческих моделей, усугубляемую семейными или рабочими обязательствами.

Остальные факторы, такие как недоверие к медицине (8%) или убежденность в отсутствии проблем со здоровьем (11%), играют второстепенную роль, но в совокупности усиливают общую тенденцию к пассивности. Например, сочетание страха процедур и уверенности в собственном хорошем здоровье создаёт иллюзию контроля, маскирующую реальные риски. На рисунке 5 отражено распределение ответов респондентов на вопрос о том, что мешает более внимательно относиться к здоровью.

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, что мешает более внимательно относиться к здоровью (в % от общего числа тех, кто невнимательно относится к здоровью, n=533)⁶

Figure 5. Distribution of Respondents' Answers about Factors Preventing Them from Paying More Attention to Health (in % of Total Number of Respondents Who Do Not Pay Enough Attention to Health, n=533)

Источник: авторское социологическое исследование, 2023.

Далее обратимся к психологическому благополучию старшего поколения, как к ключевому компоненту активного долголетия. Очевидно, что активная и продолжительная жизнь человека невозможна в условиях, когда он подвергается насилию в той или иной форме. Однако ситуации насилия в отношении пожилых людей встречаются довольно часто. Данные нашего исследования «Портрет субъектов и объектов насилия над пожилыми людьми» показывают, что 71% респондентов лично наблюдали ситуации грубости или унижения в отношении старшего поколения. Подавляющее большинство из них (84%) сталкивались с психологическим насилием. Это указывает на масштаб проблемы, которая подрывает не только эмоциональную стабильность, но и имеющуюся у старшего поколения мотивацию к здоровому образу жизни.

Наиболее распространённые формы психологического насилия в отношении людей старших возрастных групп включают хамство и оскорбительные высказывания (51%), крик (47%) и грубую речь (43%). Эти практики формируют атмосферу унижения, которая провоцирует апатию. Менее явные, но столь же разрушительные формы – пренебрежение (32%) и игнорирование просьб (17%) – усугубляют социальную изоляцию, усиливая стресс. При этом отметим, что значительная часть респондентов

именно стресс считают барьером для здоровых практик.

Редкие, но значимые проявления психологического насилия – угрозы (13%) и принуждение к действиям против воли (10%) – создают ощущение беспомощности, что также не способствует активной и продолжительной жизни. На рисунке 6 отражено распределение частот видов психологического насилия, которому подвергается старшее поколение.

Физическое насилие менее распространено (данный вид насилия в отношении людей старшего поколения наблюдали лишь 4% респондентов). Однако физическое насилие становится крайним проявлением агрессии, усиливающим травматический опыт людей старшего возраста. В 13% случаев физическое насилие сочетается с психологическим давлением, что формирует замкнутый цикл, где страх и унижение подавляют желание участвовать в социальной жизни, включая групповые занятия физкультурой, ранее названные важным мотиватором.

Показанные результаты свидетельствуют, что насилие, будучи распространённой практикой, разрушает ключевые условия для активного долголетия: социальную вовлечённость, эмоциональную устойчивость и мотивацию к самореализации. Его последствия усугубляют ранее выявленные барьеры активного долголетия – финансовые ограничения, инерцию привычек, страх перед переменами.

⁶ Общая сумма ответов превышает 100%, т.к. респондент мог выбрать несколько вариантов.

Рисунок 6. Распределение видов психологического насилия, которому подвергается старшее поколение (в % от общего числа респондентов, ставших свидетелями ситуаций психологического насилия в отношении людей старшего поколения, n -1380)⁷

Figure 6. Distribution of Types of Psychological Abuse Experienced by Older Generation (in % of Total Number of Respondents Who Witnessed Situations of Psychological Abuse Against Older People, n=1380)

Источник: авторское социологическое исследование, 2024.

Обсуждение

Всемирная организация здравоохранения с целью повышения качества жизни старшего поколения предложила концепцию активного старения. Эта концепция служит ориентиром для оптимизации возможностей поддержания здоровья, участия в жизни общества и обеспечения безопасности старшего поколения. Политика и программы активного старения признают необходимость поощрения и сбалансирования личной ответственности (ухода за собой), условий, благоприятных для пожилых людей, окружающей среды и солидарности между поколениями.⁸ Результаты представленного исследования демонстрируют необходимость повышения активизации старших возрастных групп, так как активная жизнь во многом способствует росту её продолжительности. При этом следует учитывать, что, как показывает Е.М. Щербакова: «Тенденция старения населения – требует соответствующей переориентации и адаптации общества, выделения всё больших ресурсов на социальное обеспечение, медицинскую помощь и обеспечение других потребностей пожилых людей, включая длительный уход, с одной стороны, и создания условий для активного долголетия, с другой стороны» [20]. Несмотря на то, что в России

⁷ Общая сумма ответов превышает 100%, т.к. респондент мог выбрать несколько вариантов.

⁸ Active ageing: a policy framework // WHO: [сайт]. URL: <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/wp-content/uploads/2014/06/WHO-Active-Ageing-Framework.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).

предпринимаются значительные усилия по вовлечению старшего населения в активные жизненные практики, а старшее поколение в целом осознает ценность активного долголетия, пассивные стратегии здоровья доминируют. Это указывает на разрыв между когнитивными установками старшего поколения на активную и продолжительную жизнь и практической реализацией принципов здорового старения. Согласимся с А. Ильницким, Н. Поздняковой и И. Носковой, без здорового старения, т.е. правильного поведения, здоровых привычек, профилактики и лечения, невозможно обеспечить должное качество жизни старшего поколения [21].

Проведённое исследование выявило препятствия на пути реализации принципов здорового старения. Старшее поколение сталкивается с финансовыми барьерами, нехваткой времени из-за семейных обязанностей, культурными стереотипами. Характерна также реактивная модель заботы о здоровье – нежелание обращаться к врачам без явных симптомов и избегание профилактики. Психологическое благополучие подрывается распространённостью психологического насилия (хамство, унижение), создающего стресс и апатию. Парадоксально, что общественная установка на семейную гиперответственность часто оборачивается для пожилых людей двойной нагрузкой и стигматизацией иных форм поддержки.

Таким образом, активизация образа жизни старшего поколения требует преодоления как внешних преград, так и внутренних противоре-

чий – между осознанием и действием, семейными обязательствами и личными потребностями. Необходимы комплексные программы, повышающие доступность здоровых практик, формирующие культуру превентивной заботы, борющиеся с насилием и пересматривающие роль семьи и общества в поддержке старшего поколения.

Заключение

Демографическое старение населения России создает объективную необходимость пересмотра традиционных моделей социальной и трудовой активности старшего поколения. Обозначенная стратегическая цель России по достижению продолжительной и активной жизни в пожилом возрасте требует комплексного подхода, основанного на сбалансированном развитии трёх ключевых компонентов: физической активности, практик сохранения здоровья и психологического благополучия. Проведённое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: выявленный комплексный разрыв между осознанием важности старшим поколением этих компонентов и их практической реализацией, усугубляемый реактивным подходом к здоровью, поведенческой инертностью и распространённостью в обществе психологического насилия, остаётся основным препятствием для активного долголетия. Дисбаланс в любом из этих элементов существенно снижает общую эффективность стратегий активного долголетия.

Ключевым достижением последних лет является формирование у старшего поколения осоз-

нанной установки на ценность здорового образа жизни, а также развитие государственных программ, таких как национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», а также постепенное формирование в общественном сознании установок на здоровое старение. Однако заметной преградой в активизации старшего поколения является доминирование реактивного подхода к сохранению здоровья. Среди причин такого отношения к здоровью авторы видят поведенческую инерцию, когда даже при наличии ресурсов сохраняется привычка игнорировать симптомы до критической стадии, а также экономические барьеры, делающие превентивную медицину недоступной значительной части людей старших возрастных групп. Кроме того, реальные возможности для активной и независимой жизни старшего поколения ограничивают практики психологического насилия со стороны более молодых людей, при том, что широко артикулируется ценность пожилых людей как носителей полезного жизненного опыта.

Преодоление выявленных противоречий требует реализации комплекса мер: развития доступной инфраструктуры для активного долголетия, последовательной борьбы с возрастной дискриминацией и любыми формами насилия в отношении пожилых, реформирования системы поддержки и ухода, а также активной популяризации культуры превентивной заботы о здоровье на протяжении всей жизни. Такой системный подход позволит реализовать потенциал старшего поколения и обеспечить здоровое старение.

Список источников

1. Барсуков В.Н. Старение населения в контексте концепции демографического перехода // Вопросы территориального развития. 2016. № 1(31). EDN VLZDUJ
2. Старение населения и устойчивость национальных систем здравоохранения. Обзор мировых практик / А.Ф. Канев, О.С. Кобякова, Н.Г. Куракова, И.П. Шибалков // Национальное здравоохранение. 2023. Том 4. № 4. С. 5–13. <https://doi.org/10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13> EDN SNXYKK
3. Воробьева О.Д., Ниорадзе Г.В., Хроленко Т.С. Эволюция подходов к демографическому старению // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия Социально-экономические науки. 2022. Том 15. № 4. С. 72–84. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-72-84> EDN TAFIBQ
4. Короленко А.В. Факторы демографического развития России: опыт исследования панельных данных // Проблемы развития территории. 2019. № 5(103). С. 170–188. <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.5.103.11> EDN LCZQB
5. Aging, longevity, and healthy aging: the public health approach / V. Gianfredi, D. Nucci, F. Pennisi, M. Ratti // Aging Clinical and Experimental Research. 2025. Vol. 37. № 1. Art. 125. <https://doi.org/10.1007/s40520-025-03021-8>
6. Havighurst R.J. Successful aging // The Gerontologist. 1961. Vol. 1. No. 1. P. 8–13. <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>
7. Versey S.H. Activity theory // The encyclopedia of adulthood and aging / S.K. Whitbourne (ed.). UK: John Wiley and Sons, 2015. 1656 p. ISBN 9781118528921 <https://doi.org/10.1002/9781118521373.wbeaa096>
8. Formosa M. Activity theory as a foundation for active ageing policy: The Maltese experience. EXLIBRIS Biblioteka Gerontologii Społecznej. 2020. Issue 18. P. 13–24.
9. Determinants of active aging and quality of life among older adults: systematic review / R.R. Marzo, P. Khanal, S. Shrestha, D. Mohan // Frontiers in Public Health. 2023. Vol. 11. Art. 1193789. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1193789>
10. Kuchmaeva O. Social activity of elderly Russians and prospects of implementation of the «active ageing» policy // Population and Economics. 2018. Vol. 2. No. 4. P. 47–84. <https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36060>

11. Физическая активность людей пожилого возраста и ее влияние на соматическое и психологическое здоровье / В.А. Тарасов, С.В. Цветов, А.Б. Борисов [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Том 30. № 1. С. 39–44. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-1-39-44> EDN PTPPNI
12. Исследование RUSS-AGE: влияние уровня физической активности на психоэмоциональный и когнитивный статус, биологический возраст / А.К. Ильющенко, Е.А. Мараховская, М.М. Балаева [и др.] // Российский журнал гериатрической медицины. 2025. № 2(22). С. 246–247. <https://doi.org/10.37586/2686-8636-2-2025-246-247> EDN OQFGXF
13. Мухамеджан М.Б., Алчинбаев М.К. Обзорная статья: методы улучшения общего состояния здоровья населения // Universum: медицина и фармакология. 2024. № 9(114). С. 25–29. EDN QXZUVW
14. Psychological Well-being by Late Adulthood People / E.E. Symaniu, G.I. Borisov, T.B. Sergeeva, A.A. Pecherkina, O.V. Obvintseva // Lurian Journal. 2021. Vol. 2. No. 3. P. 17–30. <https://doi.org/10.15826/Lurian.2021.2.3.3> EDN XGLQSP
15. Сынкина О.П. Социальная поддержка пожилых граждан в эмоционально-психологической сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Том 21. № 4. С. 430–434. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-430-434> EDN LQQAEN
16. Gustafsson T., Ulfhake B. Aging Skeletal Muscles: What Are the Mechanisms of Age-Related Loss of Strength and Muscle Mass, and Can We Impede Its Development and Progression? // International Journal of Molecular Sciences. 2024. Vol. 25. No. 20. Art. 10932. <https://doi.org/10.3390/ijms252010932>
17. Танатова Д.К., Королев И.В., Леонтьева Т.В. Физическая культура и спорт в жизни российского населения // Народонаселение. 2022. Том 25. № 1. С. 167–176. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.14> EDN NVJAKD
18. Танатова Д.К., Вдовина М.В., Юдина Т.Н. Социальные факторы увеличения продолжительности здоровой жизни (по материалам социологических исследований) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Том 29. № 3. С. 468–473. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-468-473> EDN MIUIAN
19. Мухарямова Л.М., Савельева Ж.В. Доступность и справедливость здравоохранения для пожилых (в оценках населения и экспертов) // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 136–145. <https://doi.org/10.31857/S013216250006663-2> EDN AKLTRM
20. Щербакова Е.М. Старшие поколения россиян, 2025 год // Демоскоп Weekly. 2025. № 1079-1080.
21. Ильницкий А.Н., Позднякова Н.Г., Носкова И.В. Здоровое старение // Наука и инновации. 2016. № 12(166). С. 18–21. EDN XETMNN

Информация об авторах:

Дина Кабдуллиновна Танатова – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Российский государственный социальный университет (SPIN-код: 7675-8938) (РИНЦ Author ID: 774128) (ResearcherID: U-1664-2017) (Scopus Author ID 56748103100)

Иван Владимирович Королев – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, Российский государственный социальный университет

(SPIN-код: 3585-2844) (РИНЦ Author ID: 850724) (ResearcherID: Y-3816-2019) (Scopus Author ID: 57205201514)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Иван Владимирович Королев.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Barsukov V.N. Population Ageing in the Context of the Demographic Transition. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*. 2016;(1(31)). (In Russ.)
2. Kanev A.F., Kobyakova O.S., Kurakova N.G., Shibalkov I.P. Population Ageing and National Healthcare Systems Sustainability. A Review of World Practices. *Natsional'noe zdoravookhranenie=National Health Care*. 2023;4(4):5-13. <https://doi.org/10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13> (In Russ.)
3. Vorobieva O.D., Nioradze G.V., Khrolenko T.S. Evolution of Approaches to Population Aging. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki=Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2022;15(4):72–84. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-72-84> (In Russ.).
4. Korolenko A.V. Factors Contributing to Russia's Demographic Development: Panel Data Research Experience. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*. 2019;(5(103)):170–188. <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.5.103.11> (In Russ.)
5. Gianfredi V., Nucci D., Pennisi F., et al. Aging, Longevity, and Healthy Aging: the Public Health Approach. *Aging Clinical and Experimental Research*. 2025;37(1),125. <https://doi.org/10.1007/s40520-025-03021-8>
6. Havighurst R.J. Successful Aging. *The Gerontologist*. 1961;1(1):8–13. <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>
7. Versey S.H. Activity Theory. In: Whitbourne S.K., ed. *The Encyclopedia of Adulthood and Aging*. UK: John Wiley and Sons; 2015. 1656 p. ISBN 9781118528921 <https://doi.org/10.1002/9781118521373.wbeaa096>
8. Formosa M. Activity Theory as a Foundation for Active a Ageing Policy: The Maltese Experience. *EXLIBRIS Biblioteka Gerontologii Społecznej*. 2020;(18):13–24.
9. Marzo R.R., Khanal P., Shrestha S., et al. Determinants of Active Aging and Quality of Life Among Older Adults: Systematic Review. *Frontiers in Public Health*. 2023;11,1193789. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1193789>

10. Kuchmaeva O. Social Activity of Elderly Russians and Prospects of Implementation of the «Active Ageing» Policy. *Population and Economics*. 2018;2(4):47–84. <https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36060>
11. Tarasov V. A., Tsvetov S. V., Borisov A. B., Narvatov M. I. The Physical Activity of Elderly Persons and its Effect on Somatic and Psychological Health. *Problemi socialnoi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny=Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine* 2022;30(1):39–44. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-1-39-44> (In Russ.)
12. Ilyushchenko A.K., Marakhovskaya E.A., Balaeva M.M., et al. The RUSS-AGE Study: the Impact of Physical Activity Level on Psychoemotional and Cognitive Status and Biological Age. *Rossiiskii zhurnal geriatricheskoi meditsiny=Russian Journal of Geriatric Medicine*. 2025;(2(22)):246–247. <https://doi.org/10.37586/2686-8636-2-2025-246-247> (In Russ.)
13. Mukhamedzhan M.B., Alchinbaev M.K. Review Article: Methods to Improve the Overall Health of the Population. *Universum: meditsina i farmakologiya*. 2024;(9(114)):25–29. (In Russ.)
14. Symaniu E.E., Borisov G.I., Sergeeva T.B., et al. Psychological Well-being by Late Adulthood People. *Lurian Journal*. 2021;2(3):17–30. <https://doi.org/10.15826/Lurian.2021.2.3.3>
15. Synkina O.P. The Elderly Citizens' Social Support of in the Emotional and Psychological Sphere. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya= Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2021;21(4):430–434. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-430-434> (In Russ.)
16. Gustafsson T., Ulfhake B. Aging Skeletal Muscles: What Are the Mechanisms of Age-Related Loss of Strength and Muscle Mass, and Can We Impede Its Development and Progression? *International Journal of Molecular Sciences*. 2024;25(20),10932. <https://doi.org/10.3390/ijms252010932>
17. Tanatova D.K., Korolev I.V., Leont'eva T.V. Physical Culture and Sport in the Life of the Russian Population. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(1):167–176. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.14> (In Russ.)
18. Tanatova D.K., Vdovina M.V., Yudina T.N. The Social Factors Increasing Healthy Life Longevity (According Sociological Surveys Material). *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny=Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2021;29(3):468–473. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-468-473> (In Russ.)
19. Mukhamyaramova L.M., Saveleva Zh.V. Availability and Fairness of Health Protection for Elderly People (in Popular and Experts Assessments). *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2019;(9):136–145. <https://doi.org/10.31857/S013216250006663-2> (In Russ.)
20. Shcherbakova E.M. Starshie Pokoleniya Rossiyan, 2025 god. *Demoskop Weekly*. 2025;(1079-1080). (In Russ.)
21. Il'inskiy A.N., Pozdnyakova N.G., Noskova I.V. Zdorovoe starenie. *Nauka i innovatsii=Science and Innovations*. 2016;(12(166)):18–21. (In Russ.)

Information about the authors:

Dina K. Tanatova – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology, Russian State Social University (SPIN-code: 7675-8938) (RSCI Author ID: 774128) (ResearcherID: U-1664-2017) (Scopus Author ID 56748103100)

Ivan V. Korolev – PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Russian State Social University (SPIN-code: 3585-2844) (RSCI Author ID: 850724) (ResearcherID: Y-3816-2019) (Scopus Author ID: 57205201514)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Ivan V. Korolev

The article was submitted 16.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 316.42, 332.85

JEL R21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_4_396_407

EDN FCOYJE

Аренда жилья и коливинг: отношение москвичей к решению жилищных проблем в форматах экономики совместного потребления

Ольга Аркадьевна Александрова,¹ Екатерина Игоревна Борковская²

¹ Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹(a762rab@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>)

²(katrin_borkovskaya@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-2853-2557>)

Аннотация

В Москве уровень обеспеченности жильём – один из худших в России. Исходя из опыта развитых стран, решением могло бы стать арендное жильё, а также коливинг, тем более что это вписывается в получающую всё большее развитие экономику совместного потребления (ЭСП), имеющую как экономические, так и социокультурные предпосылки, связанные с изменением отношения к собственности и владению благами. Цель исследования состояла в оценке перспектив (или, иначе, потенциала) развития жилищного сегмента ЭСП, задачи – в выявлении степени удовлетворённости москвичей своими жилищными условиями, их представлений о способах решения жилищных проблем и отношения к таким способам как аренда и коливинг. Предполагалось, что ограничителями развития этих форм выступают стереотипы в отношении собственного жилья и коллективных форм проживания, а стимулами – интенсификация трудовой мобильности, более ранняя сепарация молодёжи от родительской семьи, изменение способов демонстративного потребления, и что основной целевой аудиторией является молодёжь. Эмпирические данные получены в ходе социологических исследований, проведённых в 2019, 2021, 2024–2025 гг. Выявлено, что, хотя многие москвичи недовольны жильём, цены на него считают чрезмерными, и собственных средств на его покупку у них нет, переориентации на аренду жилья и коливинг пока не происходит. Большинство считает необходимым иметь жильё в собственности, в том числе, полагая это важным условием для создания семьи. Подобные установки обусловлены, с одной стороны, стереотипами восприятия россиянами собственного жилья как гарантии стабильности и надёжного актива, а коливинга – как «коммуналки», с другой – отсутствием цивилизованного рынка арендного жилья, в силу чего аренда видится затратным, но не обеспечивающим комфорта и надёжности способом. В то же время выявлено, что более молодые поколения москвичей в большей степени готовы к решению своих проблем подобными способами.

Ключевые слова: население, Москва, жилищная обеспеченность, аренда жилья, коливинг, экономика совместного потребления

Для цитирования: Александрова О.А., Борковская Е.И. Аренда жилья и коливинг: отношение москвичей к решению жилищных проблем в форматах экономики совместного потребления // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 396–407. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_4_396_407 EDN FCOYJE

RAR (Research Article Report)

JEL R21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_4_396_407

Rental Housing and Co-Living: Muscovites' Attitude towards Solving Housing Problems in the Context of the Sharing Economy

Olga A. Aleksandrova¹, Ekaterina I. Borkovskaya²

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹(a762rab@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>)

²(katrin_borkovskaya@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-2853-2557>)

Abstract

In Moscow the level of housing security is one of the worst in Russia. Based on the experience of developed countries, rental housing, as well as coliving, could be a solution, especially since it fits into the increasingly developing sharing economy (SCE), which has both economic and socio-cultural prerequisites associated with a change in attitudes towards property and possession of goods. The purpose of the study was to assess the prospects (or, in other words, the potential) for the development of the housing segment of sharing economy; the task was to identify the degree of satisfaction of Muscovites with their housing conditions, their ideas about ways to solve housing problems and their attitude to such methods as renting and coliving. It was assumed that the constraints on the development of these forms are stereotypes regarding private housing and collective forms of living, and the incentives are the intensification of labor mobility, earlier separation of young people from their parents, changes in the methods of conspicuous consumption, and that the main target audience is young people. Empirical data were obtained in the course of sociological studies conducted in 2019, 2021, 2024–2025. It was found that, although many Muscovites are dissatisfied with their housing, consider its prices excessive and do not have their own funds to buy it, there is no reorientation to renting housing and coliving. The majority considers it necessary to own housing, including considering it an important condition for starting a family. Such attitudes are due, on the one hand, to stereotypes of Russians perceiving their own housing as a guarantee of stability and a reliable asset, and coliving as a «communal apartment», on the other – the lack of a civilized rental housing

market, due to which renting is seen as an expensive method that does not provide comfort and reliability. At the same time, it was found that younger generations of Muscovites are more ready to solve their problems in such ways.

Keywords: population, Moscow, housing security, rental housing, coliving, sharing economy

For citation: Aleksandrova O.A., Borkovskaya E.I. Rental housing and co-living: Muscovites' attitude towards solving housing problems in the context of the sharing economy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):396–407. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_4_396_407 (In Russ.)

Введение

Жилищная обеспеченность – не только показатель качества жизни населения, но и фактор демографического и экономического развития. Жилищные условия влияют на репродуктивные установки. Возможность найти жильё стимулирует трудовую мобильность, жилищное строительство оказывает мультипликативный эффект, доходные дома могут быть заметным источником местных бюджетов. В то же время, данные говорят о том, что жилищная проблема сохраняет актуальность, в том числе, в крупных городах [1], и чаще всего затрагивает семьи с детьми и молодые семьи [2; 3].

В рамках авторского исследования¹ жилищная проблематика рассматривается в более широком контексте перспектив развития экономики совместного потребления (sharing economy, далее – ЭСП), суть которой – «совместное пользование ресурсом, его обмен или аренда без передачи права его владения» [4, с. 95], а её предпосылки имеют как экономический характер (рационализация расходов), так и социокультурный (ценностные сдвиги в отношении собственности и владения благами и др.). Сразу оговорим: в отличие от других секторов ЭСП вроде каршеринга и т.п., обязанных своим развитием цифровизации [5], аренда жилья и те или иные формы совместного проживания появились не сегодня. Их рассмотрение в контексте ЭСП связано с тем, что на готовность решать жилищные проблемы подобным образом могут влиять связанные с ней факторы – и упомянутые ценностные сдвиги [6], и цифровые платформы, существенно упрощающие взаимный поиск арендодателей и арендаторов жилья, а также компаньонов для совместного найма², и, кроме того, предоставляющие важную для транзакций информацию репутационного характера (отзывы и т.п.) [7; 8].

¹ Речь идёт о серии социологических исследований, реализованных авторами в 2019–2025 гг. и посвящённых перспективам развития ЭСП в российском мегаполисе (на примере Москвы).

² Согласно опросу ВЦИОМ и «Дом.РФ» в 2022 г. порядка 73% участников указали, что количество сервисов, помогающих найти арендное жильё, а также купить/продать недвижимость, значительно выросло. См.: Четверть россиян хотя бы однажды арендовали квартиру на длительный срок // ЦИАН: [сайт]. URL: <https://www.cian.ru/novosti-chetvert-rossijan-hotja-by-odnazhdy-arendovali-kvartiru-na-dlitelnyj-srok-328284/> (дата обращения: 27.05.2025)

При этом перспективы развития ЭСП исследуются на примере Москвы, поскольку технологические и экономические инновации быстрее внедряются в крупных городах. Для тестирования готовности москвичей решать свои проблемы в контексте ЭСП были выбраны три сферы – жильё, транспорт и финансы³. При этом применительно к жилью исследовались перспективы развития аренды жилья и коливинга, поскольку за рубежом именно в мегаполисах развиты эти виды жилья [9; 10]; в столице же имеются, с одной стороны, высокий уровень цифровизации, интенсивная трудовая мобильность и инновационная восприимчивость жителей; а, с другой стороны, острые жилищные проблемы – жильё строится много, но удельные показатели – низкие, и более высокие доходы населения не перекрывают рост стоимости жилья [1]. Так, хотя в 2021 г. Москва лидировала по объёму введённого жилья, на одного жителя приходилось лишь 0,6 кв. м, в результате она заняла 43 место среди 100 российских городов, а по показателю обеспеченности жильём и вовсе оказалась в конце списка⁴. 56,1% квартир, приобретённых в Москве в 2021 г., – однокомнатные и студии⁵, что объясняется дороговизной жилья (с 2013 по 2023 гг. средняя стоимость жилья в столичных новостройках удвоилась с 151,5 до 299,0 тыс. руб. за 1 кв. м) при низких доходах населения. Так, «средним» работникам, проживающим в 28 регионах России, копить на «среднюю» однокомнатную квартиру в Москве

³ Выбор сферы жилья и транспорта связан, с одной стороны, с острой соответствующим проблем в столице, а, с другой, с тем, что в современном мире эти проблемы нередко решаются с помощью форматов, характерных для ЭСП (в сфере жилья – аренда и коливинг, в сфере транспорта – каршеринг). Сфера финансов выбрана, поскольку бремя решения насущных бытовых проблем всё больше перекладывается на население, в связи с чем оно вынуждено искать способы получения дополнительных доходов; соответственно, тестировалось отношение москвичей к краудлендингу, в рамках которого обладатели накоплений с помощью специализированных платформ могут под ссудный процент одалживать деньги бизнесу.

⁴ Рейтинг российских городов по вводу жилья // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20220808/zhile-1807572159.html> (дата обращения: 04.05.2025).

⁵ В Москве обеспеченность жильём одна из худших в России // Москвич МАГ: [сайт]. URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/v-moskve-obespechennost-zhilem-odna-iz-hudshih-v-rossii/> (дата обращения: 04.05.2025).

(38 кв. м) нужно 46–48 лет (в ценах и зарплатах начала 2023 г.); в 26 – 20–30 лет, в 29 – 10–20 лет, и только в 4-х – менее 10 лет [11]. При этом стоимость ипотеки в России одна из самых высоких: так, в 2023 г. в Европе среднегодовая ставка по ипотеке составила 4,7%, в России в 2019 г. средневзвешенные ставки на первичном рынке – 8,88%, на вторичном – 9,04%, в 2024 г. – соответственно, 21,27% и 21,3%⁶.

Таким образом, в той части большого исследования, которая касалась сферы жилья, объектом являлась готовность москвичей к решению жилищных проблем с помощью аренды или коливинга, предметом – определяющие её факторы, целью – оценка перспектив (или, иначе, потенциала) развития этого сегмента ЭСП; в задачи, соответственно, входило выявление степени удовлетворённости москвичей своими жилищными условиями, их представлений о способах решения жилищных проблем и отношения к таким способам как аренда и коливинг. Гипотеза исследования в части, касающейся сферы жилья, звучала следующим образом: несмотря на наличие у жителей столичного мегаполиса жилищных потребностей, которые, в принципе, могут быть удовлетворены в рамках ЭСП, массовой переориентации на такие способы решения пока не происходит, что делает потенциал развития соответствующих сегментов ЭСП в ближайшей перспективе относительно невысоким. При этом среди ограничений важное место занимают факторы социокультурного характера, связанные со стереотипами в отношении собственности и коллективных форм проживания. В то же время, имеется ряд социальных и экономических факторов (интенсификация трудовой мобильности, более ранняя эмансипация молодёжи и её сепарация от родительской семьи и др.) и социокультурных сдвигов (изменения представлений о способах реализации демонстративного потребления и др.), которые могут выступать стимулами развития жилищного сегмента ЭСП. При этом основной целевой аудиторией и двигателем развития в большей степени может выступать молодёжь – как часть населения, более продвинутая в области цифровой компетентности и более подвижная в части ценностных установок.

Данные и методы

В той части более широкого проекта, которая касалась сферы жилья, эмпирическую базу составляют данные, полученные в ходе исследований, реализованных в 2019 г., 2021 г. и 2024–2025 гг.

⁶ Андрианова Д. Метр здесь и там. Как меняется стоимость жилья в России и за рубежом // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7233569> (дата обращения: 04.05.2025).

В 2019 г. с помощью массового опроса (N=240) и фокусированных групповых интервью (N=4) исследовалось отношение к аренде жилья московской молодёжи⁷; в 2021 г. с помощью фокусированных групповых интервью (N=6) выяснялась готовность москвичей разных поколений⁸ решать свои жилищные проблемы с помощью аренды и коливинга. Информация, полученная в ходе этих исследований⁹, учитывалась при проведении осенью 2024 г. массового опроса москвичей в возрасте от 18 до 65 лет (N=300)¹⁰. Завершающий этап исследования (весна 2025 г.) состоял в серии экспертных интервью (по 4 эксперта для каждой изучавшейся сферы); в данном случае экспертами выступали как исследующие жилищную сферу учёные, так и оперирующие на московском рынке жилья практики. Опрос экспертов имел целью, во-первых, валидизацию данных, полученных в ходе массового опроса, и их интерпретацию, а, во-вторых, получение рекомендаций по развитию данного сегмента ЭСП.

Теоретические и методологические положения

Поиск оптимальных способов решения жилищных проблем населения постоянно находится в центре внимания. Исследования посвящены анализу динамики показателей доступности жилья в стране и отдельных регионах, включая Москву [1; 11]; межстрановым сопоставлениям с рефлексией по поводу корректности подобных сравнений (в частности, использования коэффициента доступности жилья безотносительно разницы в стандартах, касающихся площади, числа комнат и т.д.) [9] и попыткам их приведения к

⁷ Респонденты рекрутировались с помощью почтовой рассылки объединению молодых специалистов компании «Ингосстрах», а также раздаточным методом среди студентов Финансового университета при Правительстве РФ (контрольными признаками выступали пол и возраст, разделённый на три возрастных периода: 18–22, 23–25, 26–30 лет); участники фокус-групп – методом снежного кома (пополам девушки и юноши из разных возрастных интервалов).

⁸ Участники фокус-групп рекрутировались методом снежного кома, пополам мужчины и женщины в возрасте 18–24, 24–35, 35–45 и старше 45 лет.

⁹ В частности, в 2024 г. для оценки динамики в анкету были включены вопросы, касающиеся увязывания наличия собственного жилья с возможностью создания семьи, уровня жилищных притязаний, осведомлённости о формате коливинга и др.

¹⁰ Поскольку готовность москвичей к решению своих проблем в форматах ЭСП тестировалась на трёх весьма различающихся сферах, для каждой сферы был организован отдельный опрос – со своим инструментарием и опрашиваемой аудиторией (каждая – по 300 москвичей, репрезентирующих население столицы по полу и возрасту). Среди участников опроса по теме жилья: у 44% имеются дети в возрасте до 18 лет; только 6,3% могут приобрести всё, включая квартиру; 17% – всё, кроме квартиры и дачи; средств 48,7% хватает на приобретение товаров длительного пользования, ещё четверть затрудняются даже с их покупкой.

общему знаменателю [12]. Отдельное внимание уделяется стратификации населения по уровню жилищной обеспеченности [13], определению уязвимых групп домохозяйств, выявлению намерений россиян относительно улучшения жилищных условий и способов их реализации [3; 14]. Наиболее уязвимыми являются семьи с детьми и молодые семьи [2], при этом на фоне роста средних по стране показателей жилищной обеспеченности положение семей с детьми заметно не улучшается (хотя нижняя планка повышается [3]). В силу дороговизны спрос смещается в сторону малогабаритного жилья [15]. Теснота является одним из ключевых признаков прекаризованности условий проживания – наряду с показателем «надёжности жилья», характеризующим риск утраты или вынужденной смены жилья, связанный с проживанием в арендованном или «ипотечном» жилье [16]. Намерения улучшить жилищные условия чаще высказывают семьи с детьми и молодые семьи, при этом упор делается на ипотеку [2]. В то же время, при нынешнем уровне цен на жильё и доходов населения даже заметное снижение ставок по ипотеке не делает её доступной: уже в седьмой децильной группе у семей практически не остаётся средств на другие необходимые расходы, а в шестой – остаточный доход оказывается на уровне 3 тыс. руб. на человека (даже при сохранении максимального соотношения между ипотечным платежом и доходом в 35%) [9]. Семейная ипотека более чем половине домохозяйств также не по силам, а многие из тех, кто смог её получить, тратят на погашение кредита львиную долю своего бюджета¹¹.

Отдельный пласт исследований касается арендного жилья. Общими для них являются: аргументация в пользу его развития, преимущества аренды в доходном доме перед частным сектором [10]; описание целевой аудитории [17]; ссылки на зарубежный опыт, говорящий о масштабах этого сектора и мерах государственной поддержки [9; 10]. Кроме того, отмечаются некоторые подвижки в отношении российского государства к арендному жилью [10; 17]. Но также общим на протяжении десятилетий является и признание отсутствия сколько-нибудь заметного прогресса в этом вопросе. Указывается и на причины: экономические – отсутствие дешёвых длинных кредитов для застройщиков; разница в доходности и сроках окупаемости инвестиций в строительство квартир для продажи и для аренды; затраты

на управление и эксплуатацию арендных домов; конкуренция со стороны апартментов; и социально-психологические – традиция владения квартирами в многоквартирных домах, порождённая бесплатной приватизацией, а также практической безответственностью собственников квартир за содержание и ремонт домов, низкими налогами на недвижимость [10]. В исследованиях, посвящённых коливингу, представлена эволюция форм совместного проживания; раскрываются причины востребованности и суть современного коливинга с акцентом на совмещение места жизни не только с общественными пространствами, но и с местом коллективной работы, формированием сообществ; рассматриваются планировочные решения, ведущие к балансу между общим и личным; анализируются масштабы и ареалы распространения коливингов; проводится типология и определяются целевые аудитории коливингов с учётом жизненного цикла [18; 19; 20],

Результаты и обсуждение

Опрос столичный молодёжи в 2019 г. показал, что в долгосрочной перспективе большинство ориентировано на приобретение собственного жилья. Обуславливалось это, прежде всего, нежеланием при наличии семьи зависеть от арендодателя, направлять свои средства в «чужой карман», а также восприятием собственного жилья как актива. Кроме того, многие, особенно девушки, считали наличие собственного жилья важным условием для создания семьи. При этом удовлетворить, как выяснилось, достаточно скромные жилищные запросы молодёжи без заёмных средств невозможно. В качестве кредитора чуть более половины респондентов называли банк и более трети – родственников или друзей. На момент опроса почти половина молодых москвичей прямо либо косвенно сталкивались с ипотечным кредитованием, в абсолютном большинстве случаев этот опыт был «скорее положительным». Аренда жилья воспринималась молодёжью как промежуточное решение (её основное достоинство связывалось с расширением мобильности) и не исключалась (с целью перемещения ближе к месту работы или в более привлекательный район) при наличии собственного жилья, которое в этом случае сдавалось бы в наём. В целом же, около половины респондентов полагали, что для молодёжи жилищный вопрос является трудноразрешимым.

Обсуждение коливинга в ходе фокусированных групповых интервью с москвичами разных возрастов (2021 г.) показало, что большинству этот термин незнаком, но многие предположения были близки к истине – например, когда акцент делался на общности интересов жильцов и /

¹¹ Когда у российских семей появится альтернатива ипотечному рабству. Н. Б. Косарева о причинах медленного развития арендного жилья // Фонд «Институт экономики города»: [сайт]. URL: <https://urbaneconomics.ru/centr-obschestvennyh-svyazey/news/kogda-u-rossiyskih-semey-poyavitsya-alternativa-ipotechnomu> (дата обращения: 16.05.2025)

или совместном проживании с целью экономии денежных средств: «Совместный съём жилья ... людьми, желающими разделить экономическую выгоду или имеющими общие интересы»¹²; «...это такой вид проживания, похожий на коммуналку, который отличается от неё способом «попадания» – не по распределению, а по общему интересу»; «...соединение по интересам для объединения и сотрудничества». Реже звучали указания лишь на совместное проживание с чужими людьми, из чего делался вывод, что это – «перелицованное» название известного явления («Калькообразное с английского языка название для устаревшего или, может быть, немодного ныне понятия общежития»; «Наверное, это новое название коммунальной квартиры»).

Высказываясь по поводу информации в СМИ о строительстве в Москве первого в России коливинг-небоскрёба, большинство, особенно москвичи более старших возрастов, проявили скепсис. Указывалось на несовместимость такого формата с семьёй («Я не в восторге... Картинки красивые, концепция продуманная, выглядит привлекательно, однако, вписать туда семейный образ жизни я не могу. Соответственно, убираем эту категорию, а ведь все рано или поздно придут к семейной жизни»; «Есть определённый парадокс: только мы, можно сказать, коллективно пришли к выводу о том, что, рано или поздно, покупка недвижимости в нашей стране необходима, и сошлись на том, что триггером обычно выступает семья, а вот сюда семья не очень-то вписывается. Соответственно, это для молодых и свободных... Зачем тогда покупать?»). Респонденты разных возрастов полагали невозможным обеспечить полное сходство взглядов и привычек («Меня смущает следующий момент: ... идея состоит в том, чтобы собрать людей, близких по мировоззрению и духу. Довольно тяжело подобрать совсем однородное окружение... могут различаться взгляды, например, на отдых. Например, я приезжаю на дачу насладиться природой и тишиной, а у моих соседей другой взгляд на отдых: им нужна громкая музыка, шумные компании. Вполне вероятно, что в подобных пространствах могут возникнуть аналогичные несостыковки»; «Первая ассоциация с коммуналкой, колхозом, и прочим не самым добровольным объединением людей, потому что не представляю, где набрать столько близких по духу»; «В момент обсуждения я вспомнила о своих соседях в групповом чате и поняла, что почему-то не хочу с ними общаться. Возможно, у меня могут возникнуть аналогичные чувства по отношению к тем людям, которые будут окружать меня

в этом комплексе»). Говорилось, что это вариант только для молодых, поскольку с возрастом человек меньше нуждается в общении и даже тяготеет к нему («В жизни ... большинства людей возникает такой рубеж, когда хочется больше личного пространства и спокойствия, чего на этой территории никогда не наступит. Соответственно, это не долгосрочный вариант, а подойдет на какой-то молодой и прогрессивный период времени...»; «Играть в долгую с этим форматом не понимаю как можно»; «Многие сейчас стремятся изолироваться, это противоречит данному тренду»). Некоторые молодые участники признавались в том, что над их отношением довлеют воспринятые от родителей стереотипы («Честно говоря, ужаснулся – у меня нездоровые ассоциации с советскими коммуналками. Хотя я понимаю, что всё это гораздо цивилизнее, продуманнее, интереснее, но, наверное, бэкграунд родительских рассказов, и не только, не дают абстрагироваться»; «Я ассоциировала это с клубными домами, которые предлагают дополнительные пространства как опцию и пакетный продукт. Мне нравится эта идея, и я хотела похвалить проект до тех пор, пока не услышала про общую кухню, которая вызвала ассоциации с общежитием и дискомфортом»). Ряд респондентов сомневались в том, что такая недвижимость в перспективе окажется ликвидной («Со временем ты устаешь от чего-то совместного, соответственно, захочется продать. Но я не знаю, будет ли это просто, и это риск»; «Проблемы с продажами могут быть. С маленькими площадями вряд ли. А вот кто купит 100 квадратных метров, я пока не знаю»). Некоторые респонденты видели в подобном «проекте» не более чем хитроумный маркетинговый ход («Неплохой дом, современное жильё. Кто будет так жить? Всё те же обычные люди, что и в других домах. Те, кого отталкивает эта массовость, просто не придут в офис продаж. Существуют уже примеры, когда некоторые из этих «привилегий» – прачечные, коворкинги, кафе – «встроены» в дома. Движуха вокруг этого под соусом коливинга? Вообще, 53 этажа – это без всяких концепций движуха»; «Как не пытаюсь, не могу понять, в чём критическое отличие от обычной квартиры. Я больше вижу в этом маркетинговый ход застройщика: продать меньше метров без кухни под соусом того, что есть общая, и в целом продать квартиры значительно дороже за счёт концепции и под предлогом наличия общих зон»).

Части участников формат, напротив, показался интересным. Плюсы коливинга они видели в совмещении жилья и полезных общественных пространств («...в Москва-сити уже есть подобные площади, где кроме квартир ещё есть ковор-

¹² Здесь и далее курсивом даны высказывания участников фокусированных групповых интервью, а также экспертов

кинги, спортзалы и т.д. В целом, это очень комфортно, люди любят, когда много всего вокруг, поэтому – почему нет?»; в возможностях общения там, где живешь («Классно, напоминает мою общагу, из которой так не хочется съезжать, я бы переехала туда, не люблю одиночество»; «Что-то манящее в этом есть. Для творческих людей – точно»). Отмечался и эффект престижного потребления («Мне кажется, этот проект продастся вполне успешно, благодаря продуманной и оформленной стратегии. Я бы провела параллель с выбором отеля на отдыхе: далеко не каждый плавает в бассейне, ходит в спортзал, посещает СПА и нуждается в обширном меню в ресторане. Однако отель мы выбираем со всеми этими преимуществами – «чтобы было». Так и тут – многие купят, чтобы можно было сказать: «Смотрите, сколько всего у меня есть прямо дома»). Звучали возражения и в отношении несовместимости такого формата с семьёй («Почему все говорят, что формат семьи здесь невозможен? А в чём проблема, если это твоя собственность? Мне, наоборот, кажется, что это привлекательно, когда всё под боком. И за это будут просить много денег»).

В вопросе о целевой аудитории для подобных форм жилья участники были почти единодушны, полагая, что это – молодые люди с прогрессивными взглядами, имеющие творческие и высокотехнологичные профессии («Возможно, найдутся какие-то комьюнити, типа блогерских, которым пойдет такой проект. Учитывая, что интернет-активность продолжает набирать обороты, то и на 53 этаже может набраться людей»; «...Целевая аудитория есть: люди творческих профессий, IT-шники, прочие представители свободных профессий. Люди молодого возраста, заточенные на карьерное развитие»). Однако многих волновала доступность такого жилья для этой аудитории («У меня возникают вопросы успешности данного проекта только потому, что не выглядит крайне доступным по цене, а молодёжь – которая целевой для этого проекта сегмент – не всегда платежеспособна»; «Идея интересная, возможно, перспективная, вопрос цены. Оценила бы её как тренд, хоть и, возможно, мимолетный»; «Найдётся ли достаточно желающих? – найдётся. С массой последующих перепродаж, и не всегда легких, на мой взгляд»).

Примечательно, что несколько участников в процессе обсуждения поменяли своё мнение с негативного на положительное – в одном случае возникло понимание, что места общего пользования (кухня, санузел), на самом деле, являются приватными, в другом – воодушевило наличие удобных пространств для коммуникации с другими людьми («Сначала воспринял негативно, ...

потом возник вопрос: а в чём «коливинговость», если все блага квартиры ты ни с кем не делишь? Если речь идёт о массе активностей за пределами твоей квартиры, в которых ты сам решаешь, участвовать или нет (сегодня сижу дома в одиночестве, а завтра готов вписаться в тусовку), то это вполне привлекательный вариант»; «Вспомнил фильм «Высотка», где показывалась утопия иерархического деления внутри на некие страты... С другой стороны, потенциально это может быть интересно. Пора уже строить жильё с учётом необходимых общественных пространств, которые могут образовывать комфортные взаимосвязи между людьми. Выстрелит ли эта идея в нашем индивидуализированном мире – не знаю. На стадии котлована – не покупал бы, а вот попасть в гости и протестировать комплекс на себе, захотелось»).

Многие участники выразили мнение, что для подобного жилья больше подходит арендная форма, поскольку жизнь в нём видится временным этапом («Вот если бы это было в то время, когда я начинала искать съёмное жильё, наверное, я бы обратила внимание. Это было бы однозначно интересным опытом»; «Для людей, которые работают над развитием своего дела, это очень актуальный вариант. Я бы однозначно попробовал бы арендовать что-то подобное, а вот на покупку бы точно не решился»; «Знакома с зарубежными примерами стартап-вилл или чего-то подобного, где люди заряжены на развитие своего дела, помогают друг другу развиваться, делятся опытом. Масса положительных отзывов. Это напоминает что-то подобное, поэтому этот формат может зайти. Но не навсегда, поэтому актуальнее была бы аренда»; «Вижу в этой идее отличную возможность для коммерческого вложения. Сдать такую квартиру, на мой взгляд, будет легко – желающих опробовать этот стиль найдётся немало»). Важным комментарием представляется следующий: «Мне кажется, всё будет зависеть от того, какие мысли будут у подрастающего поколения. Это и будет тест на выживание этого тренда».

В массовом опросе 2024 г. выявлению готовности москвичей использовать аренду жилья или коливинг предшествовало изучение того, как они оценивают свои жилищные условия, какими им видятся способы и перспективы решения жилищных проблем. Выяснилось, что 84% респондентов проживают в собственном жилье (ещё 14% – в арендованном и 2% – в общежитии); 40% – с супругом и детьми и 21% – только с супругом, ещё 15% живут одни. Отметим, что 16%, будучи взрослыми, проживают с родителями.

Полностью удовлетворена своим жильём только треть респондентов. Почти треть москви-

чей их жильё не устраивает – скорее (21 %) или полностью (9%). Большинство респондентов в их нынешнем жилье, прежде всего, не устраивает метраж (61%); другие претензии – к качеству постройки (31%) или ремонта (37%) и количеству жильцов (25%). Эксперты подтверждают обоснованность нареканий к метражу («По данным Росстата, обеспеченность жителей Москвы жильём в 2023 г. составила 22,15 кв. м общей площади на человека. Это 78-е место среди всех субъектов РФ (в среднем по России – 28,84 кв.м)») и указывают на большую уязвимость вновь прибывших («... люди, приезжающие в столицу, находятся в более неблагоприятных условиях, чем те, кто изначально жил в Москве»).

Среди москвичей, недовольных жильём, переехать в другое в кратко- и среднесрочной перспективе планируют чуть более половины и ещё 13% – на горизонте 5–10 лет; целая четверть респондентов не видит таких возможностей. Значимым фактором является наличие детей до 18 лет: если среди имеющих планируют улучшить свои жилищные условия в той или иной временной перспективе 89%, то среди не имеющих – 59%; а среди планирующих переехать в ближайшей перспективе (от года до 3 лет), соответственно, 49% и 18%.

Уровень притязаний москвичей – вполне умеренный: 28% устроила бы двух-, а 31% – трёхкомнатная квартира и ещё 9% (преимущественно те, у кого нет детей) – «однушка» (собственный дом хотел бы каждый пятый и ещё 3% – таунхаус). Неизменны притязания молодёжи: половину в 2019 и 2024 гг. устроила бы 2-х или 3-комнатная квартира и порядка 15%–16% – однокомнатная (о доме или таунхаусе мечтают порядка четверти).

Важно: по мнению абсолютного большинства москвичей, наличие своего жилья является необходимым условием для создания семьи: 60 % в этом уверены твёрдо и ещё 31% «скорее уверены» (только 3 % убеждены в обратном)¹³. Наблюдается рост доли настроенной подобным образом молодёжи: если в 2019 г. твёрдую уверенность выражали 39% и меньшую степень уверенности – 40%, то в 2024 г. твёрдую уверенность выразили уже 67% и ещё 23% – «скорее уверены»¹⁴. Эксперты связывают установку на приобретение собственного жилья с советским прошлым, когда своя

квартира была маркером успешности («...отсутствие собственного жилья будет показателем того, что человек не состоялся в жизни – снимает жильё вместо того, чтобы иметь своё...», «Да, есть такая установка: «Нет своего жилья – ты «лузер»»); отсутствием, в отличие от жителей западных стран, привычки к частым перемещениям («У нас просто другая система мировосприятия: не очень понятно, как можно создавать семью и жить в съёмном жилье»); стремлением при создании семьи и рождении детей к стабильности и рационализации расходов («...владение жильём – это маркер некоторой стабильности. Возможно, семья тоже ассоциируется с каким-то принятием решений и стабильностью. А в связи с детьми – ещё и с обязательствами. И поскольку дети – это дорого, это тоже может быть причиной»).

При этом всего 17% участников опроса способны приобрести жильё без обращения к заёмным средствам. В основном это – москвичи с относительно высокими доходами (хотя и среди них таковых только 28%), а наибольшую долю составила молодёжь, скорее всего, рассчитывающая на финансовую помощь родителей. За недостающими средствами половина опрошенных предпочитает обращаться в банк, причём респонденты в возрасте от 25 до 44 лет – значимо чаще, чем москвичи в более старшем возрасте, что, вероятно, связано с тем, что последним банки гораздо чаще отказывают в ипотеке, а страхование жизни оказывается для них очень дорогим. Далее с существенным отрывом (16%) идёт вариант обращения за займом к родственникам или друзьям (эксперты связывают угасание института неформального кредитования весьма ограниченной, на уровне 1–2%, долей населения, имеющей достаточные накопления, а также тем, что «предыдущие жёсткие годы научили многих людей осторожно давать деньги друзьям или родственникам»). Что касается сумм, за которыми готовы (были бы готовы) обратиться респонденты, то четверть опрошенных указала на 5 млн руб., около одной пятой – на 3–5 млн руб. и столько же – на 2–3 млн руб.¹⁵ Довольно заметная часть москвичей (42%) не готовы брать кредит для приобретения жилья: у одних (39%) отсутствует доход, позволяющий брать в долг большие суммы; другие (32%) не считают целесообразным привлекать кредит на нынешних условиях либо принципиально не живут в долг (22%); ещё 5% полагают, что банк не даст им кредит.

Подавляющее большинство москвичей оценивают стоимость жилья как слишком высокую (70% – «очень дорого» и ещё 23% – «дорого»;

¹³ Установка большинства россиян на собственное жильё прослеживается и в других опросах. См., например: Королева М. Выяснено, сколько россиян собираются всю жизнь жить на съёмных квартирах // БАНКИ.РУ: [сайт]. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11007835> (дата обращения: 26.06.2025).

¹⁴ Такая тенденция, возможно, связана с резким ростом числа приобретших жильё в рамках льготных программ, в силу чего покупка жилья стала казаться более реальной, несмотря на чрезвычайный рост цен.

¹⁵ С учётом стоимости квадратного метра в Москве даже сумма в 5 млн руб. и более в лучшем случае составит половину от стоимости квартиры, притом, что требовалось вносить не менее чем 20%-й первоначальный взнос.

лишь 7% – «приемлемая») и, отвечая на открытый вопрос, объясняют это: а) привлекательностью столичного рынка труда для жителей других регионов страны и трудовых мигрантов и в целом престижем проживания в главном городе страны; б) высокой стоимостью земли, связанной со спросом на площадки под застройку в столице, г) дороговизной рабочей силы, обусловленной в целом высоким уровнем жизни в Москве; д) жадностью застройщиков, чиновников, риелторов, а также коррупцией; е) инфляцией (ростом цен на стройматериалы), ростом ключевой ставки, курса доллара. Эксперты согласны с москвичами, но полагают, что в силу исторических причин (формирование России как сверх-централизованного государства) и уже постсоветских реалий (отсутствие эффективной политики регионального развития), ситуация с ценами на жильё в столице останется неизменной: *«У нас исторически сложилось так, что Москва – центр. В Германии, например, в каждой федеральной земле есть свой центр. И немцы счастливы, что у них в каждой земле есть свой «Берлин». В США среднестатистический американец 11 раз меняет место жительства. У нас считается, что Москва – это центр притяжения. Это очень неправильная ситуация, но, к сожалению, это так».*

С учётом столь высокой, в представлениях опрошенных, стоимости жилой недвижимости, высоких ставок по ипотеке, сокращения льготных ипотечных программ, их «заморозки» и т.д., резонными видятся альтернативные стратегии, одной из которых является долгосрочная аренда жилья. Тем не менее, подобной переориентации пока не происходит, во всяком случае – в серьёзных масштабах. Так, хотя среди опрошенных москвичей доля готовых рассмотреть стратегию долгосрочной аренды составляет 40%, твёрдо об этом заявили только 14% (ещё 26% выбрали ответ «скорее, да»). Тем не менее, некоторые эксперты видят определённые сдвиги в установках москвичей (*«Я бы трактовал ваши данные ровно так, как здесь написано: 40 и 60. Мы в данном случае сделали шаг по приближению к мировым показателям в крупных городах. Там соотношение где-то 30 на 70 в пользу тех, кто снимает»*), что позволяет им сделать вывод о том, что, «если власти озаботятся, в том числе, финансово, развитием арендного жилья (включая, его строительство), то и желающих арендовать жильё будет больше», тем более, что аренда жилья позволяет решать не только жилищные, но и финансовые вопросы: *«...думаю, что люди, согласные на аренду в долгосроке, могут подразумевать, что они владеют своим жильём, но его тоже сдают. Это хорошая схема, решающая разные проблемы. Покупка своей квартиры –*

это вопрос накопления собственного капитала, имущества. А вопрос где жить – это жилищный вопрос». Сюда можно добавить соображения других специалистов¹⁶, связывающих использование аренды с покупкой собственного жилья – когда жильё приобретается на стадии котлована или без отделки. Что касается самостоятельной ценности аренды жилья, то опрошенные эксперты указывали на стимулирующее мобильность упрощение адаптационного периода при переезде из других регионов, а также на отсутствие необходимости обладания средствами для первоначального взноса и т.п.

Москвичи также видят основные плюсы долгосрочной аренды жилья в отсутствии необходимости в большом первоначальном взносе (30%) и поощрении мобильности: аренда позволяет не быть привязанными к одному району (22%), легко менять жильё при изменении обстоятельств (21%), в том числе места работы (20%), относительно легко увеличить жильё или поменять его на более комфортабельное (14%). На представления об аренде явное влияние оказывает возраст. Если вариант «не вижу никаких преимуществ» выбрали всего 9% респондентов в возрасте от 18 до 34 лет, то в возрастных категориях 35–54 и 55–65 лет, соответственно, 26% и 32%. Молодёжь чаще отмечала более простую возможность поменять жильё на большее или более комфортабельное: 25% против 9% и 8% соответственно.

Что же касается представлений москвичей о недостатках долгосрочной аренды жилья, то 33% её не приемлют принципиально (выбрали вариант «считаю необходимым иметь собственное жильё»), остальные чаще всего (37%) указывали на необходимость регулярно направлять деньги «в чужой карман». По мнению экспертов, *«...арендная плата часто ассоциируется с чем-то несправедливым – наверное, из-за того, что есть альтернатива в виде относительно доступной (в разное время – по-разному) ипотеки, которая воспринимается некоторой инвестицией, а не растратой».* Среди других недостатков – колебание цен, вынуждающее при их резком подъёме менять жильё на менее комфортабельное (25%). Эксперты объясняют это неограниченным влиянием «рыночной стихии»: *«...за последние полтора года резко выросли цены на аренду.... Это – от недостатка регулирования. Всё отдаётся на откуп рыночным силам, а поскольку эластичность низкая, то, если предложение крайне низкое, это приводит к тому, что цены на жильё очень резко растут. На жильё в качестве инвес-*

¹⁶ Рынок аренды в 2024 году: аналитика и мнения экспертов // Яндекс недвижимость: [сайт]. URL: <https://realty.yandex.ru/journal/post/tendencii-na-rynke-arendy-v-2024-godu-analitika-i-mneniya-ekspertov/> (дата обращения 20.12.2024).

тиционного товара (актива) они повышаются и практически не понижаются, и на аренду жилья могут повышаться. Это два разных рынка, и за рубежом уже давным-давно придуманы модели, объясняющие взаимодействие этих двух рынков». Ещё один недостаток – отсутствие возможности обустройства жилья «под себя» (22%). Эксперты же говорят о нерациональности вложений в арендуемое жильё, притом, что его состояние оставляет желать лучшего: «Ещё из арендных проблем я бы выделила состояние квартир, которые есть на рынке. Из-за того, что рынок аренды – это рынок арендодателя, а не арендатора (спрос большой, предложение всегда меньше, чем этот спрос), арендодатели не видят необходимости приводить жильё в хорошее состояние и сдают как есть. А арендатору довольно грустно инвестировать или что-то покупать в чужую квартиру» (с последним согласны 8% респондентов, выбравших вариант ответа «при отсутствии желаемой бытовой техники (например, посудомоечной машины) нет смысла в неё вкладываться»). Пугающая, 18% респондентов, потенциальная возможность внезапного расторжения договора арендодателем, по мнению экспертов, действительно, является серьёзным риском: «Во многих странах Запада (особенно в крупных городах) доля частного жилья значительно ниже, чем у нас, а развита именно аренда жилья (коммерческая и социальная). Но у нас до сих пор нет цивилизованной – гарантирующей права арендаторов – аренды. Притом, что есть даже Международный Союз квартиросъёмщиков (со штаб квартирой в Стокгольме), а также множество национальных, занимающихся защитой экономических и социальных прав арендаторов жилья»¹⁷. К другим недостаткам аренды жилья москвичи отнесли возможный отказ семьям с детьми, запрет на домашних животных, необходимость в частых переездах.

При этом стоимость аренды жилья видится москвичам завышенной (хотя и в несколько меньшей степени, нежели жилой недвижимости): почти половина сочли её «очень дорогой» и ещё 41% «дорогой» (приемлемой считает десятая часть респондентов). Такого же мнения придерживаются и эксперты: «...в соотношении со средней зарплатой стоимость аренды будет давать совершенно неадекватную пропорцию. Ещё в 2022 году, когда я делала грубый расчёт, получалось, что цена аренды среднестатистической и даже ниже

«однушки» составляет 63% от средней зарплаты специалиста в возрасте до 30 лет...».

Теперь обратимся к варианту коливинга. Несмотря на время, прошедшее с фокусированных групповых интервью, на которых затрагивалась тема коливинга, этот формат остаётся практически неизвестным москвичам: хорошо знают – 8%, «что-то слышали» – 25%. При этом, вопреки ожиданиям, чуть более осведомлёнными (в основном, за счёт «что-то слышавших») оказались респонденты с более высокими доходами.

После ознакомления с сутью коливинга участники опроса высказались о его достоинствах и недостатках. Более четверти москвичей не видят в нём никаких плюсов, и чем старше респонденты, тем больше среди них с ходу отвергающих этот формат (31% и 35% в возрасте, соответственно, 35–54 и 55–65 лет против 14% в возрасте 18–34 лет). Это же отметил эксперт-менеджер одного из столичных коливингов: «...в рамках нашего бизнеса мы работаем не только с жильцами, но и с собственниками, потому что модель работает так: мы снимаем квартиру, ремонтируем и сдаём по комнатам. Собственники квартир – взрослые обеспеченные люди, часто с советским прошлым. И у них в голове есть стереотип, что коммуналка или общага несёт в себе негативный контекст. То есть, у них это ассоциируется с тем, что люди будут небрежно относиться к квартире, воспринимать её как что-то на короткий срок и т.д. Поэтому нам часто приходится объяснять, что сейчас это совершенно не то, с чем они проводят параллель». Среди преимуществ коливинга называлась большая экономичность по сравнению с покупкой жилья (33%); отсутствие необходимости вкладываться в ремонт (18%); сочетание уединённости и общения (18%); наличие того (спортзал, кинотеатр), до чего из обычного дома нужно добираться (14%); централизованно организованные услуги вроде уборки и ремонта оборудования (12%). Возможность жить с представителями профессионального сообщества / единомышленниками (21%), по мнению экспертов, представляет большую ценность для молодёжи, так как «открывает дополнительные возможности для формирования социального капитала».

К недостаткам коливинга 53% респондентов отнесли наличие общих кухонь и санузлов (если таковые будут); необходимость всё время быть на людях, пусть даже только в местах общего пользования (40%), сюда же можно добавить 21% тех, кто «не так представляет себе «свою крепость» и «место уединения, в котором видишь только тех, кого хочешь»; 34% не уверены, что коливинг действительно будет местом проживания единомыш-

¹⁷ На такой сдерживающий фактор как практически отсутствие в России цивилизованного рынка аренды жилья указывают и представители Государственной Думы. См., например: Кирьянов А. Временное жильё становится для россиян постоянным // Октагон. Медиа: [сайт]. URL: https://octagon.media/ekonomika/vremennoe_zhile_stanovitsya_dlya_rossiyan_postoyannym.html (дата обращения: 26.06.2025).

ленников, поскольку возможна постоянная смена соседей; порядка 13%–14% опасаются запрета на детей и домашних животных. Прямо указали на ассоциацию с «коммунальным» советским прошлым 14%. Эксперт, занимающийся организацией коlivingов, опроверг опасения в отношении чистоты мест общего пользования («... у нас для этого есть еженедельные уборки, которые мы сами организуем для наших резидентов») и возможности уединения: «...будет ошибкой считать, что коlivingи – только для экстравертов. Коliving не обязывает тебя поддерживать отношения: ты можешь как общаться и пить чай на кухне, так и просто приходить и говорить «Привет» – тебя никто не трогает, не нарушает твои личные границы». Тем не менее, сегодня абсолютное большинство москвичей не готовы использовать коliving (арендовать или купить жильё в соответствующем комплексе) как способ решения жилищного вопроса: 38% выбрали вариант «ни в коем случае» (напротив, твёрдую готовность выразили только 7%) и ещё 37% «скорее, не готовы»¹⁸. Несогласие в категоричной форме чаще выражали респонденты в возрасте старше 45 лет, а готовность (в той или иной степени) – мужчины в возрасте 18–34 лет.

Заключение

Таким образом, как и предполагалось, хотя значительная часть москвичей недовольна своим жильём (прежде всего, его метражом и связанной с ним стеснённой) и хотела бы улучшить свои жилищные условия, считает цены на жильё чрезмерными и не имеет собственных средств для его

приобретения, переориентации на долгосрочную аренду жилых помещений и коliving в существенных масштабах пока не происходит. Причины этого имеют как субъективный характер – уставшие от «коммуналок» и многолетнего ожидания в очереди на получение жилья, россияне старших поколений были рады получить свои квартиры в собственность в ходе приватизации и, воспринимая её, в том числе, как гарантию стабильности и актив, передали такое отношение и установки следующим поколениям. Так и объективный – несмотря на все декларации и принятые на федеральном и местном (в данном случае – московском) уровнях нормативные акты и программы, в России по-прежнему отсутствует цивилизованный рынок арендного жилья, в силу чего аренда видится москвичам весьма затратным, но при этом не обеспечивающим комфорта и несущим риски способом. Совокупность указанных причин снижает перспективы (потенциал) развития жилищного сегмента ЭСП. В то же время, также в соответствии с выдвинутой гипотезой, выявлено, что более молодые поколения москвичей в большей степени готовы к решению своих проблем в форматах ЭСП, особенно, если будут учитываться потребности целевых аудиторий в локациях и типах арендного жилья и коlivingов. Дело – за государством: как показывает анализ зарубежного опыта, все «колёса», двигающие развитие цивилизованного сегмента арендного жилья, давно «изобретены», вопрос – в способности поставить жизненно важные потребности миллионов обычных граждан выше эгоистических интересов застройщиков и банков.

Список источников

1. Ноздрина Н.Н., Шнейдерман И.М. Качество жизни и жилищные условия населения в крупнейших агломерациях и городах-миллионниках России // Народонаселение. 2022. Том 25. № 1. С. 4–17. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.1> EDN ZVCXTI
2. Гузанова А.К. Жилищная обеспеченность домохозяйств с детьми в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 43–58. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_3_43_58 EDN NOGOXV
3. Качество жилищных условий домохозяйств с детьми: двадцатилетняя ретроспектива / Е.В. Одинцова, Т.В. Чашина, М.Б. Козлова, Д.М. Мочалов // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 543–554. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_5_543_554 EDN GTAASK
4. Puschmann T., Alt R. Sharing Economy // Business and Information Systems Engineering. 2016. Vol. 58. Issue1. P. 93–99. <https://doi.org/10.1007/s12599-015-0420-2>
5. Wang X. Research on Information Sharing Platform of Supply Chain under Regional Economies Environment // 3rd International Conference on Information Management, Innovation Management and Industrial Engineering Conference Proceedings, 2010; Kunming, China. P. 366–369P. <https://doi.org/10.1109/ICIII.2010.408>
6. Napiórkowska-Baryła A., Świdryńska N., Witkowska-Dąbrowska M. Owning versus Renting a Home – Prospects for Generation Z // Sustainability. 2024. Vol. 11. No. 16. Art. 4715. <https://doi.org/10.3390/su16114715>

¹⁸ Социологических исследований, посвящённых отношению россиян к коlivingу, практически нет, но в редких и нерепрезентативных опросах можно обнаружить схожие тенденции как в части уровня готовности использовать коlivingи, так и в части представлений о плюсах и минусах этого типа жилья. См., например: Назад в СССР? Первое медиа о коlivingах сделало большой опрос о совместной аренде // VC.RU: [сайт]. URL: <https://vc.ru/tribuna/1381496-nazad-v-sssr-pervoe-media-o-kolivingah-sdelalo-bolshoi-opros-o-sovmestnoi-arende> (дата обращения: 26.06.2025).

7. Botsman R. Who Can You Trust?: How Technology Brought Us Together – and Why It Could Drive Us Apart. UK: Public Affairs, 2017. 336 p. ISBN 10-1541773675
8. Trust in the Sharing Economy: An Experimental Framework / F. Hawlitschek, T. Teubner, M.T.P. Adam, N.S. Borchers, M. Möhlmann, C. Weinhardt // Thirty-Seventh International Conference on Information Systems Conference Proceedings, 11–14 December 2016, Dublin, UK.
9. Косарева Н. Б., Полиди Т. Д. Доступность жилья в России и за рубежом // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 29–51. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-29-51> EDN ERYJSQ
10. Ноздрин Н.Н., Шнейдерман И.М. Современные проблемы развития арендного жилья // Народонаселение. 2016. № 4(74). С. 94–103. EDN XRZXNN
11. Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д., Ванькина И.Н. Доступность собственного жилья в Москве для жителей регионов России // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы», 27 ноября 2023, Москва, Россия. М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. С. 250–256. EDN DWOWWC
12. Овсянникова Т. Ю., Рабцевич О. В., Югова И. В. Компаративные межстрановые исследования жилищной сферы // Жилищные стратегии. 2021. Том 8. № 4. С. 317–342. <https://doi.org/10.18334/zhs.8.4.113978> EDN VGKWXR
13. Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. Социальная структура российского общества по уровню жилищной обеспеченности: критериальная и количественная идентификация, ориентиры для государственной политики // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Том 14. № 2. С. 8–23. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-1001> EDN XWEPSP
14. Гузанова А.К., Шнейдерман И.М. Жилищная проблема с точки зрения семейных ценностей и предпочтений // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Том 14. № 1. С. 66–76. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10008> EDN XPNBMD
15. Елисеева И.И., Боченина М.В. Спрос на рынке жилья и потребности россиян: эконометрический подход // Экономическое возрождение России. 2022. № 4(74). С. 41–56. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-4-74-41-56> EDN YQDDWY
16. Одинцова Е.В. Прекаризованность условий проживания населения: подходы к измерению и количественные оценки // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 184–196. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_1_184_196 EDN EFGOQY
17. Гареев И.Ф., Нафикова Л.Р., Ланцова Т.Е. Создание организованного рынка арендного жилья: выбор места застройки и определение целевой аудитории // Российское предпринимательство. 2017. Том 18. № 23. С. 3925–3938. <https://doi.org/10.18334/rp.18.23.38855> EDN YQYRNJ
18. Долинская И.М., Яковенко Е.М. Коливинг: исторический обзор // Universum: технические науки. 2021. № 8–1. С. 62–64. <https://doi.org/10.32743/UniTech.2021.89.8.12214> EDN CTDPHY
19. Балакина А.Е., Павлюк А.С. Коливинг – трансформации инфраструктуры // Проект Байкал. 2021. Том 18. №. 70. С. 156–161. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1907> EDN WANNUY
20. Широкова О.Л., Павлюк А.С. Влияние социально-культурных потребностей человека на архитектуру и планировочные решения коливингов // Строительство и архитектура. 2023. Том 11. № 2(39). С. 14–22. <https://doi.org/10.29039/2308-0191-2023-11-2-2-2> EDN KRKRZH

Информация об авторах:

Ольга Аркадьевна Александрова – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (SPIN-код: 4419-6003) (РИНЦ Author ID: 257224) (ResearcherID: B-1306-2017)

Екатерина Игоревна Борковская – аспирант, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (SPIN-код: 2484-1850) (РИНЦ Author ID: 1197428)

Заявленный вклад авторов:

О.А. Александрова – концепция и дизайн исследования, подготовка текста.

Е.И. Борковская – концепция и дизайн исследования, сбор и обработка данных, подготовка текста.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Ольга Аркадьевна Александрова.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025; одобрена после рецензирования 13.08.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Nozdrina N.N., Schneiderman I.M. Quality of Life and Housing Conditions of the Population in the Largest Agglomerations and Million-plus Cities of Russia. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(1):4-17. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.1> (In Russ.)
2. Guzanova A.K. Housing Provision for Households with Children in Modern Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(1):43–58. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_3_43_58 (In Russ.)
3. Odintsova E.V., Chashchina T.V., Kozlova M.B., Mochalov D.A. The Quality of Housing Conditions for Households with Children: a Twenty-Year Retrospective. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):543–554. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_5_543_554 (In Russ.)

4. Puschmann T., Alt R. Sharing Economy. *Business and Information Systems Engineering*. 2016;58(1):93–99. <https://doi.org/10.1007/s12599-015-0420-2>
5. Wang X. Research on Information Sharing Platform of Supply Chain Under Regional Economies Environment. 3rd International Conference on Information Management, Innovation Management and Industrial Engineering Conference Proceedings; 2010; Kunming, China. 2010:366–369. <https://doi.org/10.1109/ICIMI.2010.408>
6. Napiórkowska-Baryła A., Świdryńska N., Witkowska-Dąbrowska M. Owning versus Renting a Home - Prospects for Generation Z. *Sustainability*. 2024;11(16):4715. <https://doi.org/10.3390/su16114715>
7. Botsman R. Who Can You Trust? How Technology Brought Us Together - and Why It Could Drive Us Apart. UK: Public Affairs; 2017. 336 p. ISBN 10-1541773675
8. Hawlitschek F., Teubner T., Adam M.T.P., et al. Trust in the Sharing Economy: An Experimental Framework In: Thirty-Seventh International Conference on Information Systems Conference Proceedings; December 11–14, 2016; Dublin, UK. 2016:37.
9. Kosareva N.B., Polidi T.D. Housing Affordability in Russia and Foreign Countries. *Voprosy ekonomiki= Economic Issues*. 2019;(7):29–51. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-29-51> (In Russ.)
10. Nozdrina N.N., Schneiderman I.M. Modern Problems of Rental Housing Development. *Narodonaselenie=Population*. 2016;(4):94–103. (In Russ.)
11. Simagin Yu.A., Murtuzaliev D.D., Van'kina I.N. Dostupnost' Sobstvennogo Zhil'ya v Moskve dlya Zhitelej Regionov Rossii. IX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Dohody, raskhody i sberezheniya naseleniya Rossii: tendencii i perspektivy» Conference Proceedings; November 27, 2023; Moscow, Russia. Moscow: ISESP FCTAS RAS. 2024:250–256. (In Russ.)
12. Ovsyannikova T.Yu., Rabtsevich O.V., Yugova I.V. Comparative Cross-Country Studies of the Housing Sector. *Zhilishchnye strategii=Housing Strategies*. 2021;8(4):317–342. <https://doi.org/10.18334/zhs.8.4.113978> (In Russ.)
13. Bobkov V.N., Kolmakov I.B., Odintsova E.V. Social Structure of Russian Society in Terms of Housing Security: Criterion and Quantitative Identification, the Guidelines for State Policy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018;14(2):8–23. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10011> (In Russ.)
14. Guzanova A.K., Shneiderman I.M. Housing Problem from the Point of View of Family Values and Preferences. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018;14(1):66–76. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10008> (In Russ.)
15. Eliseeva I. I., Bochenina M. V. Demand in the Housing Market and the Needs of Russian People: an Econometric Approach. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii=Economic Revival of Russia*. 2022;(4(74)):41–56. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-4-74-41-56> (In Russ.)
16. Odintsova E.V. Precariousness of Living Conditions of the Population: Measurement Approaches and Quantitative Estimates. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):184–196. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_1_184_196 (In Russ.)
17. Gareev I.I., Nafikova L.R., Lantsova T.E. Creation of the Organized Rental Housing Market: Selection of the Building Site and Identification of the Target Audience. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo=Russian Journal of Entrepreneurship*. 2017;18(23):3925–3938. <https://doi.org/10.18334/rp.18.23.38855> (In Russ.)
18. Dolinskaia I., Yakovenko E. Co-Living: Historical Overview. *Universum: tekhnicheskie nauki=Universum: Technical Sciences*. 2021;(8-1):62–64. <https://doi.org/10.32743/UniTech.2021.89.8.12214> (In Russ.)
19. Balakina A., Pavlyuk A. Coliving: Infrastructure Transformations. *Proekt Bajkal=Project Bajkal*. 2021;18(70):156–161. <https://doi.org/10.51461/projectbaik.70.1907> (In Russ.)
20. Shirokova O.L., Pavlyuk A.S. The Influence of Human Socio-Cultural Needs on the Architecture and Planning Decisions of Colivings. *Stroitel'stvo i arhitektura=Construction and Architecture*. 2023;11(2(39)):14–22. <https://doi.org/10.29039/2308-0191-2023-11-2-2-2> (In Russ.)

Information about the authors:

Olga A. Aleksandrova – Doctor of Economics, Chief Researcher, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (SPIN-code: 4419-6003) (RSCI Author ID: 257224) (ResearcherID: B-1306-2017) (Scopus Author ID: 22733740600)

Ekaterina I. Borkovskaya – Postgraduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation (SPIN-code: 2484-1850) (RSCI Author ID: 1197428)

Authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Olga A. Aleksandrova.

The article was submitted 23.07.2025; approved after reviewing 13.08.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 331.556

JEL J61, J62, O15

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_5_408_420

EDN IONMTA

Региональный опыт формирования адаптационных центров как условие регулирования внешней трудовой миграции

Виктория Юрьевна Леденева¹, Нина Геннадьевна Вишневецкая²

¹ Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (vy.ledeneva@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9478-2917>)

² Альметьевский государственный технологический университет «Высшая школа нефти», Альметьевск, Россия (vng36@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4162-6339>)

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию механизмов социально-культурной адаптации мигрантов в Республике Башкортостан. В условиях роста числа мигрантов особую значимость и актуальность приобретают вопросы различий в культурных и социальных практиках между местным населением и мигрантами. Предметом исследования выступают социальные и культурные аспекты адаптации мигрантов, а также институциональные формы и механизмы содействия адаптации мигрантов. Цель исследования – изучить возможность создания региональных адаптационных центров для мигрантов как одного из ключевых инструментов реализации миграционной политики. Государственная политика направлена на расширение подобных центров как платформы комплексной поддержки иностранцам. Научная новизна работы состоит в систематизации имеющегося опыта Республики Башкортостан в данной сфере и выработке рекомендаций, соответствующих региональным нормативно-правовым актам. Методы исследования включают анализ данных, собранных в ходе стратегической сессии с участием экспертов, синтез теоретических и практических наработок, а также применение статистических методов для оценки миграционных тенденций. Результаты исследования демонстрируют необходимость комплексного подхода к адаптации мигрантов, учитывающего интересы всех заинтересованных сторон. В частности, обосновывается создание Регионального центра содействия социально-культурной адаптации мигрантов. Выводы подчёркивают важность разработки долгосрочной стратегии, включающей образовательные программы, инициативы по трудовой и социокультурной адаптации. Особое внимание уделяется необходимости партнёрства между различными институтами для обеспечения эффективного обмена информацией и ресурсами. Практико-ориентированные решения, предложенные авторами, могут быть применены и в других субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: социально-культурная адаптация, региональный адаптационный центр, трудовая миграция, адаптационный курс, миграционная политика, Республика Башкортостан, Федеральное агентство по делам национальностей

Для цитирования: Леденева В.Ю., Вишневецкая Н.Г. Региональный опыт формирования адаптационных центров как условие регулирования внешней трудовой миграции // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 408–420. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_5_408_420 EDN IONMTA

RAR (Research Article Report)

JEL J61, J62, O15

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_5_408_420

Regional Experience in the Formation of Adaptation Centers as a Condition for Regulating External Labor Migration

Victoria Yu. Ledeneva¹, Nina G. Vishnevskaya²

¹ Institute for Demographic Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (vy.ledeneva@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9478-2917>)

² Almet'yevsk State Technological University «Petroleum High School», Almet'yevsk, Russia (vng36@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4162-6339>)

Abstract

The article is devoted to a comprehensive study of the mechanisms of socio-cultural adaptation of migrants in the Republic of Bashkortostan. In the context of growing migration flows to the region, the integration of foreigners is of particular importance. The subject of this research is the social and cultural aspects of migrants' adaptation, including language barriers, differences in traditions and norms of behavior. The purpose of the study is to analyze the possibility of creating regional adaptation centers for migrants as a key tool for implementing migration policy. In recent years, the state policy has been aimed at expanding such centers as a platform for comprehensive support for foreigners. The relevance of the topic is due to the increase in the number of migrants to the Republic of Bashkortostan, differences in cultural and social practices between the local population and migrants. The scientific novelty of the work lies in the systematization of the existing experience of the Republic of Bashkortostan in this area and the development of recommendations corresponding to regional legal acts. The research methods include the analysis of data collected during the strategic session with the participation of experts, the synthesis of theoretical and practical developments, as well as the use of statistical methods to assess migration trends. The results of the study demonstrate the need for a comprehensive approach to the adaptation of migrants, taking into account the interests of all stakeholders. In particular, it is proposed to create a Regional center for assistance to the Socio-cultural adaptation of migrants. The findings underscore the importance of developing a long-term strategy that includes education programmes, labour adaptation initiatives and measures to strengthen intercultural dialogue. Particular attention is paid to the need for partnerships between different institutions to ensure an effective exchange of information and resources. Practice-oriented solutions proposed by the authors can be applied in other regions of the Russian Federation.

Keywords: socio-cultural adaptation, regional adaptation center, labor migration, adaptation course, migration policy, Republic of Bashkortostan, Federal Agency for Nationalities Affairs

For citation: Ledeneva V.Yu., Vishnevskaya N.G. Regional Experience in the Formation of Adaptation Centers as a Condition for Regulating External Labor Migration. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):408–420. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_5_408_420 (In Russ.)

Введение

В современной России миграционные процессы являются неотъемлемой частью социально-экономического развития, оказывая трансформирующее влияние на ключевые параметры – от демографических тенденций и экономической активности до национальной безопасности и устойчивого развития, тем самым ставя перед государством задачу разработки комплексных интеграционных стратегий в целях восполнения дефицита рабочей силы и демографической компенсации, а также сбалансированного подхода к привлечению как временных, так и постоянных мигрантов.

В 2024 г. миграционный прирост в России достиг максимума с 1995 г. и составил 568,5 тыс. чел.¹ Временные трудовые мигранты, не обладающие статусом РВП или ВНЖ, по окончании трудовых контрактов формально обязаны выехать из страны, однако значительная их часть стремится остаться в России любыми способами. Количество мигрантов ежегодно увеличивается, что вызывает недовольство среди местного населения. Государственные органы не могут игнорировать проблемы, вызванные высоким уровнем миграции, поэтому эффективное регулирование миграционных потоков и обеспечение успешной адаптации и интеграции мигрантов является одной из основных задач государства для уменьшения риска межнациональных конфликтов и снижения уровня негативных настроений в обществе.

Объектом исследования выступают процессы социально-культурной адаптации трудовых мигрантов. Предмет исследования – социальные и культурные аспекты адаптации мигрантов, а также институциональные формы и механизмы содействия адаптации мигрантов. В частности, исследуется опыт Республики Башкортостан как региона, отличающегося устойчивыми миграционными потоками и высоким уровнем этнокультурного многообразия. В 2024 году в Башкирии на миграционный учёт поставили 160729 иностранцев без гражданства, что на 18891 человека (на 13,32%) больше, чем в 2023 году².

¹ Росстат отчитался о номинальном миграционном рекорде с 1995 года // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67c847189a79473e13f2971b> (дата обращения: 23.03.2025).

² Названа страна, из которой больше всего в Башкирию прибывает мигрантов // Новости: [сайт]. URL: <https://news.mail.ru/society/66099678> (дата обращения: 11.07.2025).

Цель исследования – изучить возможность создания региональных адаптационных центров для мигрантов как одного из ключевых инструментов реализации миграционной политики. Основные задачи включают оценку опыта реализации адаптационных инициатив в Республике Башкортостан; выявление ключевых проблем адаптации мигрантов; обоснование роли межведомственного взаимодействия и участия гражданского общества в решении этих задач; разработку предложений по развитию модели регионального адаптационного центра.

Гипотеза исследования предполагает, что региональные адаптационные центры, функционирующие на основе межведомственного взаимодействия и партнёрства с гражданским обществом, способны повысить эффективность адаптации мигрантов и снизить риски социальной напряжённости.

Категории «эффективность адаптации мигрантов» и «риски социальной напряжённости» рассматриваются нами как аналитические, а не количественно измеряемые показатели. Под «эффективностью адаптации» понимается уровень институциональной, правовой и социокультурной включённости мигрантов в принимающее общество, обеспечиваемый за счёт функционирования региональных механизмов. Под «рисками социальной напряжённости» мы понимаем совокупность потенциальных последствий недостаточной адаптации мигрантов (рост ксенофобских настроений, формирование негативных стереотипов, создание этнических барьеров). Создание региональных адаптационных центров является новым направлением в миграционной политике России, и на данном этапе мы можем лишь предположить, что при надлежащем институциональном оформлении и межведомственном взаимодействии такие центры окажут положительное влияние на адаптацию внешних мигрантов.

Формирование адаптационных центров рассматривается нами, как элемент «мягкого регулирования миграции», т.е. как создание институциональных условий, способствующих легальной занятости. Центры не дублируют миграционные органы, а дополняют систему управления миграцией.

За последние годы значительно расширилась теоретическая и эмпирическая база исследова-

ний в данной области. В частности, в работах А.А. Эндрюшко проанализированы различия в установках на интеграцию между трудовыми и образовательными мигрантами [1]. Е.Ю. Куликова и соавторы подчёркивают важность формирования новой идентичности мигрантов в условиях трансформации социальной среды [2]. Китайские исследователи указывают на ключевую роль культурной дистанции и уровня социальной мобильности, выявив интересную закономерность: если мигрант происходит из культуры близкой к принимающему обществу, он чаще общается с местными жителями, чем с выходцами из своего региона [3].

Современные подходы к теории адаптации и интеграции основываются на нескольких ключевых позициях: выбор конкретной модели интеграции зависит от множества различных факторов; мигранты сталкиваются с трудностями в интеграции из-за недостаточной адаптивной способности; значительная роль в процессе адаптации отводится социальному капиталу, влияющему на успех интеграции в новом обществе [4].

Теоретические и методологические положения

В начале 1980-х годов некоторые европейские государства (Германия, Франция) приняли политику мультикультурализма, ориентированную на сохранение этнического и культурного разнообразия. Д.В. Лапин подчёркивал, что появление мультикультурализма было связано с «нарастанием миграции и ростом процессов самоутверждения и самосознания различных этнических групп» [5, с. 21].

А.Н. Татарко сопоставил типы социального капитала с моделями адаптации, предложив категории от интеграции до маргинализации в зависимости от позитивного или негативного влияния [6]. Фактор продолжительности миграции при адаптационных стратегиях мигрантов предлагают учитывать Б. Хайцманн и П. Бёнке [7]. На этот же фактор обращает внимание А.А. Эндрюшко, сравнивая установки на интеграцию образовательных и трудовых мигрантов. Показатель «долгосрочные цели» определяет не просто поверхностное приспособление, а стратегии на включение в принимающее общество [8].

Научный интерес российских исследователей к проблемам адаптации мигрантов активизировался в условиях пандемии. Появились новые направления, посвящённые в основном анализу адаптационных стратегий трудовых мигрантов из стран Средней Азии на российском рынке труда, где в качестве теоретической основы применялась концепция достойного труда и давалась

оценка таких ключевых аспектов, как структура занятости и социальные практики мигрантов [9].

С.В. Козин и соавторы предоставили обширную социологическую картину адаптации мигрантов, проанализировав многолетние данные результатов социологических опросов, охватив ключевые аспекты адаптации и доступ к ресурсам в разных регионах [10].

И.Р. Набиулин акцентирует внимание на особенностях социально-культурной и религиозной адаптации трудовых мигрантов мусульманского вероисповедания из стран Средней Азии (преимущественно Узбекистан, Таджикистан) в условиях мегаполиса на примере Республики Татарстан, подчёркивая, что ислам выступает как ресурс культурной устойчивости [11].

Краткий обзор теоретических исследований по адаптации мигрантов продемонстрировал многогранный характер данной темы, которая продолжает развиваться. Однако, как отмечает Йонас Р. Кунст, несмотря на обширный корпус исследований (свыше 13 000 публикаций), лишь в немногих работах применяются данные, позволяющие достоверно установить причинно-следственные связи. В основном, ключевые теории и модели остаются недостаточно подтверждёнными эмпирическими данными [12].

В российском контексте вопросы адаптации разрабатываются в рамках возможности создания на региональном уровне адаптационных центров для обучения мигрантов. Как отмечает В.Ю. Леденева: «вопрос о создании миграционных адаптационных центров становится ключевым для обеспечения устойчивой демографической динамики и социальной стабильности» [13, с. 197].

В условиях отсутствия единого нормативного регулирования социально-культурной адаптации и отложенного принятия соответствующего федерального закона усилия по созданию адаптационных центров приобретают особую значимость, особенно в регионах с выраженным миграционным приростом. Республика Башкортостан, являясь одним из таких субъектов, представляет собой перспективную модель для изучения и тиражирования успешных практик адаптации.

Начало государственного регулирования адаптации мигрантов было положено в 2012 году, когда на федеральном уровне впервые признали существование трудностей, связанных с низкой адаптацией иностранных граждан, находящихся на территории России, а в Федеральной миграционной службе началась разработка закона о социальной и культурной адаптации мигранта. Однако закон не был принят и на сегодняшний день не существует законодательного акта, регулирующего это направление миграционной поли-

тики, которое, к слову сказать, заявлено в концептуальных документах, также отсутствует и официально принятая трактовка соответствующих базовых понятий и дефиниций.

Вторая попытка была сделана в 2018 г., когда Федеральное агентство по делам национальностей (далее – ФАДН) по поручению Президента РФ разработало проект федерального закона о социально-культурной адаптации иностранных граждан. Однако и этот закон, пройдя практически все стадии согласования, так и не был внесён в Государственную Думу³.

В проекте Федерального закона предлагалось следующее определение адаптации: «социальная и культурная адаптация иностранных граждан – процесс освоения иностранными гражданами, временно пребывающими на территории Российской Федерации с целью осуществления временной трудовой деятельности, и членами их семей, русского языка, социальных и культурных, правовых и экономических норм российского общества». Следует отметить, что в предложенном определении рассматривается аспект адаптации не только самого мигранта (иностранного гражданина), но и членов его семьи к основным нормам общества. Это важно, т.к. уровень успешной адаптации мигрантов во многом определяется мотивами их пребывания в регионе, наличием семейных связей и жизненными планами на будущее.

Классическая модель миграционного процесса, предложенная Л.Л. Рыбаковским, охватывает три основные стадии, которые проходит мигрант: подготовительную, основную и заключительную (адаптационную) [14].

В научных разработках В.Ю. Леденевой была предложена новая четырёхстадийная модель миграции, которая дифференцирует мигрантов на категории возвратных и безвозвратных. Автор вводит четвёртую стадию – интеграция безвозвратных мигрантов в принимающее сообщество. Проходя эту стадию, мигрант значительно сокращает родственные связи с родной страной, мирно сосуществует с местными жителями и воспринимается ими как «свой среди своих» [15]. Таким образом, все мигранты проходят стадию адаптации, независимо от их правового статуса, уровня квалификации или целей пребывания. Усвоение норм российского общества, т.е. интеграция актуальна для *безвозвратных* мигрантов и членов их семей, которые планируют связать свою дальнейшую жизнь с Россией. Такой подход отража-

ет современные социологические и институциональные представления о процессах адаптации и интеграции как многоуровневом и универсальном механизме включения иностранцев в принимающее общество.

В связи с этим предлагается универсальная типовая модель регионального адаптационного центра, которая способна охватывать широкую категорию внешних трудовых мигрантов, включая как специалистов, так и неквалифицированных работников, при этом предполагается возможность адаптивной настройки программ и мероприятий центра в зависимости от социально-экономического профиля региона.

Несмотря на терминологическую близость, понятия «адаптация» и «интеграция» отражают различные уровни включённости мигрантов в принимающее общество. При обсуждении интеграции мигрантов следует осознавать, что это не только процесс, но и политика, осуществляемая государственными и муниципальными органами власти. Она проявляется в комплексе и последовательности мероприятий, направленных на вовлечение мигрантов в социальные институты общества. Мигрантов, которые хотят остаться в стране и приобретают правовой статус постоянно проживающего, нельзя воспринимать как временное явление, а, наоборот, необходимо разрабатывать эффективную политику интеграции для успешного включения их в российское общество.

Использованные данные и методы работы с ними

В ходе исследования были использованы методы контент-анализа нормативно-правовой базы миграционной политики, вторичный статистический анализ Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Пограничной службы Федеральной службы безопасности России, данные Министерства внутренних дел по Республике Башкортостан о численности и структуре внешних мигрантов; качественный анализ экспертных оценок, собранных в рамках стратегической сессии с участием представителей органов власти, некоммерческих организаций (далее – НКО) и национально-культурных объединений; сравнительно-сопоставительный анализ, использованный для выявления отличительных особенностей регионального опыта в сравнении с другими субъектами РФ.

Эволюция институциональных форм содействия адаптации раскрыта через описание этапов формирования государственной и региональной политики в данной сфере – от первых попыток законодательного регулирования (2012, 2018 гг.) до современных инициатив по созданию региональных адаптационных центров. Конкретизирова-

³ Проект Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» (подготовлен ФАДН России 30.05.2017 г.) // КонсультантПлюс: [сайт]. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=116341#dRDsguUutly9aIF91> (дата обращения: 11.07.2025).

на структура механизма содействия адаптации мигрантов на региональном уровне, которая включает взаимодействие органов государственной власти, НКО, национально-культурных объединений и работодателей; нормативную и методическую базу (включая модельные регламенты); кадровые, организационные и информационные ресурсы; инфраструктуру центров (отделы, консультационные пункты, сервисы сопровождения и др.).

Для разработки модели регионального центра адаптации мигрантов были изучены нормативные документы, разработанные ФАДН, в том числе типовая модель, методические рекомендации по реализации политики адаптации иностранных граждан, аналитические материалы и экспертные заключения специалистов.

Таким образом, методологический подход обеспечил комплексное рассмотрение вопросов адаптации мигрантов в региональном контексте и позволил выработать практико-ориентированные рекомендации, соответствующие задачам государственной миграционной политики.

Результаты исследования и их обсуждение

В 2023 г. миграционный поток в России значительно сократился по сравнению с 2022 г. (2508,7 тыс. чел. и 2708,2 тыс. чел. соответственно). Однако уже в 2024 г. миграционный прирост увеличился, что было отмечено выше. В основном временные трудовые мигранты прибыли из традиционных стран-доноров: Узбекистан (630 859 чел.), Таджикистан (349 357 чел.), Кыргызстан (172 591 чел.), Армения (47 337 чел.) и Казахстан (34 883 чел.) [16].

По информации, предоставленной Пограничной службой ФСБ, в 2023 году в Россию для трудовой деятельности прибыло 4,5 миллиона иностранных граждан, что превышает показатели доковидного 2019 года, когда их число составляло 4,1 миллиона человек (рис. 1). При этом количество мигрантов из трёх стран Средней Азии значительно возросло: приток из Узбекистана и Таджикистана увеличился примерно на 35%, а из Киргизии – почти на 30%.⁴

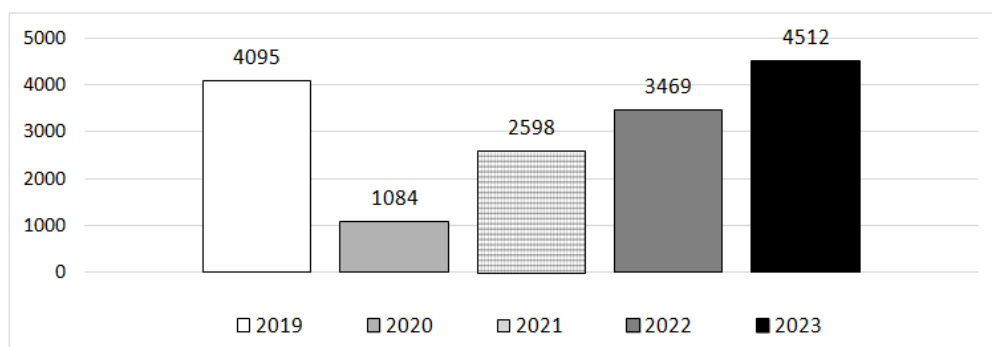

Рисунок 1. Численность иностранных граждан, прибывших в Россию с целью въезда «работа», тыс. человек
Figure. 1. Number of Foreign Citizens Who Arrived in Russia for the Purpose of Entry «Work», Thousand People

Источник: данные ЕМИСС.⁵

Главными регионами притяжения мигрантов являются Москва и Московская область (47% иностранцев), Санкт-Петербург и Ленинградская область (10%)⁶. Увеличение миграционных потоков в Россию вызывает необходимость более серьёзного подхода к вопросам, с одной стороны, контроля за мигрантами, с другой стороны, их адаптации.

Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 342 в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утверждённую Указом

⁴ Официальные статистические показатели // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 23.03.2025).

⁵ Там же.

⁶ Демография и миграция. Тренды. События. Цифры. № 1 2024 // НИУ ВШЭ: [сайт]. URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/944830743.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).

Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622, внесены изменения, в том числе установлены основные направления миграционной политики в области содействия адаптации иностранных граждан. В 2023 г. ФАДН России актуализировало методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по повышению эффективности реализации государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации иностранных граждан на территории Российской Федерации⁷,

⁷ Методические рекомендации по повышению эффективности реализации госполитики в сфере адаптации иностранных граждан (в ред. приказа ФАДН России от 22.12.2023 № 211) // ФАДН России: [сайт]. URL: <https://fadn.gov.ru/documents/prochee/metodicheskie-rekomendaczii-dlya-organov-gosudarstvennoj-vlstvly-dly-adaptaczii-inostrannyx-grazhdan> (дата обращения: 08.03.2025).

а также разработало типовой адаптационный курс для трудовых мигрантов из Центрально-Азиатского региона.

В 2023 г. ФАДН была разработана типовая модель регионального адаптационного центра (далее – РАЦ). В концепции модели РАЦ рассматривается как организация, созданная для социокультурной адаптации и оказания содействия иностранным гражданам, прибывшим на территорию Российской Федерации:

- в улучшении навыков владения русским языком;
- в повышении правовой грамотности;

– в усвоении принятых в российском обществе правил и норм поведения;

– во взаимодействии с органами государственной власти и органами местного самоуправления;

– в получении доступа к необходимым социальным услугам.

В структуру РАЦ входят следующие отделы: юридический, культурно-просветительский, экспертно-аналитический, информационный, служба занятости. Для оценки достижения ожидаемых результатов ФАДН предложило использовать следующие показатели (Таблица 1):

Таблица 1

Показатели типовой региональной модели адаптации иностранных граждан

Table 1

Indicators of the Typical Regional Model of Adaptation of Foreign Citizens

Доступ к социально-культурным услугам	доступ к рынку труда, жилья, медицинским услугам, образованию, курсам русского языка и законодательства, культурным ценностям
Доступ к получению правового статуса	получение документов для легального статуса временно или постоянно проживающего
Доступ к инфраструктуре места проживания	использование социальных, жилищных, транспортных, культурных и экономических ресурсов

Источник: составлено авторами на основе⁸.

В течение 2023 г. реализовывался пилотный проект по обучению мигрантов. На базе площадок многофункциональных миграционных центров, консультационных пунктов для иностранных граждан, площадок работодателей и религиозных организаций в пяти субъектах Российской Федерации: Республике Саха (Якутия), Краснодарском и Пермском краях, Калининградской и Московской областях проведена апробация и финальная доработка адаптационного курса⁹. Результаты пилотного проекта были признаны положительными и в 2024 г. ФАДН поэтапно начал внедрять адаптационные курсы во всех регионах страны. Как ожидается в 2025 году, курс станет обязательным. В таком случае, патент на работу

будет выдаваться мигранту только после успешного окончания адаптационного курса¹⁰.

Опыт Республики Башкортостан в создании регионального адаптационного центра

Демографическая ситуация, сложившаяся в Республике Башкортостан в последние годы, характеризуется убылью населения. При негативных изменениях возрастного состава жителей региона, обусловленных снижением рождаемости и увеличением смертности, миграция частично восполняет потери населения различных возрастных категорий. Вопрос регулирования трудовой миграции становится особенно актуальным при растущем дефиците кадров на региональном рынке труда [17].

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан в 2024 г. в республику из стран Содружества независимых государств (далее – СНГ) прибыло 8 679 чел. По сравнению с 2023 г. количество международных мигрантов увеличилось на 3 500 чел., (в 2023 г. 6474 чел.)¹¹.

¹⁰ ФАДН внедряет пилотный проект по адаптации мигрантов // Интернет-портал «Российской газеты»: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2024/07/22/fadn-vnedriaet-pilotnyj-proekt-po-adaptacii-migrantov.html> (дата обращения: 12.03.2025).

¹¹ Социально-экономическое положение Республики Башкортостан в январе-декабре 2024 года // Росстат: [сайт]. URL: https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/doklad-12_80_2024.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

⁸ Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». Утверждены приказом Федерального агентства по делам национальностей от 17.11.2020 № 142 // ФАДН России: [сайт]. URL: <https://fadn.gov.ru/documents/prochee/9087-metodicheskie-rekomendatsii-dlya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-sub-ektov-rossiyskoy-federatsii-o-sotsialnoy-i-kulturnoy-adaptatsii-i-integratsii-inostrannyh-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii?ysclid=md5hrhzhph5704208651> (дата обращения: 12.03.2025).

⁹ Государственный доклад о реализации государственной национальной политики Российской Федерации в 2023 году // ФАДН России: [сайт]. URL: <https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/realizaciya-strategii-gosudarstvennoj-nacionalnoj-politiki-rossijskoj-federacii-na-period-do-2025-goda/file-download/y4mi1v4cfm6aqggh0zhoeznzxauivmh> (дата обращения: 12.03.2025).

В 2023 г. по данным Росстата мигранты прибывали в основном из Таджикистана – 3628 чел. и Узбекистана – 1558 чел.¹²

Согласно данным Министерства внутренних дел Республики Башкортостан, всего за первые два месяца 2025 года на территории региона было зарегистрировано 23 222 иностранных граждан и лиц без гражданства. Среди них большинство составляют граждане стран, имеющих безвизовый въезд. В частности, из таких стран прибыли 10 031 человек, в то время как из государств с визовым режимом зарегистрировано 1 193 человека. Из общего числа прибывших 69,3% прибыли для трудовой деятельности, 15,3% – по частным приглашениям, 10,4% – для обучения, 1,2% – с деловыми целями, 1,1% – в качестве туристов, 0,6% – с служебными целями, а остальные 2% составляют мигранты с иными причинами приезда¹³.

Реализация мероприятий, направленных на социально-культурную адаптацию мигрантов в регионе предполагает взаимодействие органов исполнительной власти республики (министерства и их подведомственные организации), научных сообществ (Центр гуманитарных исследований, вузы Республики Башкортостан), национально-культурных центров, общественных организаций. Межведомственное взаимодействие всех заинтересованных участников нацелено на решение задач в сфере социально-экономического, демографического развития, защиты регионального рынка труда, создания условий для адаптации и интеграции мигрантов [18, с. 27]. Однако до настоящего времени не выстроено системное взаимодействие всех заинтересованных структур, что не даёт возможности назвать политику в области социально-культурной адаптации иностранных граждан эффективной. В этой ситуации ключевую роль в проведении адаптационной миграционной политики мог бы взять на себя Адаптационный центр, играющий роль главного координатора, организатора и администратора данной деятельности.

В 2023 году Министерством семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан было организовано проведение курсов повышения квалификации «Социально-культурная адаптация и интеграция иностранных граждан как направление государственной миграционной политики России» (курсы) на базе Государствен-

¹² Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 г. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium> (дата обращения: 12.03.2025).

¹³ Информация о миграционной ситуации в Республике Башкортостан за февраль 2025 года // Министерство внутренних дел по Республике Башкортостан: [сайт]. URL: <https://02.мвд.рф/деятельность/статистика-и-аналитика/статистические-сведения-по-миграционной-> (дата обращения: 20.03.2025).

ного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования Республики Башкортостан «Учебный центр государственной службы занятости населения» (Учебный центр) при поддержке Региональной общественной организации «Миграция» (далее – РОО «Миграция») [18, с. 28].

Первый модуль, включающий обучение слушателей квалифицированными специалистами в области социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов из Москвы и Санкт-Петербурга, был проведён 13–14 декабря 2022 года.

Тематика курсов включала в себя ознакомление с нормативной правовой базой; различными направлениями работы по социальной и культурной адаптации иностранных граждан; основными проблемами, связанными с адаптацией и интеграцией иностранных граждан; регулированию процессов адаптации иностранных граждан на региональном и муниципальном уровне; межведомственное и межсекторное взаимодействие в содействии адаптации и интеграции иностранных граждан; противодействие дискриминации, профилактике экстремизма и межнациональных конфликтов на региональном и местном уровне; информационные и методические ресурсы для мигрантов и работающих с ними специалистов.

Второй модуль повышения квалификации специалистов (9–10 февраля 2023 г.) включал в себя активные формы обучения, среди которых:

- стратегическая сессия «Определение основных направлений комплексной программы адаптации и интеграции иностранных граждан на региональном уровне»;

- круглый стол «Социально-культурная адаптация и интеграция иностранных граждан как направление государственной миграционной политики России».

Спецификой курсов стала их практико-ориентированность. Всего обучилось 100 человек. В том числе специалисты из органов исполнительной власти, администраций муниципальных образований Республики Башкортостан, образовательных организаций; учреждений культуры, центров занятости населения, общественных организаций и национально-культурных центров республики¹⁴.

Курсы проводились в рамках проекта «Региональный центр адаптации мигрантов», поддержанного Фондом содействия гражданскому обществу Республики Башкортостан, реализуемого РОО «Миграция».

¹⁴ В Башкортостане 100 специалистов прошли курсы повышения квалификации по социально-культурной адаптации мигрантов // Министерство семьи и труда Республики Башкортостан: [сайт]. URL: <https://mintrud.bashkortostan.ru/presscenter/news/518104/> (дата обращения: 20.03.2025).

Наше исследование основано на материалах стратегической сессии и круглого стола. Участниками стратегической сессии были разработаны предложения и рекомендации для совершенствования социально-культурной адаптации мигрантов в регионе в соответствии и во исполнение федеральных и региональных нормативно-правовых актов¹⁵.

Направления совершенствования социально-культурной адаптации и интеграции иностранных граждан систематизированы авторами в 9 групп (Рисунок 2). Таким образом, в модели социально-культурной адаптации направления структурированы по уровням реализации (нормативно-

правовой, институциональный, программный и практический уровни); выявленным точкам сопряжения между органами власти, институтами гражданского общества и мигрантским сообществом; механизмам согласования интересов участников адаптационной политики. Предложена модель центра как интеграционного ядра, через которое реализуются функции адаптации, профилактики конфликтности и повышения социальной устойчивости. Схема направлений на рисунке 2 отражает авторскую концептуализацию многоуровневого подхода к выстраиванию системы адаптации мигрантов в условиях региона.

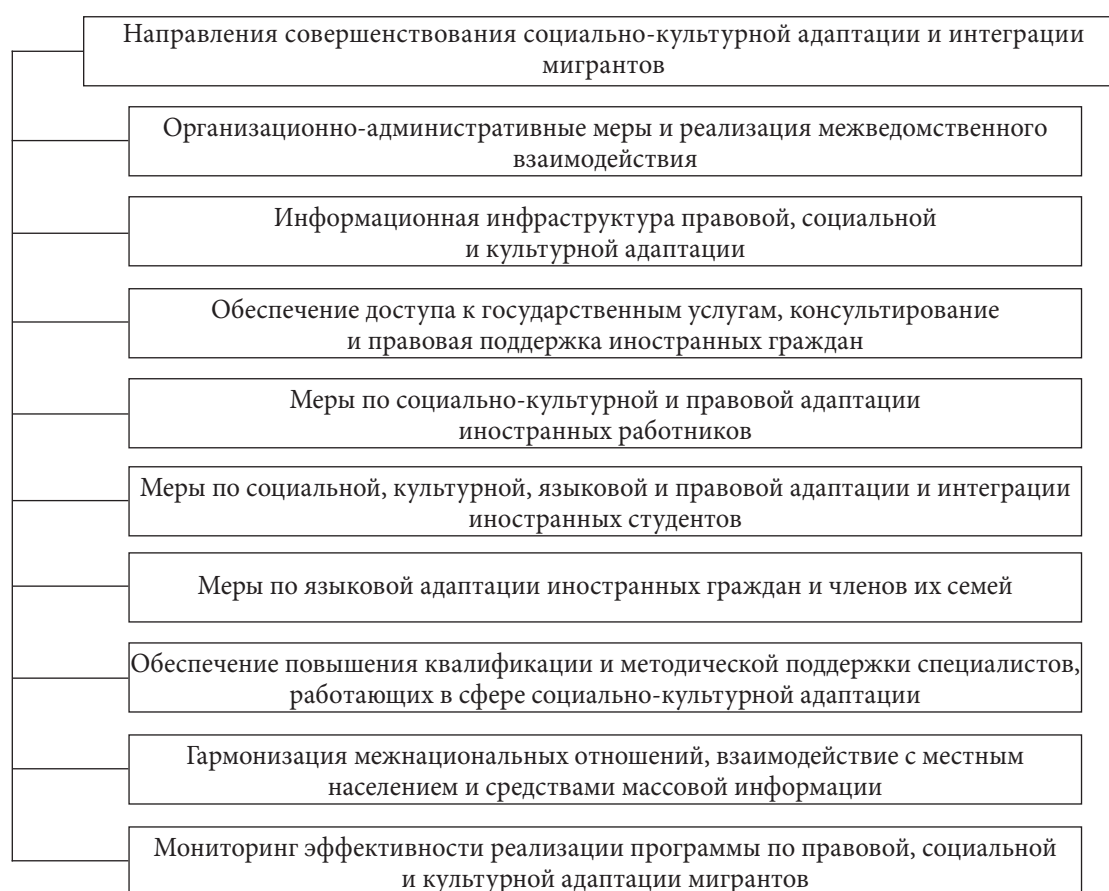

Рисунок 2. Направления совершенствования социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов
Figure. 2. Directions for Improving the Socio-Cultural Adaptation and Integration of Migrants

Источник: составлено авторами.¹⁵

¹⁵ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666); Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утв. Указом Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622); Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» (утв. Приказом ФАДН от 17.11.2020 г. № 142); Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по повышению эффективности реализации государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации иностранных граждан на территории Российской Федерации (утв. Приказом ФАДН от 29.12.2022 г. № 199); Концепция государственной национальной политики в Республике Башкортостан (утв. Указом Главы Республики Башкортостан от 12.08.2022 г. № УГ-562); Концепция миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года (утв. Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 13.10.2015 г. № 446); Подпрограмма № 4 «Обеспечение успешной социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Республике Башкортостан» государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Башкортостан» (утв. Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 03.11.2022 г. № 697).

В контексте реализации организационно-административных мер и межведомственного взаимодействия, в первую очередь, предлагается учредить Региональный центр содействия социально-культурной адаптации мигрантов (далее – Центр). Этот Центр может быть создан в форме государственного бюджетного или автономного учреждения и будет выполнять функцию организации и координации комплексной работы в области социально-культурной адаптации мигрантов.

Цель создания Центра – содействие в успешной адаптации мигрантов в российское общество путём совершенствования механизмов адаптации и повышения уровня компетенций специалистов в сфере межнациональных отношений.

Задачи, реализуемые в процессе работы Центра: повышение уровня правовой грамотности иностранных граждан о российском трудовом, миграционном, медицинском и социальном законодательстве; повышение потенциала и уровня взаимодействия на региональном уровне специалистов общественных и государственных организаций, работающих в сфере адаптации иностранных граждан и гармонизации межнациональных отношений

Одной из главных проблем и прямым результатом отсутствия государственных программ адаптации и интеграции является изоляция мигрантов от принимающего социума и нарастание негативного отношения к ним. На сегодняшний день в Республике Башкортостан практически отсутствуют институты гражданского общества, которые способны организовать эффективное взаимодействие между государственными органами и мигрантами.

РОО «Миграция» – единственное НКО в республике, комплексно занимающееся вопросами социальной и культурной адаптации мигрантов как для взрослых, так и для детей [18, с. 29].

Данной организацией на средства Фонда президентских грантов по 2021 год реализовывался проект – развивающая адаптационная школа для детей-мигрантов «Перемена», где в летний период бесплатно проходили подготовку дети мигрантов к поступлению в первый класс общеобразовательных школ республики. Проект был ориентирован на детей мигрантов 6–7 лет, а также родителей будущих первоклассников. Всего обучено 80 человек (40 детей и 40 родителей).

В развивающей адаптационной школе для детей мигрантов «Ступеньки», которая реализовывалась в 2021–2022 годах при поддержке Фонда содействия гражданского общества Республики Башкортостан принял участие 51 ребёнок из Афганистана, Вьетнама, Казахстана, Кыргызстана,

Объединённых Арабских Эмиратов, Сирии, Таджикистана и Узбекистана. Школы продолжают функционировать при финансовой поддержке национально-культурных центров.

В рамках гранта Фонда содействия гражданскому обществу Республики Башкортостан в 2022 году был поддержан проект «Региональный центр адаптации мигрантов», благодаря которому были изданы информационно-правовые издания на четырёх языках (русском, узбекском, таджикском, азербайджанском): карманные книжки, буклеты, книга для детей «Сказки без границ» [18, с. 29].

Большинство НКО и национально-культурных объединений в Республике Башкортостан действуют вне рамок единой региональной или федеральной стратегии адаптации. Их вовлечённость в процессы взаимодействия с мигрантами, как правило, носит фрагментарный характер и зависит от отдельных инициатив, а не от устойчивого механизма.

Кроме того, отсутствие федерального закона об адаптации, а также устойчивого финансирования и методической поддержки со стороны государства, существенно ограничивает возможности гражданского общества участвовать в реализации полномасштабных адаптационных программ.

Возвращаясь к структуре Регионального центра, отметим целесообразность создания основных отделов (направлений работы):

- языковой адаптации (курсов русского языка для иностранных граждан и членов их семей);
- правовой адаптации (консультирование и бесплатная правовая помощь иностранным гражданам);
- экономической адаптации (содействие трудоустройству и повышению квалификации);
- социальной адаптации (планирование и проведение программ социальной работы, взаимодействие с местным населением);
- культурной адаптации (разработка и проведение культурно-массовых адаптационных и интеграционных мероприятий и программ);
- информационный отдел (разработка и распространение информационных материалов);
- отдел взаимодействия с общественными организациями;
- отдел по развитию межведомственного и межсекторного сотрудничества.

В перспективе Центр может заниматься и формированием пакетов документов трудовых мигрантов во взаимодействии с Управлением по вопросам миграции МВД по Республике Башкортостан (далее УВМ МВД по РБ) и ФГУП «Паспортно-визовый сервис МВД России».

В целях эффективного функционирования Центра необходимо выполнить следующие задачи:

– разработать формат регулярного межведомственного взаимодействия Центра с миграционным центром, Управлением по вопросам миграции МВД по РБ (далее – УВМ МВД по РБ), муниципальными образованиями, общественными организациями;

– создать и активизировать работу национальных общественных организаций и инициатив в районах республики по социально-культурной адаптации иностранных граждан;

– предусмотреть в государственной подпрограмме Республики Башкортостан механизмы методической, информационной и финансовой поддержки.

– В рамках создания информационной инфраструктуры для правовой, социальной и культурной адаптации мигрантов предлагается следующее.

В первую очередь, необходимо создать и продвигать в Интернете платформу о социально-культурной адаптации мигрантов. Во-вторых, необходимо разработать тематический региональный сайт и/или мобильное приложение для иностранных граждан, которое будет иметь отдельные разделы для каждого района республики. На этом ресурсе будет представлена информация о законодательных нормах, порядке получения государственных услуг, полезные контакты, советы и информационные материалы на нескольких языках.

В-третьих, необходимо создать каналы в социальных сетях и мессенджерах, таких как Telegram, которые будут нацелены на социально-культурную адаптацию и интеграцию мигрантов и содержать информацию о мероприятиях и проектах о возможностях трудоустройства, изменениях миграционного законодательства России, а также о доступной правовой, социальной и психологической помощи на родных языках мигрантов. Также необходимо создать специализированные интернет-страницы и разделы на официальных сайтах государственных органов и местного самоуправления.

Кроме того, потребуется регулярно обновлять систему информирования иностранных граждан, акцентируя внимание на культурных особенностях Республики Башкортостан и России.

Поддерживая инициативу ФАДН, основными интерактивными информационными материалами для иностранных граждан должны стать видеоролики и видеокурсы, посвящённые правовой, социальной и культурной адаптации, а также изучению истории России, русского языка и основ российского законодательства. Все материалы должны разрабатываться с учётом специфики региона. К распространению и продвижению этих

информационных материалов важно привлекать национальные общественные объединения, национальные культурные центры и организации, где трудятся мигранты.

Таким образом, разработка эффективных мер по социально-культурной и правовой адаптации иностранных работников, а также установление взаимодействия с работодателями, представляют собой важные инициативы. В рамках этих мероприятий планируется организовать и регулярно проводить адаптационные занятия с иностранными работниками совместно с миграционным центром, Управлением по вопросам миграции МВД России по Республике Башкортостан. Занятия организовывать в течение 10 рабочих дней после подачи документов на патенты и разрешения на работу по программе «Школа трудового мигранта».

Также предусмотрено активное участие иностранных работников в мероприятиях под девизом «Ты нужен Республике Башкортостан!», принимая во внимание правовую и социальную специфику, а также рыночные потребности республики.

Не менее важным аспектом является разработка типовых программ по социально-культурной адаптации иностранных работников, включая изучение русского языка и профилактику межнациональной напряжённости. Работодателям также будет рекомендовано способствовать участию работников в адаптационных мероприятиях на муниципальном и республиканском уровнях, при этом будет создана система поощрения для тех, кто наиболее активно поддерживает данную инициативу.

Что касается мер по социально-культурной и языковой адаптации для иностранных граждан и членов их семей, то они могут включать в себя вовлечение членов семей в деятельность местных центров социального обслуживания и подростково-молодёжных клубов на равноценной и бесплатной основе. Будет активно поддерживаться работа волонтерских курсов по изучению русского языка, культурного пространства Российской Федерации и Республики Башкортостан.

Мероприятия на уровне муниципалитетов должны охватывать спортивные и волонтерские инициативы, соответствующие основным принципам социальной и культурной адаптации. Кроме того, бесплатные курсы по изучению русского языка и программы поддержки «женских клубов», которые объединят местных женщин и семьи иностранцев, окажут весомое влияние на эффективную интеграцию.

Анализ экспертных оценок и институциональных условий в Республике Башкортостан

позволяет предположить, что реализация региональных программ адаптации, включая создание Регионального центра, может стать действенным механизмом повышения эффективности взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом.

На основе аналитической обработки результатов стратегической сессии были конкретизированы факторы, влияющие на социально-культурную адаптацию мигрантов в Республике Башкортостан: недостаточная правовая информированность мигрантов о нормах и правилах пребывания в регионе; языковой барьер и ограниченные возможности для изучения русского языка; ограниченный доступ к государственным и муниципальным услугам (включая здравоохранение, образование, трудоустройство).

В результате проведённой стратегической сессии в Башкортостане был обобщён региональный опыт и систематизированы предложения экспертов, также были сделаны прогнозные оценки последствий для региона при отсутствии региональных центров адаптации. Практика организации адаптационных центров, является перспективным инструментом не только для координации усилий разных субъектов (государства, НКО, национальных диаспор), но и для выстраивания устойчивой модели управления миграцией. Таким образом, новизна исследования в том, что расширены и обоснованы возможности регионального уровня в реализации миграционной политики для тиражирования в других субъектах Российской Федерации – особенно крупных промышлен-

ных центров и агломераций, которые традиционно являются зонами миграционного притяжения.

Заключение

Исследование, проведённое авторами, имело качественный и концептуально-аналитический характер. Создание адаптационного центра в Республике Башкортостан пока находится на стадии проектирования, и мы не можем утверждать, что гипотеза подтверждена в полной мере. Для проверки гипотезы и результатов деятельности регионального центра, необходимо, чтобы прошло не менее года. Однако, полученные сейчас результаты частично подтверждают гипотезу – а именно, необходимость наличия институциональных и организационных предпосылок для реализации межведомственного подхода к адаптации мигрантов.

В статье доказана перспективность модели центра как механизма повышения эффективности адаптационной политики и профилактики напряжённости.

Программа по созданию регионального адаптационного центра в Республике Башкортостан тесно связана с типовой моделью ФАДН. Это взаимодействие позволяет обеспечить гармоничное сочетание региональных инициатив по адаптации иностранных работников с общей стратегией федеральных органов власти. В результате такого сотрудничества создаётся необходимая инфраструктура, оказывающая влияние на эффективность реализации миграционной политики на региональном уровне.

Список источников

1. Эндрюшко А.А. Образовательные и трудовые мигранты из постсоветских стран: адаптация в российском обществе и установки на интеграцию // Социологические исследования. 2024. № 12. С. 60–73. <https://doi.org/10.31857/S0132162524120069> EDN PRVXNG
2. Куликова Е.Ю., Козловская Е.С., Борисова А.С. Социокультурная адаптация мигрантов в России // Вопросы истории. 2022. № 7-2. С. 215–223. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi34> EDN NFHRAV
3. Dong S., Hu D., Yang X., Chau M. Analyzing the Impacts of Cultural Backgrounds' Acculturation Strategies in Mobile Phone Social Networks // Cities. 2024. Vol. 154. Art. 105384. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105384>
4. Gurieva S., Koiv K., Tararukhina O. Migration and Adaptation as Indicators of Social Mobility Migrants // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10. Issue 1. Art. 30. <https://doi.org/10.3390/bs10010030>
5. Лапин Д. В. Мультикультурализм: политическая концепция и научный феномен // Идеи и идеалы. 2013. Том 2. № 2(16). С. 20–26. EDN QCHUKJ
6. Татарко А.Н. Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе // Культурно-историческая психология. 2018. Том 14. № 2. С. 33–43. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204> EDN USBSHA
7. Heizmann B., Bohnke P. Migrant Poverty and Social Capital: The Impact of Intra- and Interethnic Contacts // Research in Social Stratification and Mobility. 2016. Vol. 46-B. P. 73–85. <https://doi.org/10.1016/J.RSSM.2016.08.006>
8. Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. 2017. Том 8. № 4(23). С. 45–70. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480> EDN YNLVQZ
9. Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 63–75. <https://doi.org/10.31857/S013216250017014-8> EDN HSESHF

10. Козин С.В., Жидяева Т.П., Закиева Р.Р. Адаптация мигрантов в России в зеркале социологических комплексных исследований // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Том 4. № 2. С. 148–155. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.10> EDN NAKPGY
11. Набиулин И.Р. Адаптация трудовых мигрантов мусульманского вероисповедания из Средней Азии в современном российском обществе (на примере Республики Татарстан) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Том 13. № 3. <https://doi.org/10.15862/52SCSK322> EDN UZINDC
12. Jonas R. Kunst Are We Facing a «Causality Crisis» in Acculturation Research? The Need for a Methodological (R)evolution // International Journal of Intercultural Relations. 2021. Vol. 85. P. A4–A8. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.08.003>
13. Леденева В.Ю. Адаптационные центры для мигрантов в контексте миграционной политики России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Том 3. № 4. С. 197–208. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12> EDN FKGLMM
14. Рыбаковский Л.Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. 2016. № 12(392). С. 78–83. EDN XGVSID
15. Леденева В.Ю. Социологическое измерение социальной адаптации трудовых мигрантов: региональный аспект // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Том 15. № 4. С. 106–119. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-106-119> EDN SMPIVE
16. Доманская О.В. Миграционные процессы в российской экономике: анализ современных тенденций // Экономика и предпринимательство. 2023. № 9(158). С. 561–564. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.158.09.103> EDN MUWDBJ
17. Вишневская Н.Г., Аleshкина О.В. Современные тенденции межрегиональной трудовой миграции: специфика Республики Башкортостан // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4. С. 82–94. <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2024-4-82-94> EDN RSZTKN
18. Иванова Л.Х., Вишневская Н.Г. Социокультурная адаптация и интеграция иностранных граждан: опыт Республики Башкортостан // Диалог: политика, право, экономика. 2024. № 3(17). С. 25–30. EDN TCWAMR

Информация об авторах:

Виктория Юрьевна Леденева – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник – руководитель отдела, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (SPIN-код: 3331-0909) (РИНЦ Author ID: 366610) (ResearcherID: AAU-6083-2021) (Scopus Author ID: 57208709009)

Нина Геннадьевна Вишневская – доктор экономических наук, доцент, директор Школы экономики и междисциплинарных исследований, Альметьевский государственный технологический университет «Высшая школа нефти» (SPIN-код: 1753-3551) (РИНЦ Author ID: 705743)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Виктория Юрьевна Леденева.

Статья поступила в редакцию 28.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Endryushko A.A. Educational and Labor Migrants from post-Soviet Countries: Adaptation in Russian Society and Integration Attitudes. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2024;(12):60-73. <https://doi.org/10.31857/S0132162524120069> (In Russ.)
2. Kulikova E.Y., Kozlovskaya E.S., Borisova A.S. Socio-Cultural Adaptation of Migrants in Russia. *Voprosy Istorii*. 2022;(7-2):215-223. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi34> (In Russ.)
3. Dong S, Hu D, Yang X, Chau M. Analyzing the Impacts of Cultural Backgrounds on Migrants' Acculturation Strategies in Mobile Phone Social Networks. *Cities*. 2024;154,105384. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105384>
4. Gurieva S, Koiv K, Tatarukhina O. Migration and Adaptation as Indicators of Social Mobility Migrants. *Behavioral Sciences*. 2020;10(1),30. <https://doi.org/10.3390/bs10010030>
5. Lapin D.V. Multiculturalism: a Political Concept and a Scientific Phenomenon. *Idei i idealy=Ideas and Ideals*. 2013;2(2(16)):20-26. (In Russ.)
6. Tatarko A.N. Social Capital and Acculturation Strategies as Factors of Socio-Cultural Adaptation of Migrants from Central and Central Asia in the Moscow Region. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya=Cultural-Historical Psychology*. 2018;14(2):33-43. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204> (In Russ.)
7. Heizmann B., Bohnke P. Migrant Poverty and Social Capital: The Impact of Intra- and Interethnic Contacts. *Research in Social Stratification and Mobility*. 2016;46-B:73–85. <https://doi.org/10.1016/J.RSSM.2016.08.006>
8. Endryushko A.A. Theoretical Approaches towards Examining the Adaptation of Migrants in the Host Society: Foreign Practices. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2017;8(4(23)):45-70. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480> (In Russ.)
9. Mukomel V.I. Central Asian Migrants at the Russian Labor Market: Before the Pandemic. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2022;(1):63-75. <https://doi.org/10.31857/S013216250017014-8> (In Russ.)
10. Kozin S.V., Zhidyayeva T.P., Zakieva R.R. Adaptation of Migrants in Russia in the Mirror of Comprehensive Sociological Research. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*. 2024;4(2):148-155. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.10> (In Russ.)
11. Nabiulin I.R. Adaptation of Labor Migrants of the Muslim Religion from Central Asia in Modern Russian Society (on the Example of the Republic of Tatarstan). *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya=World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2022;3(13):52SCSK322. <https://doi.org/10.15862/52SCSK322> (In Russ.)

12. Kunst J.R. Are We Facing a «Causality Crisis» in Acculturation Research? The Need for a Methodological (R)evolution. *International Journal of Intercultural Relations*. 2021;85:A4-A8. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.08.003>
13. Ledeneva V.Y. Adaptation Centers for Migrants in the Context of Russian Migration Policy. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*. 2023;3(4):197-208. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12> (In Russ.)
14. Rybakovskii L.L. K Utochneniyu Ponyatiya «Migratsiya Naseleniya». *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2016;(12(392)):63-75. (In Russ.)
15. Ledeneva V.Yu. Sociological Dimension of Social Adaptation of Labor Migrants: Regional Aspect. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki=Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2022;15(4):106-119. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-106-119> (In Russ.)
16. Domanskaja O.V. Migration Processes in the Russian Economy: Analysis of Current Trends. *Ekonomika i predpriimatel'stvo=Economics and Entrepreneurship*. 2023;9(158):561-564. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.158.09.103> (In Russ.)
17. Vishnevskaya N.G., Aleshkina O.V. Contemporary Trends in Interregional Labor Migration: Specificities of the Republic of Bashkortostan. *Ufimskii gumanitarnyi nauchnyi forum=Ufa Humanitarian Scientific Forum*. 2024;(4):82-94. <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2024-4-82-94> (In Russ.)
18. Ivanova L.Kh., Vishnevskaya N.G. Sociocultural Adaptation and Integration of Foreign Citizens: the Experience of the Republic of Bashkortostan. *Dialog: politika, pravo, ekonomika=Dialogue: Politics, Law, Economics*. 2024;(3(17)):25-30. (In Russ.)

Information about the authors:

Victoria Yu. Ledeneva – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher – Head of Department, Scientific Secretary, Institute for Demographic Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 3331-0909) (RSCI Author ID: 366610) (ResearcherID: AAU-6083-2021) (Scopus Author ID: 57208709009)

Nina G. Vishnevskaya – Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the School of Economics and Interdisciplinary Studies, 2Almetyevsk State Technological University «Petroleum High School»

(SPIN-code: 1753-3551) (RSCI Author ID: 366610)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Victoria Yu. Ledeneva.

The article was submitted 28.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 316.44; 316.334.56; 316,347

JEL C8, I31, J7, O15, Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_6_421_435

EDN JAYRHT

Интеграционный потенциал внутренних мигрантов: проблемы измерения (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге)

Екатерина Александровна Шекера

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия
(shekerak@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-6818-0181>)

Аннотация

В данной статье предпринята попытка рассмотрения интеграционного потенциала внутренних мигрантов на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге: при том, что интеграционная политика государств ориентирована на внешних мигрантов, тем не менее в статье признаётся необходимость рассмотрения барьеров интеграции внутренних мигрантов в принимающее общество. Теоретико-методологическую рамку исследования составили теории и концепции интеграции/ассимиляции (модель «цикл расовых отношений» Р.Э. Парка, теория аккультурации Дж. Берри, теория ассимиляции М. Гордона, концепция транснационализма Н. Глик Шиллер, Л. Баш и К. Бланк-Зантон, что позволило сформулировать базовое понятие «интеграционный потенциал мигрантов», а также доработать интеграционную модель, разработанную представителями голландской школы H. Entzinger, R. Penninx, B. Garces-Masarecas, модифицировав под цели настоящего исследования (были предложены индикаторы, позволяющие замерить интеграционный потенциал внутренних мигрантов). Цель данной статьи – рассмотреть интеграционный потенциал внутренних мигрантов на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге. Информационные источники исследования составили: Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, данные исследований российских учёных о проявлении этнического негативизма, данные исследований дагестанцев, проживающих вне Республики Дагестан, данные авторского социологического исследования (анкетный опрос). На основании анкетного опроса дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге (n=280), рассмотрен интеграционный потенциал внутренних мигрантов в трёх измерениях: политико-правовом, социально-экономическом и культурно-религиозном, также показана взаимосвязанность измерений. Как итог признаётся успешность освоения мигрантами места вселения, несмотря на наличие барьеров интеграции.

Ключевые слова: интеграция, внутренние мигранты, интеграционный потенциал внутренних мигрантов, измерения интеграционного потенциала, Республика Дагестан, дагестанская молодёжь, Санкт-Петербург

Для цитирования: Шекера Е.А. Интеграционный потенциал внутренних мигрантов: проблемы измерения (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге) // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 421–435. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_6_421_435 EDN JAYRHT

RAR (Research Article Report)

JEL C8, I31, J7, O15, Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_6_421_435

Integration Potential of Internal Migrants: Measurement Issues (Using the Example of Dagestani Youth Living in St. Petersburg)

Ekaterina A. Shekera

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia
(shekerak@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-6818-0181>)

Abstract

This article attempts to examine the integration potential of internal migrants, using the example of Dagestani youth living in St. Petersburg: despite the fact that the integration policy of states is focused on external migrants, the article nevertheless recognizes the need to consider the barriers to the integration of internal migrants into the host society. The theoretical and methodological framework of the study included theories and concepts of integration/assimilation (R.E. Park's "race relations cycle" model, J. Berry's acculturation theory, M. Gordon's assimilation theory, N. Glick Schiller, L. Bash and K. Blank-Zanton's concept of transnationalism, which made it possible to formulate the basic concept of "integration potential of migrants" and refine the integration model developed by representatives of the Dutch school H. Entzinger, R. Penninx, B. Garces-Masarecas, modifying it for the purposes of this study (indicators were proposed to measure the integration potential of internal migrants). The purpose of this article is to consider the integration potential of internal migrants using the example of Dagestani youth living in St. Petersburg. The information sources of the study were: the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025, research data of Russian scientists of an ethnic negativism exhibition, research data of Dagestanis living outside the Republic of Dagestan, data of the author's sociological study (questionnaire survey). Based on a questionnaire survey of Dagestan youth living in St. Petersburg (n = 280), the integration potential of internal migrants is considered in three dimensions: political and legal, socio-economic and cultural and religious, and the interdependence of the dimensions is also shown. As a result, the success of migrants in mastering the place of settlement is recognized, despite the presence of integration barriers.

Keywords: integration, internal migrants, integration potential of internal migrants, dimensions of integration potential, Republic of Dagestan, Dagestan youth, St. Petersburg

For citation: Shekera E.A. Integration Potential of Internal Migrants: Measurement Issues (Using the Example of Dagestani Youth Living in St. Petersburg). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):421–435. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_6_421_435 (In Russ.)

Введение

В современной российской действительности основная миграционная нагрузка приходится на Москву, Московскую область и Санкт-Петербург, эти регионы занимают лидирующие позиции по показателям миграционного оборота, а также миграционного прироста населения в Российской Федерации (РФ), привлекая большое количество мигрантов, основную долю которых составляют трудовые и учебные. Молодёжь из Республики Дагестан стремится в Санкт-Петербург для реализации человеческого капитала, так, если в 2019 году Санкт-Петербург занимал 2 место по индексу человеческого развития среди всех субъектов Российской Федерации, то Республика Дагестан – 70-е¹.

В том случае, что в России масштаб внутренней миграции превышает величину международной миграции, в документах стратегического планирования адаптация и интеграция внутренних мигрантов в принимающих обществах не обозначена как проблема. В целом ситуация понятна, так как внутренние мигранты, действуя в пределах своей страны, обладают полными правами и обязанностями граждан, владеют официальным языком, осведомлены о работе государственных органов и т.д., правовой статус коренного населения отличается от правового статуса внутренних мигрантов только отметкой в паспорте о наличии прописки. Однако на практике статусы внутренних мигрантов и принимающего общества не достигают полного соответствия. Отсутствие регистрации по месту пребывания или наличие временной регистрации влечет за собой ряд ограничений/неудобств (подробнее см. подраздел «политико-правовое измерение»), также при взаимодействии с правоохранительными органами ситуация осложняется, если внутренний мигрант принадлежит к категории «видимых других», кем и являются выходцы с Северокавказского региона. Как справедливо замечает В.И. Мукомель [1, с. 148], в отношении выходцев с Северного Кавказа: «с одной стороны, не снимается проблема барьеров между принимающим населением и мигрантами – как на групповом, так и на индивидуальном уровне, с другой – правоприменение и социальные практики могут серьёзно отклоняться

ся от норм, установленных законодательством», что безусловно сказывается на интеграционных процессах.

Цель данной статьи – рассмотреть интеграционный потенциал внутренних мигрантов на примере дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, поскольку крайне важно выявить субъективное восприятие мигрантами реальности, в которой протекают интеграционные процессы. Объектом данного исследования является дагестанская молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге. Предметом – интеграционный потенциал дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, в её восприятии, рассмотренный в трёх измерениях: политико-правовом, социально-экономическом, культурно-религиозном. Гипотеза исследования: интеграционный потенциал принимающего общества может существенно отличаться в разных измерениях. В качестве результирующего критерия интеграционного потенциала дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, предлагается использовать степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге, поскольку чем выше степень осуществления намерений, тем позитивнее и продуктивнее взаимодействие с принимающим обществом, соответственно, выше интеграционный потенциал приезжих.

Для того чтобы раскрыть понятие «интеграционный потенциал мигрантов», необходимо рассмотреть понятие «интеграция». Введённое в социологию Г. Спенсером понятие «интеграция» переопределялось в каждой новой парадигме: в работах М. Вебера, Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Н. Лумана, Т. Парсонса, П. Сорокина, Л.А. Табылгинова [2], проанализировав существующие социологические подходы к понятию «интеграция», приходим к выводу, что в основном все существующие теории можно свести к двум подходам: теории о развитии и функционировании общественной системы как целостности, в совокупности сложных взаимосвязей, возникающих между различными подсистемами общества (Э. Гидденс, О. Конт, Н. Луман, Т. Парсонс, П. Сорокин и др.) и теории о возникновении и развитии взаимоотношений между индивидом и обществом – усвоение ценностно-нормативной системы общества (Э. Дюркгейм, И. К. Кули, Ю. Хабермас и др.).

¹ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка, декабрь 2021 года // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 17.02.2023).

Существует североамериканская и европейская традиция использования терминов «интеграция» и «ассимиляция»: в США и Канаде принято под интеграцией понимать ассимиляцию (этот процесс не предполагает потерю прежней идентичности, но включение в основные сферы принимающего общества: жилищную, трудовую, социальную и образовательную), в то время как в Европе и России ассимиляция воспринимается с позиции биологизма, то есть предполагает потерю этнической идентичности, в связи с чем в научном дискурсе доминирует понятие «интеграция». Мощным эмпирическим толчком к возрастанию исследовательского интереса к теме интеграции (ассимиляции) является «великая миграция» 1910–1920 гг. в США. Она способствовала проведению большого количества исследований, что позволило наработать огромную теоретическую базу на основе эмпирических исследований иммигрантов: Чикагская школа социологии (Р.Э. Парк, Э.У. Бёрджесс, У.И. Томас, Ф.В. Знанецкий и др.), теория аккультурации (Дж. Берри), теория ассимиляции М. Гордона и т.д. На протяжении всего XX в. учёные Нового Света пытались предложить оптимальную модель взаимодействия доминирующего общества и мигрантов, поскольку неизбежно доминирующее общество старается скорректировать стратегии аккультурации недоминирующих этнокультурных групп в соответствии со своими ожиданиями. Так, Дж. Берри выделяет следующие аккультурационные ожидания доминирующей этногруппы: интеграции соответствует политика мультикультурализма, ассимиляции – «плавильный котёл», сепарации – сегрегация и маргинализации – исключение [3, с. 2.5–2.6].

Модель «плавильного котла» заключается в том, что «существует (или должно существовать) одно доминирующее общество, на периферии которого находятся различные группы меньшинств; эти группы обычно остаются там, если только они не включены в качестве неотличимых компонентов в основное общество». В модели «плавильного котла» «культурный плюрализм является проблемой и должен быть уменьшен, даже устранён» [3, с. 2.2–2.4]. Одной из первых моделей в рамках осмысления «плавильного котла» был «цикл расовых отношений» (Race Relations Cycle) Р.Э. Парка [4], данный цикл включает 4 этапа: контакт (знакомство), конфликт (соперничество), аккомодация (взаимные компромиссы), ассимиляция (не означает потерю идентичности одной из групп, но члены различных групп имеют взаимные ценности и практики взаимодействия).

В 1960-е гг. М. Гордон, развивая теоретические наработки Р.Э. Парка, предложил модель

взаимодействия меньшинств и доминирующего общества также в русле англоконформизма. М. Гордон [5] выделяет 7 этапов многоступенчатой модели ассимиляции: аккультурация (принятие норм, ценностей и образа жизни нового общества), структурная (включение в социальные сети и институты общества и вхождение в социальную структуру принимающего общества), брачная (появление и распространение смешанных браков), идентификационная (возникновение чувства единения скорее с принимающим обществом, чем со своей родной страной), поведенческая (отсутствие дискриминации в отношении меньшинства), ценностная (связана с отсутствием предрассудков), гражданская (отсутствие конфликта внутренних представлений индивида и ценностей принимающего общества). При этом индивид может не продвинуться дальше этапа аккультурации и функционировать в принимающем обществе без задействования иных этапов, однако, катализатором более полной ассимиляции является структурная ассимиляция, поскольку за ней естественным образом последуют все остальные этапы. Модель «плавильного котла» была главенствующей в США в XX вв. до 1960-х гг., однако после череды социальных, экономических, политических потрясений политический курс «плавильного котла» был изменён на мультикультурную модель. В США мультикультурная модель в большей степени относилась к афро-американцам, культурному и этническому феминизму, движению людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Мультикультурная модель заключается в том, что «существует национальная социальная структура институтов (большее общество), которая учитывает интересы и потребности многочисленных культурных групп, и которые полностью включены как этнокультурные группы в эту национальную структуру. В мультикультурной модели «культурный плюрализм является ресурсом, а инклюзивность следует развивать с помощью поддерживающей политики и программ» [3, с. 2.2–2.4]. Политика мультикультурализма реализовывалась в Австралии, Великобритании, Германии, Канаде, Нидерландах, Франции, Швеции. Однако в 2010–2011 гг. лидеры европейских держав: канцлер Германии А. Меркель, премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, президент Франции Н. Саркози заявили о несостоятельности политики мультикультурализма в Западной Европе.

Провал попыток полной ассимиляции/интеграции мигрантов привёл к переосмыслению роли мигранта. Как отмечает С. Вертовек, «...начиная с 1990-х годов многочисленные учё-

ные начали выражать недовольство как моделями линейной ассимиляции, так и моделями аккультурации в исследованиях миграции. В результате возникли различные критические замечания относительно отдельных понятий групповой или культурной принадлежности. Впоследствии был введён ряд концепций, которые по-разному пытались предложить новые, множественные перспективы и понимания, выходящие за рамки категорий². Такие концепции этой эпохи включают: интерсекциональность (intersectionality) (К. Crenshaw); сегментную ассимиляцию (segmented assimilation) (А. Portes, М. Zhou); этнические варианты (ethnic options) (М. Waters); постэтнический (postethnic) (Д. Hollinger); дефисные идентичности (hyphenated identities) (например, Verkuyten М.); креолизацию (creolization) (У. Hannerz); гибридность (hybridity) (например, Р. Werbner, Т. Modood); Третье Пространство (Third Space) (Н. Bhabha); между двумя культурами (between two cultures) (например, L. Watson); бикультурализм или двойную идентичность (biculturalism or dual identity) (например, А.М. Yamada, Т.М. Singelis); мультикультуру (multiculture) (например, Р. Gilroy); чёткие vs. размытые социальные границы (bright versus blurred social boundaries) (Р. Alba); антиэссенциализм (anti-essentialism) (например, N. Fraser, М. Ploux); транснационализм (transnationalism) (Н. Glick Schiller, L. Basch, С. Szanton Blanc); диаспоры (diasporas) (например, Р. Cohen); и космополитизм (cosmopolitanism) (например, S. Vertovec, Р. Cohen)» [6, с. 8]. Тем не менее, перечисленные концепции и теоретические линзы не исключают и не противопоставляются процессу интеграции, они не исчерпали своего эвристического потенциала, поскольку мигранту неизбежно необходимо встроиться/включиться в принимающее общество, иначе взаимодействие либо не случится, либо приобретёт деструктивный характер, таким образом, интеграция может носить фрагментарный характер, достаточный для взаимодействия мигранта и принимающего общества. В настоящее время общепринят подход, согласно которому интеграция рассматривается не как целое, а как встраивание мигрантов в различные сферы принимающего общества, на сегодняшний день наиболее влиятельными в исследованиях «интеграции» являются немецкая (Н. Esser, F. Heckmann) и голландская (Н. Entzinger, Р. Penninx, В. Garcés-Mascareñas) школы.

В немецкой школе выделяют четыре основные сферы интеграции: культурную (освоение языка, культуры и норм принимающего об-

щества), структурную³ (включение в экономические, социальные, образовательные и другие институты принимающего общества), социальную⁴ (взаимодействие с принимающим населением) и идентификационную (формирование эмоциональной связи с принимающим обществом, приводит к появлению «мы-чувства» («we – feeling») по отношению к принимающему обществу) [7; 8].

В голландской школе [9; 10] предлагают три измерения, в которых осуществляется интеграция: политико-правовое, в котором первостепенное значение имеют проблемы законности пребывания мигрантов, их политические права и статусы; социально-экономическое, где особенно важен этап поиска работы и трудоустройства, а также доступ мигрантов к жилью, образованию и здравоохранению; культурно-религиозное, которое относится к переживаниям и практикам мигрантов в процессе включения в принимающее общество, а также к реакциям автохтонного и вновь прибывающего населения на культурные/религиозные различия. Таким образом, определение интеграции охватывает три аналитически различных измерения, в которых люди могут (или не могут) стать принятой частью общества.

Основные теоретические и методологические положения

В данной работе мы будем понимать интеграцию как «процесс становления признанной частью общества» [10, с. 14], поскольку данное открытое определение отражает динамический характер встречного движения и мигрантов и принимающего общества. На основании изученной научной литературы можно заключить, что понятие «интеграция» употребляется в нескольких контекстах, в рамках одного интеграция понимается как следующая стадия адаптации, то есть более длительный, глубокий, двусторонний процесс, в рамках другого исключительно как политика (установление государством способов управления интеграционным процессом в соответствии с заданной целью), третий можно обозначить как эмпирический, предлагающий аналитические схемы измерения встраивания мигрантов в принимающее общество, выявляются и как интегративное свойство среды, и как стремление самих мигрантов к интеграции. «Интеграционный потенциал» — это комплексный показатель,

³ Х. Эссер использует термин «размещение» (placement).

⁴ Вместо термина «социальная интеграция» (social integration) Ф. Хекман и Х. Эссер используют термин «интерактивная интеграция» (interactive integration), чтобы не возникло путаницы с терминологией, используемой в концепции системной и социальной интеграции Д. Локвуда (Lockwood), но в российском научном поле закрепился термин «социальная интеграция».

² Имеются в виду важнейшие социальные категории: раса и этническая принадлежность, национальность, пол, религия и язык.

обеспечивающий импульсы к интеграции и создающий условия для их успешной реализации [11, с. 113]. «Интеграционный потенциал мигрантов» мы можем определить, как совокупность ресурсов, средств и условий, которые способствуют гармоничному (ненасильственному) включению мигрантов в принимающее общество.

Использованные данные и методы работы с ними

Но всё же возможно ли измерить интеграционный потенциал внутренних мигрантов? Например, В.И. Мукомель для измерения уровня и потенциала интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов предложил следующие критерии: идентификация с жителями данного населённого пункта, использование русского языка в повседневном общении, позитивная оценка отношений с принимающим населением, отсутствие агрессии в отношении других этнических групп [1, с. 149]. Проведённый анализ предыдущих исследований позволил остановиться на выборе аналитических измерений интеграции, предложенных Н. Entzinger, R. Penninx, B. Garcés-Mascareñas [9; 10], операционализировав их исходя из целей данного исследования. Выбранная классификация представляется в данном случае наиболее приемлемой. Во-первых, следует ответить на вопрос, что для мигранта означает идентификация с местным населением: Пользование одной инфраструктурой? Гордость за историческое прошлое? Решение

одних и тех же насущных задач? Используя количественный метод (анкетный опрос) сложно предположить, с какой именно частью принимающего общества может идентифицировать себя мигрант. В небольшом населённом пункте или малом городе с более или менее однородным составом населения данный критерий может быть продуктивным, однако для мегаполиса с пространственной, социальной, экономической и иной дифференциацией наиболее точно эта задача может быть решена только качественными методами (например глубинным интервью). Во-вторых, современный мир очень мобилен, люди гораздо реже переезжают «раз и навсегда» либо реализуют транснациональный/транслокальный сценарий, находясь одновременно «и здесь, и там». Индикаторы интеграционного потенциала были разработаны с учётом приведённого обзора исследований, стандартных вопросов (паспортичка), а также целей настоящего исследования. В связи с тем, что изначально модель аналитических измерений интеграции, предложенная Н. Entzinger, R. Penninx, B. Garcés-Mascareñas, создавалась для оценки интеграции иммигрантов, мы ввели свои эмпирические индикаторы, отражающие интеграционный потенциал мигрантов (ресурсы, средства и условия для развития). Следовательно, целесообразно построить следующую теоретическую модель анализа интеграционного потенциала в политико-правовом, социально-экономическом, культурно-религиозном измерении (таблица 1).

Таблица 1

Измерения, интерпретация и эмпирические индикаторы, предложенные для измерения интеграционного потенциала внутренних мигрантов

Table 1

Dimensions, Interpretation and Empirical Indicators Proposed for Measuring the Integration Potential of Internal

№№	Измерение	Интерпретация	Индикаторы
1	Политико-правовое	проблемы законности пребывания мигрантов, их статусы	соблюдение законодательства мигрантами при оформлении своего пребывания на принимающей территории, взаимодействие с сотрудниками правоохранительных органов, степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге по данному измерению (соблюдение прав).
2	Социально-экономическое	трудоустройство, доступ мигрантов к жилью, образованию и здравоохранению	достигнутый уровень образования ⁵ , учебная и трудовая занятость на текущий момент, жилищные условия, уровень и источники дохода, степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге по данному измерению (образ жизни, медицинское обслуживание, жилищные условия, устройство на учёбу, трудоустройство).

⁵ Уровень образования и уровень дохода отражены в таблице 2.

№№	Измерение	Интерпретация	Индикаторы
3	Культурно-религиозное	относится к переживаниям и практикам мигрантов в процессе включения в принимающее общество, а также к реакциям автохтонного и вновь прибывающего населения на культурные различия	случаи предвзятого отношения со стороны принимающего общества из-за национальной/религиозной принадлежности мигрантов, конфликтность в общении с местным населением, круг общения, трудности в общении с местным населением, отношение к бракам с представителем иной национальности, степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге по данному измерению (питание ⁶ , проведение досуга, установление хороших отношений с местными жителями).

Источник: составлено автором на основании модели Н. Entzinger, R. Penninx, B. Garcés-Mascareñas.

Для рассмотрения интеграционного потенциала внутренних мигрантов в разных измерениях (политико-правовом, социально-экономическом и культурно-религиозном) мы обратились к анкетному опросу дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге. Генеральной совокупностью в данном исследовании являются дагестанцы, проживающие в Санкт-Петербурге, в возрасте от 16 до 35 лет, и переехавшие в Санкт-Петербург непосредственно из Республики Дагестан. Выборочная совокупность формировалась комбинированным способом: приглашение непосредственно от исследователя принять участие в опросе на совместном мероприятии КПЦ «Дагестан» и СПбОО «Содружество Молодёжи Дагестана» и самоотбор (self-selection sampling)⁷ – участие в опросе респондентов по собственной инициативе, размещённом в группах некоммерческих организаций – КПЦ «Дагестан» и СПбОО «Содружество Молодёжи Дагестана», а также в группе, ориентированной на проживающих в Санкт-Петербурге земляков из Дагестана, в со-

циальной сети «ВКонтакте». Репрезентативность выборки не обеспечена в силу неопределённости параметров генеральной совокупности, однако это не умаляет достигнутого научного результата. Анкетный опрос проходил с 20 апреля по 20 мая 2019 года. Опрашивались представители молодёжи из Дагестана, проживающие в Санкт-Петербурге (в том числе проживающие с рождения – 23 респондента), в возрасте от 16 до 35 лет. В рамках настоящей статьи будут проанализированы данные только 280 респондентов, непосредственно совершивших переезд из Республики Дагестан в Санкт-Петербург. База данных формировалась и результаты анкетного опроса обрабатывались с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics. В данном блоке анкеты нами были заимствованы некоторые вопросы [12, с. 277–279; 13, с. 62, 77, 82].

Основные социально-демографические характеристики опрошенной молодёжи из Дагестана, проживающей в Санкт-Петербурге, отражены в таблице 2.

Таблица 2

Основные социально-демографические характеристики, в %⁸

Table 2

Main Socio-Demographic Characteristics, in %

Характеристики		Распределение респондентов
Возраст, лет	16–19	13,2
	20–23	28,2
	24–27	28,9
	28–31	17,5
	32–35	9,7
Семейный статус	Холост/не замужем	62,1
	Женат (замужем)	31,8
	Разведён(-а)	5,3

⁶ Практики питания во многом обусловлены национально-религиозными потребностями.

⁷ Подробнее см.: Bethlehem J. How accurate are self-selection web surveys. The Hague/Heerlen: Statistics Netherlands. 2008. URL: <https://peilingpraktijken.nl/wp-content/uploads/2014/06/bethlehem04.pdf> (дата обращения: 25.08.2024).

⁸ 2,5% респондентов не указали возраст, 0,4% – не указали семейный статус, 1,1% – не указали наличие/отсутствие детей, 0,4% – не ответили на вопрос об уровне образования, 0,7% – уровень образования попадает в категорию «Другое», 4,2% – не ответили на вопрос об уровне дохода, 2,1% – место исхода попадает в категорию «Другое», 7,9% – не ответили на вопрос о месте исхода.

Окончание Таблицы 2

	Характеристики	Распределение респондентов
	Вдовец/вдова	0,4
Наличие детей	Нет детей	72,1
	Да, 1 ребёнок	12,5
	Да, 2 ребёнка	12,1
	Да, 3 ребёнка	1,4
	Да, более 3-х детей	0,8
Уровень образования	Общее полное (11 классов)	13,9
	Высшее	38,6
	Неоконченное высшее	17,8
	Среднее специальное	24,3
	Неоконченное среднее	2,5
	Степень кандидата наук	1,8
Уровень дохода ⁹	Ниже прожиточного минимума	17,9
	Соответствует прожиточному минимуму	19,2
	Немного выше прожиточного минимума	22,5
	Выше в два раза	15,4
	Выше в три раза	10,4
	Выше в четыре раза и более	10,4
Место исхода	Город	57,1
	Село	32,9
Продолжительность проживания в Санкт-Петербурге	Меньше года	7,9
	1–3 года	30,3
	4–6 лет	27,9
	7–10 лет	18,9
	Более 10 лет	15,0

Источник: данные авторского социологического исследования.

Распределение респондентов по полу практически равно: 47,9% – женщин и 52,1% – мужчин. Наиболее многочисленные дагестанские этнические группы в Санкт-Петербурге соотносятся с наиболее многочисленными автохтонными этносами, проживающими в Республике Дагестан: аварцы 28,6% (80 чел.), лезгины 18,2% (51 чел.), кумыки 16,8% (47 чел.), 11,4% даргинцы (32 чел.), табасаранцы 7,5% (21 чел.), лакцы 6,1% (17 чел.) и др.

Результаты исследования

Интеграционный потенциал внутренних мигрантов в разных измерениях:

1. Политико-правовое измерение

Как отмечалось выше, внутренние мигранты обязаны легализовать своё нахождение в ином

субъекте РФ. Прибывшему в другой субъект гражданину РФ на срок более 90 дней необходимо оформить временную регистрацию (регистрацию по месту пребывания). Однако распространена практика покупки фиктивной¹⁰ регистрации по месту пребывания или проживания без оформления временной регистрации, в связи с чем невозможно подсчитать точное количество внутренних мигрантов на территории Санкт-Петербурга (сравнение времени проживания и статуса нахождения в ином субъекте РФ респондентов отражено на рисунке 1¹¹).

¹⁰ Под фиктивной регистрацией мы понимаем регистрацию в жилом помещении без намерения пребывать (проживать) в этом помещении, эта популярная услуга активно предлагается разными фирмами за определённую плату. Данная услуга особенно востребована в крупных городах, даже несмотря на введение с 2013 года уголовной ответственности согласно ст. 322.2 УК РФ.

¹¹ Не вошли имеющие фиктивную регистрацию: актуально для 1,1%, все проживают в городе 1–3 года.

⁹ Уровень дохода респондентов (на одного члена семьи относительно прожиточного минимума 11 055 руб./мес. по Санкт-Петербургу за IV квартал 2018 г.).

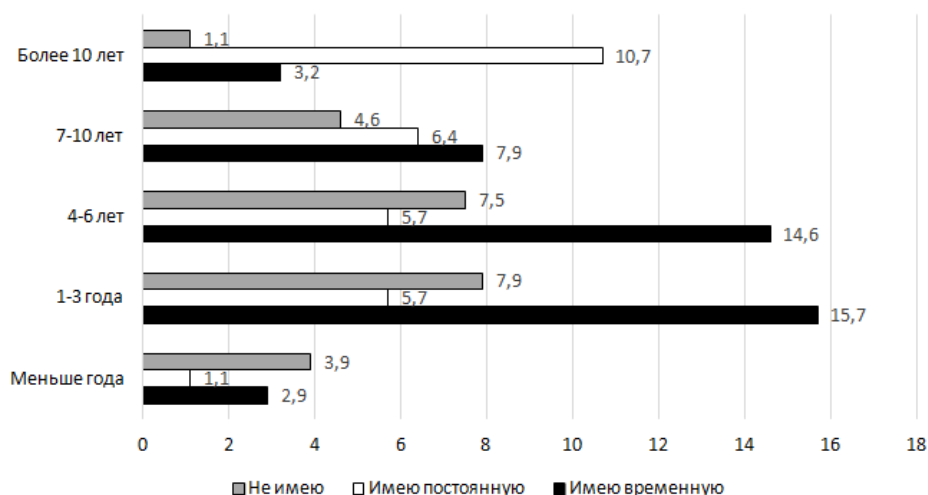

Рисунок 1. Сравнение времени проживания в Санкт-Петербурге и наличия регистрации, в %
Figure 1. Comparison of Residence Time in St. Petersburg and the Availability of Registration, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

Таким образом, пятая часть мигрантов (22,2%¹²) не имеет регистрации, то есть они не учтены официально. Несмотря на кажущуюся очевидность соответствия политических статусов внутренних мигрантов и принимающего общества в действительности при реализации ч.1 ст. 27¹³ Конституции РФ, согласно которому «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства», отсутствие регистрации по месту пребывания или наличие временной регистрации влечёт за собой ряд ограничений/неудобств, например:

- приказ Минпросвещения РФ от 02.09.2020 № 458 «Об утверждении порядка приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования»¹⁴ закрепляет территориальный принцип поступления в российские школы: **первоочередное право на поступление в школу** имеют дети, проживающие на закреплённой за школой территории (подтверждается предоставлением копии документа о регистрации ребёнка по месту жительства или по месту пребывания на закреплённой территории), только потом зачисляются все остальные претенденты без учёта фактора закрепления на территории, но только

¹² За исключением проживающих менее года (3,9%), включая имеющих фиктивную регистрацию (1,1%).

¹³ Конституция Российской Федерации. Раздел I. Гл. 2. Ст. 27.

¹⁴ Приказ Минпросвещения РФ от 02.09.2020 г. № 458 «Об утверждении порядка приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» (в ред. приказов Минпросвещения РФ от 08.10.2021 № 707, от 30.08.2022 № 784, от 23.01.2023 № 47, от 30.08.2023 № 642).

если останутся свободные места. Таким образом, у детей с местной пропиской/временной регистрацией больше шансов попасть в желаемое учебное заведение.

- Федеральным законом №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁵ наделение гражданина избирательным правом и правом на участие в референдуме обусловлено в том числе нахождением его места жительства или места пребывания в пределах избирательного округа. Хотя с 2019 года¹⁶ граждане с временной регистрацией получили право голосовать на региональных выборах и референдумах, но подавать заявление о включении в список избирателей необходимо не менее чем за три месяца до дня голосования. При отсутствии регистрации голосование невозможно. Также действует ограничение на выборах в органы местного самоуправления – проголосовать, находясь в другом регионе, не получится. Конечно, в настоящее время постепенно по субъектам РФ вводят дистанционное электронное голосование (ДЭГ), но на 2024 год ДЭГ доступно только для 26 субъектов,¹⁷ в Республике Дагестан к 2025 году ДЭГ не применялся.

С иными ограничениями при отсутствии регистрации по месту пребывания можно ознако-

¹⁵ Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

¹⁶ Федеральный закон от 29.05.2019 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹⁷ Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России // Дистанционное электронное голосование: [сайт]. URL: vybory.gov.ru (дата обращения: 12 августа 2024).

миться на ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», к ним относится постановка на учёт в центре занятости и получение статуса безработного, оформление социальных пособий и др.¹⁸

Для увеличения интеграционного потенциала в политико-правовом измерении одним из решений представляется изменение порядка оформления внутренними мигрантами своего пребывания в ином субъекте РФ. Например, А.Н. Жеребцов [14] предлагает в развитие Федерального закона от 08 июня 2020 года № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» ввести цифровой профиль мигранта – аккаунт, имеющий персональный и идентификационный код, принадлежащий мигранту, содержащий достоверные общедоступные, специальные, биометрические персональные данные. Таким образом будет решена проблема административно-правового регулирования: воссоздана реальная картина, отражающая нагрузку на социальную инфраструктуру, получена возможность в полной мере реализовывать активное избирательное право, создана более облегчённая система получения пособий, в том числе по безработице, и т.д.

В целом, наличие официальной временной регистрации или постоянной прописки у выход-

цев из Республики Дагестан влияет на ощущение комфортности жизни в Санкт-Петербурге, в том числе при взаимодействии с сотрудниками правоохранительных органов. Проведённый анкетный опрос зафиксировал наличие случаев интолерантности со стороны сотрудников правоохранительных органов (24,6%) и при оформлении документов (24,3%). Данные социологических исследований, проведённых в конце первой декады 2000-х зафиксировали, «что не принадлежащие к «титульной нации» граждане РФ подвергаются уличным милицейским¹⁹ проверкам не реже трудовых мигрантов, приехавших в Петербург из среднеазиатского и кавказского регионов» [15, с. 247]. Этнически избирательный контроль был зафиксирован Григорьевой К. [16, с. 300], где основным источником эмпирических данных выступали документальные источники, содержащие распоряжения и отчёты органов законодательной и исполнительной власти об осуществлении этнически избирательного контроля посредством: этнически избирательного сбора информации и избирательных «проверочных мероприятий».

2. Социально-экономическое измерение

Включение респондентов в трудовую и образовательную деятельность отражено на рисунке 2.

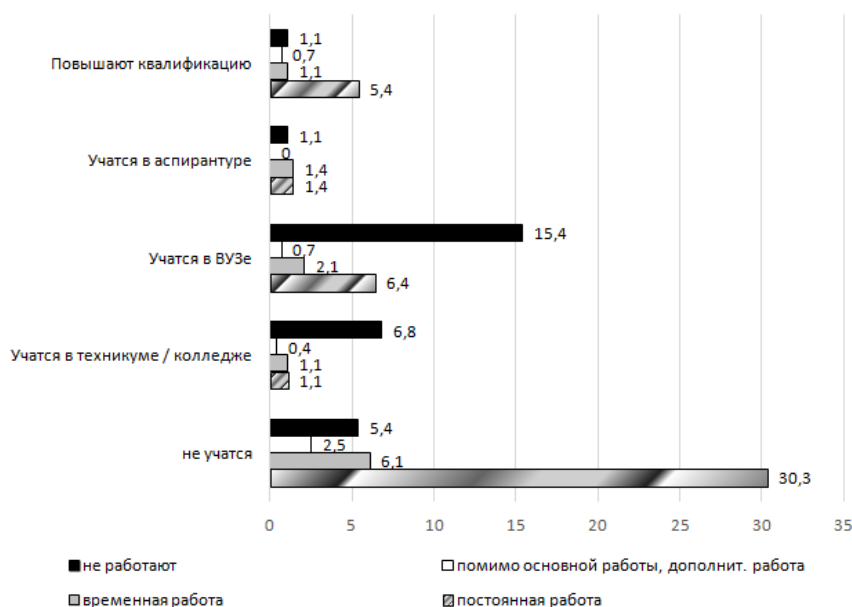

Рисунок 2. Трудовая и образовательная деятельность, в %²⁰
Figure 2. Work and Educational Activities, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

¹⁸ Зачем нужна временная регистрация // Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»: [сайт]. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/temporary_registration/101280 (дата обращения: 12 августа 2024).

¹⁹ После реформы 2011 года – полиция.

²⁰ Не включены следующие категории: «находятся в декретном отпуске», «получают второе высшее», «учатся на курсах», «другое».

Дагестанская молодёжь активно включена в трудовую и образовательную деятельность (не вовлечённых ни в одну деятельность – 5,4%). Ос-

новные источники доходов респондентов представлены на рисунке 3.

Рисунок 3. Основные источники доходов респондентов, в %
Figure 3. Main Sources of Income of Respondents, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

Ожидаемо, что у большинства респондентов главный источник дохода – заработная плата по основному месту работы (61,8%). При том, что 34,3% являются студентами техникума/колледжа (9,3%) и университета (25,0%), закономерно,

что второй по популярности основной источник доходов – помощь родителей (29,6%), стипендия (18,6%) и постоянные подработки (18,6%). Жилищные условия респондентов отражены на рисунке 4.

Рисунок 4. Жилищные условия в Санкт-Петербурге, в %²¹
Figure 4. Housing Conditions in St. Petersburg, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

14,6% респондентов указали, что имеют собственное жильё в Санкт-Петербурге, совокупно 16,4% проживают в семейно-родственном окружении (живут с родителями и родственниками).

3. Культурно-религиозное измерение

Процесс интеграции внутренних мигрантов в принимающее общество проходит в условиях, которые могут либо способствовать, либо замедлять или мешать интеграции и реализации имеющегося потенциала мигрантов. В отношении иноэтнических мигрантов одним из таких барьеров интеграции является уровень этнического

негативизма, в том числе наличие/отсутствие этнических предрассудков: чем выше уровень этнического негативизма и чем сильнее предрассудки, тем ниже интеграционный потенциал принимающего общества [12; 17 и др.], соответственно, тем меньше возможностей для реализации интеграционного потенциала мигрантов. Конечно, истоки негативизма могут крыться в банальных экономических, социальных и иных причинах, но, как правило, в ситуациях напряжённости или открытых столкновений легко приобретают иную окраску (этническую, религиозную и т.д.). В настоящее время в России действует Стратегия государственной национальной политики РФ

²¹ 0,7% респондентов не ответили на данный вопрос.

на период до 2025 года²² (Стратегии-2025), где одними из ключевых показателей успешности реализации Стратегии-2025 являются – состояние межнациональных (межэтнических) отношений и отсутствие дискриминации. Промежуточными результатами реализации Стратегии-2025 с 2012 по 2018 год стали следующие показатели (по результатам социологических опросов): 78,4% граждан от общего количества опрошенных положительно оценивают состояние межнациональных (межэтнических) от-

ношений, 93% граждан отмечают отсутствие в отношении себя дискриминации по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Для того чтобы быть интегрированным, мигрант должен ощущать себя частью принимающего (принявшего) общества. Важную роль здесь, конечно, играют взаимоотношения: есть ли этнические предрассудки и иные проявления интолерантности (опыт респондентов по данному показателю отражён на рисунке 5).

Рисунок 5. Случаи предвзятого отношения из-за национальной/религиозной принадлежности, в %
Figure 5. Cases of a Biased Attitude due to National/Religious Affiliation, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

В целом отмечен довольно высокий уровень интолерантности (подробнее рисунок 5 рассмотрен в заключении). При этом о случаях конфликтов с местными жителями сообщило 26,4% респондентов. Таким образом случаи предвзятого отношения из-за национальной/религиозной принадлежности не так часто приводят к открытому проявлению недовольства. Не испытывают трудностей в общении с местным населением, вызванных культурными различиями²³, – 64,7% опрошенных, примерно четверть испытывает небольшие трудности (23,9%), значительные трудности – 2,1%, и не видят культурных различий 8,6%. В целом дагестанская молодежь привыкла жить в ситуации полиэтничности.

Эффективность процесса интеграции также во многом зависит от интенсивности связей в повседневной жизни с представителями принима-

ющего общества, поскольку чем интенсивнее позитивные связи, тем сильнее интегрирован индивид. В целом наблюдается высокая внутригрупповая сплочённость, поскольку ближайший круг общения совокупно 84,3% респондентов составляют в том числе родственники (37,9%) и земляки (46,4). 6,4% оказались абсолютно не вовлечёнными в интенсивные социальные сети, указав на полное отсутствие друзей. Однако наиболее явно открытость/закрытость групп наблюдается в отношениях к бракам с представителями иных национальностей. Так при ответе на вопрос анкеты: «Если бы ваша сестра (при отсутствии сестры другая родственница) решила бы выйти замуж за русского, то вы...» 41,4% опрошенных указали, что религиозная принадлежность потенциального члена семьи играет решающую роль. В целом это ожидаемый показатель, поскольку Республика Дагестан – полиэтничный регион, где доминирующей религией является ислам, соответственно, данная брачная модель

²² Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

²³ Другое – 0,7%.

считается приемлемой. Категорически неодобрительное отношение – осуждение и попытки отговорить отметили 18,9%. Отдавая дань традиционному укладу 17,1%, выбрали ответ «у нас всё решают родители». Безоговорочно позитивно предполагаемое родство с представителем иной национальности (в данном случае – русским) восприняло 15,0% опрошенных. Похожие результаты демонстрирует исследование К.И. Казенина и И.В. Стародубровской дагестанских мигрантов в Астрахани [18]. В ходе исследования было выявлено, что «среднее число людей той же национальности, что и респондент, среди пяти человек, контакты с которыми наиболее часты, у молодёжи – 3,1, а у более старших – 3,6%» [18, с. 421]. К.И. Казенин и И.В. Стародубровская приходят к выводу, «что в условиях отсутствия дискриминации мигрантов и ассимиляционного давления на них происходит постепенная интеграция в том числе и представителей замкнутых переселенческих

сообществ, причём эта интеграция характеризуется низкой конфликтностью, хотя всё равно сопровождается достаточно высоким уровнем стресса (особенно у девушек). Можно также утверждать, что подобные условия способствуют интеграции в культуру мейнстрима, а не в контркультуру, поскольку система образования обеспечивает перспективу вертикальных лифтов и необходимую социализацию в принимающем обществе. В то же время в определённой мере интеграция происходит в мусульманскую культуру – так, для молодёжи могут быть менее важны браки с односельчанами или в рамках своей этнической группы, но повышается важность религиозной общности супругов» [18, с. 425].

В качестве итога рассмотрим интеграционный потенциал дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, используя как критерий степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге (рисунок 6).

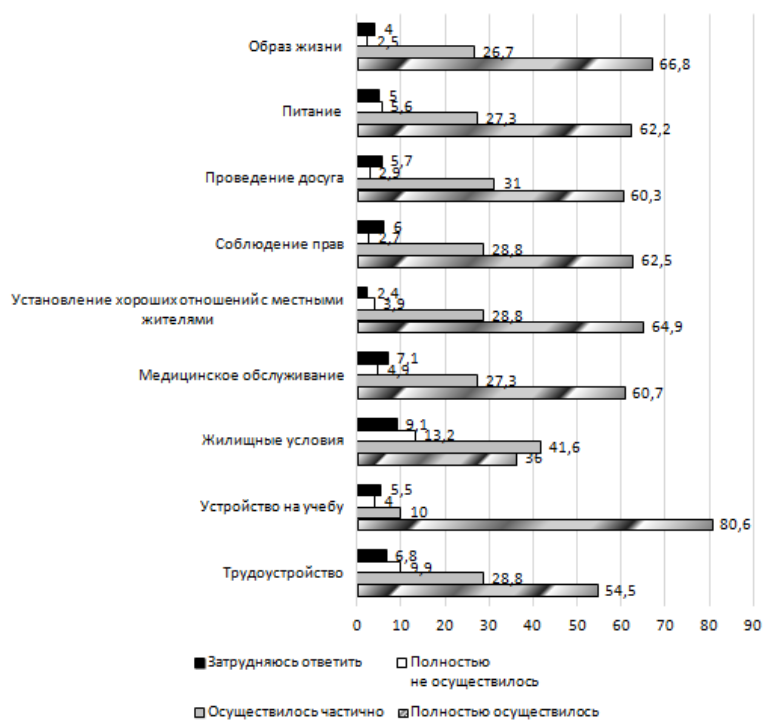

Рисунок 6. Степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге, в %
Figure 6. The degree of implementation of intentions in the new living conditions in St. Petersburg, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

Выводы

Исследование продемонстрировало неоднозначность интеграционного потенциала внутренних мигрантов в разных измерениях: политико-правовом, социально-экономическом, культурно-религиозном, также показана взаимозависимость измерений.

Степень осуществления намерений дагестанской молодёжи в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге (рисунок 6) выбрана в качестве критерия интеграционного потенциала дагестанской молодёжи потому, что чем выше степень осуществления намерений, тем позитивнее и продуктивнее взаимодействие с принимающим обществом,

соответственно, выше интеграционный потенциал приезжих, однако, на реализацию намерений помимо личностных характеристик самых мигрантов существенное влияние оказывает принимающая среда, особенно, если она подвержена этническим и религиозным предрассудкам.

Полное осуществление намерений в части соблюдения прав отметили 62,5% опрошенных, частичное – 28,8%, при этом 24,6% сообщили о случаях предвзятого отношения со стороны сотрудников правоохранительных органов и 24,3% при оформлении документов.

Показатели социально-экономического измерения оказались наиболее разбросанными. Самой неотрегулированной оказалась жилищная сфера – 67,1% опрошенных отметили случаи предвзятого отношения при попытках снять жильё. При этом в этой же сфере наблюдается самое низкое осуществление намерений. Это единственный показатель, где количество респондентов, чьи намерения осуществились частично (41,6%), превышает тех, чьи намерения осуществились полностью (36,0%), также самый высокий показатель тех, чьи намерения полностью не осуществились (13,2%). Таким образом, как ответ на вызовы миграции осложнены пути интеграции в жилищной сфере. Трудоустройство занимает второе место по степени наименьшего осуществления намерений: на полное осуществление указали 54,5% опрошенных, на частичное – 28,8%, на полное неосуществление – 9,9%, при этом трудоустройство входит в тройку наиболее дискриминационных сфер – 34,6% указали на случаи предвзятого отношения при приёме на работу. При этом очень высока степень вовлечения дагестанской молодёжи в трудовую и образовательную деятельность (доля не вовлечённых ни в одну деятельность – 5,4%). Также устройство на учёбу – наиболее успешная деятельность в части осуществления намерений (полное осуществление – 80,6%, частичное – 10%). Наименее дискриминационная сфера – медицинское обслуживание, всего с предвзятым отношением сталкивались 13,6%, при этом степень осуществления намерений при оказании медицинских услуг находится только на четвёртой позиции (полное осуществление – 60,7%, частичное – 27,3%).

Культурно-религиозное измерение также содержит некоторый ряд проблем. Предвзятость на улице или в транспорте отмечена каждым четвёртым опрошенным (40%). Четвёртая по уровню предвзятого отношения сфера – это отношения с соседями (28,9%), при этом наблюдается общее установление хороших отношений с местными жителями – 64,9% (полное осуществление намерений) и 28,8% (частичное). Это может быть объяснено тем, что соседей не выбирают. Также высок уровень групповой сплочённости, тем не менее, группа характеризуется открытостью, основанной помимо прочего на установлении хороших отношений с местными жителями, что, по нашему мнению, является следствием наличия опыта проживания в поликультурном регионе, где доминирующим фактором оказывается религия, создающая объединяющий контекст. Несмотря на то, что практики питания во многом обусловлены национально-религиозными потребностями (в основе лежат религиозные предписания («халаль»)), а также имеются национальные/региональные особенности, тем не менее 62,2% полностью осуществили свои намерения в сфере питания и 27,3% частично осуществили, но при этом 5,6% полностью не осуществили свои намерения. Функционирование инфраструктуры удовлетворения национально-религиозных потребностей в области питания дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, отражено в [19], также популярны пищевые трансферты из региона исхода в регион проживания [20]. Предпоследняя по предвзятости сфера – проведение досуга (18,9%), при этом по степени осуществления намерений досуг отмечен как третий по неуспешности – 60,3% – полное осуществление, 31% – частичное осуществление, возможно это может быть связано с тем, что содержание досуга не соответствует желаемому. Образ жизни занимает второе место по степени осуществления намерений – 66,8% (полное осуществление) и 26,7% – (частичное) и демонстрирует самый низкий показатель по степени их неосуществления – 2,5%, что в том числе свидетельствует об успешности освоения мигрантами места вселения, несмотря на наличие рассмотренных выше трудностей.

Список источников

1. Мукомель В.И. Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Федерализм. 2018. № 2. С. 141–160. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2018-2> EDN XSCKXZ
2. Табылгинова Л.А. Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция» // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2011. № 4(39). С. 196–201. EDN OEYMCN
3. Berry J.W. Integration and Multiculturalism: Ways towards Social Solidarity // Papers on Social Representations. 2011. Vol. 20. No. 1. P. 2.1–2.21.

4. Park R.E. The Nature of Race Relations // *Race Relations and the Race Problem* / ed. by E.T. Thompson. Durham: Duke University Press, 1939. P. 3–45.
5. Gordon M.M. *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins*. New York: Oxford University Press, 1964. 288 p.
6. Vertovec S. *Superdiversity: Migration and Social Complexity*. 1st ed. London: Routledge, 2022. 236 p. <https://doi.org/10.4324/9780203503577>
7. Esser H. Does the «New» Immigration Require a «New» Theory of Intergenerational Integration? // *International Migration Review*. 2006. Vol. 38. No. 3. P. 1126–1159. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x>
8. Heckmann F., Bosswick W. *Integration and integration policies: IMISCOE network feasibility study*. Germany: Bamberg, 2005. 277 p.
9. Entzinger H. The dynamics of integration policies: a multidimensional model // *Challenging immigration and ethnic relations politics: Comparative European perspectives* / eds. by K. Koopmans, P. Statham. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 97–118. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198295600.003.0005>
10. Penninx R., Garcés-Masareñas B. The Concept of Integration as an Analytical Tool and as a Policy Concept // *Integration Processes and Policies in Europe* / eds. by B. Garcés-Masareñas, R. Penninx. IMISCOE Research Series. Springer, 2016. P. 11–29. ISBN 978-3-319-21674-4 https://doi.org/10.1007/978-3-319-21674-4_2
11. Воронина Т.В. Интеграционный потенциал стран СНГ: перспективы его реализации // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2011. № 1(33). С. 112–121. EDN OXEVXJ
12. Кузнецов И.М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // *Россия реформирующаяся*. 2008. № 7. С. 273–288. EDN PBVCHD
13. Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В., Маслова Т.Ф. Мигранты в социокультурном пространстве региона: социологические очерки. М.: Инфра-М, 2009. 176 с. ISBN 978-5-98281-158-5 EDN SDQPRP
14. Жеребцов А.Н. Внутренняя миграция населения: проблемы содержания и перспективы административно-правового регулирования // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022. № 14(3). С. 37–43. https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-37-43_EDN_FQFIEY
15. Воронкова В., Гладарева Б., Сагитовой Л. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия. СПб.: Алетейя, 2011. 638 с. ISBN 978-5-9141-9537-0. EDN SURAZT
16. Григорьева К.С. Этнически избирательный контроль: дисфункция правоохранительной системы или социальный институт? // *Журнал исследований социальной политики*. 2020. Том 18. № 2. С. 299–312. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-299-312>
17. Арутюнова Е.М., Кузнецов И.М. Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере Республики Саха (Якутия)) // *Вестник Института социологии*. 2021. Том 12. № 2. С. 83–100. https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.725_EDN_OHJEFZ
18. Казенин К.И., Стародубовская И.В. Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 4(164). С. 405–428. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901_EDN_ZTNFRV
19. Шекева Е.А. Конструирование социальной карты питания дагестанской молодежи в Санкт-Петербурге: гражданская наука как альтернативный способ сбора данных // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2023. № 2(49). С. 158–172. https://doi.org/10.18799/26584956/2023/2/1536_EDN_NNMDON
20. Канустина Е.Л. Пищевые трансферты в жизни мигранта: специфика миграции между Дагестаном и городами Западной Сибири // *Кунсткамера*. 2020. № 2(8). С. 191–200. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-2\(8\)-191-200_EDN_APHTDH](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-2(8)-191-200_EDN_APHTDH)

Информация об авторе:

Шекева Екатерина Александровна – соискатель учёной степени кандидата социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (SPIN-код: 6316-9036) (РИНЦ Author ID: 1207005) (ResearcherID: R-2114-2017)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Mukomel V.I. Regional Specificity of Integration of Internal Ethnic Migrants. *Federalizm=Federalism*. 2018;(2):141-160. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2018-2> (In Russ.)
2. Tabylgina L.A. The Main Scientific Approaches to the Concept of «Social Integration». *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta=Scholarly Notes of Transbaikal State University*. 2011;(4(39)):196-201. (In Russ.)
3. Berry J.W. Integration and Multiculturalism: Ways towards Social Solidarity. *Papers on Social Representations*. 2011;20(1):2.1-2.21.
4. Park R.E. The Nature of Race Relations. In: Thompson E.T. (ed.) *Race Relations and the Race Problem*. Durham: Duke University Press; 1939. P. 3–45.
5. Gordon M.M. *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins*. New York: Oxford University Press; 1964. 288 p.
6. Vertovec S. *Superdiversity: Migration and Social Complexity* 1st ed. London: Routledge; 2022. 236 p. <https://doi.org/10.4324/9780203503577>

7. Esser H. Does the «New» Immigration Require a «New» Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*. 2006;38(3):1126–1159. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x>
8. Heckmann F., Bosswick W. Integration and integration policies: IMISCOE Network Feasibility Study. Germany: Bamberg; 2005. 277 p.
9. Entzinger H. The Dynamics of Integration Policies: A Multidimensional Model. In: Koopmans R., Statham P. (eds.). *Challenging Immigration and Ethnic Relations Politics: Comparative European Perspectives*. Oxford: Oxford University Press; 2000. P. 97–118. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198295600.003.0005>
10. Penninx R., Garcés-Mascareñas B. The Concept of Integration as an Analytical Tool and as a Policy Concept. In: Garcés-Mascareñas B., Penninx R. (eds). *Integration Processes and Policies in Europe*. IMISCOE Research Series. Springer; 2016. P. 11–29. ISBN 978-3-319-21674-4 https://doi.org/10.1007/978-3-319-21674-4_2
11. Voronina T.V. Integratsionnyi Potentsial Stran SNG: Perspektivy Ego Realizatsii. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH)=Vestnik of Rostov State Economic University (RINH)*. 2011;(1(33)):112–121. (In Russ.)
12. Kuznetsov I.M. Migranty v Megapolise i Provintsii: Variativnost' Realizatsii Integratsionnogo Potentsiala. *Rossiia Reformiruyushchayasya*. 2008;(7):273–288. (In Russ.)
13. Gritsenko G.D., Dmitriev A.V., Maslova T.F. Migranty v Sotsiokul'turnom Prostranstve Regiona: Sotsiologicheskie Ocherki. Moscow: Publishing House Infra-M; 2009. 176 p. ISBN 978-5-98281-158-5 (In Russ.)
14. Zhrebtsov A.N. Internal Migration of the Population: Problems of Content and Prospects of Administrative and Legal Regulation. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta=Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;(14(3)):37–43. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-37-43> (In Russ.)
15. Voronkov V., Gladarev B., Sagitova L. Militiya i Ehtnicheskie Migranty: Praktiki Vzaimodeistviya. St. Petersburg: Aleteiya; 2011. 638 p. ISBN 978-5-9141-9537-0 (In Russ.)
16. Grigor'eva K.S. Racial Discrimination in Policing: Dysfunction in the Law Enforcement System or a Social Institution? *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=The Journal of Social Policy Studies*. 2020;18(2):299–312. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-299-312> (In Russ.)
17. Arutyunova E.M., Kuznetsov I.M. Integration Potential of Migrants and the Host Society: Similarities and Differences (on the Example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Vestnik instituta sotziologii=The Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021;12(2):83–100. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.725> (In Russ.)
18. Kazenin K.I., Starodubrovskaya I.V. Daghestanian Migrants in Astrakhan: a Study of Integration Processes. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie I Social'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(4(164)):405–428. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901>. (In Russ.)
19. Shekera E.A. Design of the Social Nutrition Map of Dagestan Youth in St. Petersburg: Civil Science as an Alternative Way of Data Collection. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium=Journal of Wellbeing Technologies*. 2023;(2(49)):158–172. <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/2/1536> (In Russ.)
20. Kapustina E.L. Food Transfers in the Context of Translocal Migration from Dagestan to Western Siberia. *Kunstkamera*. 2020;(2(8)):191–200. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-2\(8\)-191-200](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-2(8)-191-200) (In Russ.)

Information about the author:

Ekaterina A. Shekera – applicant for the degree of PhD in Sociology, Saint Petersburg State University (SPIN-code: 6316-9036) (RSCI Author ID: 1207005) (ResearcherID: R-2114-2017)
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 15.06.2023; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 331.2

JEL B41, J31, O18, R12

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_7_436_446

EDN KAHNOW

Методический подход к оценке заработной платы работников в системе индикаторов экономического роста городских агломераций

Анастасия Николаевна Куликова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

(kulikova-anastacia@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0001-9016-1531>)

Аннотация

Несмотря на активное обсуждение городских агломераций как в научной среде, так и в сфере государственного регулирования, до сих пор не существует единых методологий для разработки стратегий их развития. Цель исследования заключалась в том, чтобы обосновать некорректность использования усреднённых показателей для диагностики экономического роста городских агломераций и предложить альтернативный подход к его оценке. Для достижения данной цели были решены следующие задачи: (1) определён уровень среднемесячной заработной платы работников городской агломерации (без учёта малого бизнеса); (2) посчитано распределение населения по уровню заработных плат в среднем по всей территории городской агломерации без учёта структуры экономики муниципальных образований; (3) посчитано распределение населения по уровню заработных плат в городской агломерации с учётом структуры экономики муниципальных образований. В работе была предложена альтернативная методология, основанная на анализе муниципальных образований, входящих в состав агломерации. Был исследован показатель среднемесячных заработных плат работников агломераций, выделяемый Министерством экономического развития РФ как один из ключевых для оценки экономического роста агломераций. Результаты подтвердили, что неравенство работников по уровню заработных плат в исследуемой агломерации было выше, чем определил анализ усреднённого показателя. Исследование привело к выводу, что для разработки мастер-планов и стратегий развития агломераций необходим более глубокий анализ с учётом структуры экономики каждого муниципального образования, входящего в агломерацию, а усреднённый показатель, рассчитанный для всей агломерации в целом, недостаточно точен.

Ключевые слова: агломерация, город, муниципальное образование, заработная плата, экономический рост, социально-экономическое развитие, рынок труда, Барнаул

Для цитирования: Куликова А.Н. Методический подход к оценке заработной платы работников в системе индикаторов экономического роста городских агломераций // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 436–446. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_7_436_446 EDN KAHNOW

RAR (Research Article Report)

JEL B41, J31, O18, R12

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_7_436_446

Methodological Approach to Assessing the Salary Level in the System of Indicators of Economic Growth of Urban Agglomerations

Anastasiya N. Kulikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

(kulikova-anastacia@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0001-9016-1531>)

Abstract

Despite the active discussion of urban agglomerations both in the scientific environment and in the sphere of state regulation, there are still no unified methodologies to develop strategies for their development. The aim of the study was to substantiate the incorrectness of using average indicators to diagnose the economic growth of urban agglomerations and to propose an alternative approach to its assessment. To achieve this goal, the following tasks were solved: (1) to determine the level of average monthly wages of employees in urban agglomeration (excluding small businesses); (2) to calculate the distribution of the population by the level of wages on average across the entire territory of urban agglomeration without taking into account the structure of the economy of municipalities; (3) to calculate the distribution of the population by the level of wages in urban agglomeration taking into account the structure of the economy of municipalities. The paper proposed an alternative methodology based on the analysis of municipal entities that make up the agglomeration. The indicator of average monthly wages of agglomeration employees, which is singled out by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation as one of the key indicators for assessing the economic growth of agglomerations, was studied. The results confirmed that the inequality of employees in terms of wages in the studied agglomeration was higher than the analysis of the average indicator determined. The study concluded that in order to develop agglomeration master plans and development strategies, a more in-depth analysis is needed, taking into account the economic structure of each municipality included in the agglomeration, and the average indicator calculated for the agglomeration as a whole is not sufficiently accurate.

Keywords: agglomeration, city, municipality, wages, economic growth, socio-economic development, labor market, Barnaul

For citation: Kulikova A.N. Methodological Approach to Assessing the Salary Level in the System of Indicators of Economic Growth of Urban Agglomerations. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):436–446. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_7_436_446 (In Russ.)

Введение

Современные города играют ключевую роль в развитии регионов. Они сосредотачивают в себе ресурсы, являются центрами экономической активности, оказывая влияние на все сферы жизни общества. Урбанизация – одно из самых значимых явлений нашего времени. Однако параллельно с ней происходят и другие процессы, меняющие пространственную и экономическую конъюнктуру. Во-первых, в крупных городах наблюдается субурбанизация – добровольное переселение людей из городов в их пригородные территории, благодаря чему люди могут получать преимущества сельской местности, сохраняя удобства городской жизни [1]. Во-вторых, происходит стремительное развитие транспортной сети, значительно увеличивающее доступность рабочих мест, образовательных, здравоохранительных и культурных учреждений для населения, проживающего за пределами города [2]. Таким образом, наблюдается тенденция к расширению городских территорий за пределы официальных границ. С социально-экономической точки зрения города и прилегающие к ним территории тесно связаны и представляют собой единую экосистему [3]. Муниципальные образования в их территориальных границах становятся всё более условными единицами для анализа и разработки стратегий развития. В связи с этим в последнее время чаще говорят о городских агломерациях, которые объединяют города-ядра и их окружение [4]. Это позволяет проводить более глубокий анализ и разрабатывать более точные рекомендации в сфере экономической, социальной и градостроительной политики.

В России уже начался процесс перехода от изучения отдельных городов к рассмотрению городских агломераций. Это связано с необходимостью комплексного подхода к развитию территории страны, а также с тем, что агломерации могут стать более эффективными и устойчивыми формами организации пространства [5]. В 2023 году Министерство экономического развития РФ утвердило Методические рекомендации по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций¹. Для оценки экономического роста городских агломераций в данном документе предлагается использовать четыре показателя, рассчитываемых по кругу крупных и средних предприятий (без субъектов малого предпринимательства):

- Объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами;

- Объём инвестиций в основной капитал, осуществляемых организациями, находящимися на территории муниципального образования;

- Среднесписочная численность работников организаций;

- Среднемесячная заработная плата работников организаций.

Конкретные методологические подходы к анализу и прогнозированию данных показателей на уровне агломерации в настоящий момент отсутствуют. В силу концентрации рабочих мест и более благоприятных условий жизни в центральном городе именно там сосредоточены население и экономическая деятельность, а по мере приближения к периферии они постепенно снижаются. В результате на территории агломерации социально-экономические показатели распределены неравномерно, поэтому усреднённый расчёт даёт неточную оценку.

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы обосновать некорректность использования усреднённых показателей для диагностики экономического роста городских агломераций и предложить альтернативный подход к его оценке. Эффективность предлагаемого подхода была продемонстрирована на показателе среднемесячной заработной платы работников организаций, который выделяется Министерством экономического развития РФ в качестве одного из показателей экономического роста городской агломерации. Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие задачи:

1. Определить уровень среднемесячной заработной платы работников городской агломерации (без учёта малого бизнеса);

2. Посчитать распределение населения по уровню заработных плат в среднем по всей территории городской агломерации без учёта структуры экономики муниципальных образований;

3. Посчитать распределение населения по уровню заработных плат в городской агломерации с учётом структуры экономики муниципальных образований.

Гипотеза исследования предполагает, что существующая методика оценки уровня заработных плат, базирующаяся на усреднённых показателях по всей агломерации, не обеспечивает достаточной точности из-за игнорирования различий в условиях труда и уровне экономического развития между центральными и периферийными территориями. Это приводит к искажению данных о реальной дифференциации заработных плат и, соответственно, доходов населения и требует разработки более детализированной методики.

¹ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 26.09.2023 г. № 669 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций».

ки с учётом структурных особенностей экономик муниципальных образований.

Объектом исследования выбрана одна из крупных агломераций Российской Федерации и центр экономического роста Алтайского края – Барнаульская городская агломерация. Предмет исследования – распределение работников данной агломерации по уровню среднемесячных заработных плат.

Согласно Схеме территориального планирования, в 2021 году в Барнаульскую агломерацию вошли Барнаул, Новоалтайск и Первомайский муниципальный район². В 2023 году Министерство экономического развития РФ предложило включить в состав агломерации также Павловский и Калманский районы. По информации СМИ³, сотрудничество с этими районами уже ведётся, хотя официально они пока не включены в агломерацию. В рамках данного исследования было принято решение рассмотреть агломерацию в составе, предложенном Министерством экономического развития, в который вошли Барнаул, Новоалтайск, Первомайский, Калманский и Павловский муниципальные районы.

Теоретические и методологические положения

В последние десятилетия наблюдается интерес к вопросам развития городских агломераций, что обусловлено растущим уровнем урбанизации и необходимостью разработки эффективных стратегий устойчивого развития территорий. Исследования в данной области акцентируют внимание на комплексном анализе проблем и перспектив развития агломераций, а также на роли агломерационного фактора в региональном и национальном экономическом росте [6]. Одной из ключевых тем является изучение проблем, с которыми сталкиваются агломерации, а также поиска путей их решения, где особое значение приобретает интеграция инновационных подходов, улучшение систем планирования и координации между различными уровнями управления [4]. Большое внимание уделяется исследованию положительного и отрицательного влияния агломерационного фактора на социально-экономическое развитие [7]. Агломерации способствуют концентрации экономических ресурсов и человеческого капитала, что является важным фактором повышения конкурентоспособности регионов и страны [8; 9]. Актуальной исследовательской задачей остаётся определение границ и состава агломераций, а

² Постановление Администрации Алтайского края от 12.11.2015 г. № 461 «Об утверждении схемы территориального планирования Барнаульской агломерации» (с изм. 09.12.2021 г.).

³ Павловский район вошёл в состав Барнаульской агломерации // Официальный сайт города Барнаула: [сайт]. URL: <https://barnaul.org/news/pavlovskiy-rayon-voshel-v-sostav-barnaulskoy-aglomeratsii.html> (дата обращения: 29.04.2025).

также разработка методологических подходов к их идентификации. Важность данного вопроса обусловлена необходимостью адаптации стратегий развития к специфике отдельных территорий [10]. Особое внимание уделяется положительно-му влиянию интеграции городских агломераций в стратегии регионального развития, что способствует достижению устойчивого экономического роста [11; 12; 13]. Исследование роли агломераций в региональном развитии подчёркивает их значимость как ключевых драйверов экономического роста. Агломерации способствуют формированию единого рынка труда, стимулируют инновационную активность и привлекают инвестиции, что, в свою очередь, положительно сказывается на уровне жизни населения и социально-экономическом потенциале регионов [14; 15].

Однако, несмотря на значительные достижения в изучении агломерационных процессов, остаются нерешённые вопросы, связанные с методологией анализа и стратегическим планированием на уровне агломерации, а также разработкой эффективных механизмов государственной поддержки [8]. Анализ проблем институционализации агломераций в России указывает на необходимость совершенствования правовой базы для обеспечения эффективного управления и координации между региональными и местными органами власти. Важным аспектом является также разработка механизмов финансирования проектов и привлечения частных инвестиций [16].

Особое внимание в исследованиях уделяется теме рынка труда. Анализ занятости, уровня безработицы и структуры рабочих мест позволяет выявить ключевые тенденции и факторы, влияющие на развитие агломерационных территорий [17; 18]. В связи с этим подчеркивается важность создания благоприятных условий для развития единого рынка труда и повышения конкурентоспособности рабочей силы [19; 20].

Таким образом развитие городских агломераций является важным фактором социально-экономического роста регионов и всей страны, требующим комплексного и инновационного подхода к исследованию. Однако, несмотря на значительные достижения в данной области, остаются нерешённые проблемы, требующие дальнейшего изучения темы.

Использованные данные и методы работы с ними

Исследование проводилось на основе открытых данных Федеральной службы государственной статистики. В работе были использованы наиболее актуальные на момент проведения исследования данные за 2023 год.

Расчёт структуры среднемесячной заработной платы населения осуществлялся для работников крупных и средних предприятий и был проведён двумя разными методами, каждый из которых состоял из двух этапов.

$$ЗП_{\text{ср}} = \frac{ССЧ_{\text{Б}} \times ЗП_{\text{Б}} + ССЧ_{\text{Н}} \times ЗП_{\text{Н}} + ССЧ_{\text{Пер}} \times ЗП_{\text{Пер}} + ССЧ_{\text{К}} \times ЗП_{\text{К}} + ССЧ_{\text{Пав}} \times ЗП_{\text{Пав}}}{ССЧ_{\text{Б}} + ССЧ_{\text{Н}} + ССЧ_{\text{Пер}} + ССЧ_{\text{К}} + ССЧ_{\text{Пав}}}$$

где:

$ЗП_{\text{ср}}$ – средняя заработная плата в агломерации;

$ЗП_{\text{Б/Н/Пер/К/Пав}}$ – заработная плата в Барнауле / Новоалтайске / Первомайском районе / Калманском районе / Павловском районе;

$ССЧ_{\text{Б/Н/Пер/К/Пав}}$ – среднесписочная численность работников организаций в Барнауле / Новоалтайске / Первомайском районе / Калманском районе / Павловском районе (без учёта субъектов малого предпринимательства).

По данной формуле были рассчитаны средние заработные платы в целом по рынку труда и отдельно по каждому виду экономической деятельности. Данный показатель позволяет сравнивать агломерации между собой, например, для составления индексов и рейтингов. Независимо от того, учитывался пространственный фактор или нет, уровень среднемесячной заработной платы оставался одинаковым, поэтому результат данного этапа совпадает для обоих методов.

Второй этап исследования заключался в построении распределения населения по уровню заработной платы и отличался для каждого из двух методов. В первом методе распределение было рассчитано без учёта пространственного фактора, то есть агломерация рассматривалась как единая территория, а особенности экономики составляющих ее муниципальных образований не принимались во внимание. Для каждой отрасли были определены численность работников и средняя заработная плата в данной отрасли по всей агломерации, пос-

Первый этап исследования был общим для обоих методов и заключался в вычислении среднемесячной заработной платы сотрудников организаций:

ле чего было построено распределение работников по уровню заработных плат. Недостаток данного метода заключается в том, что многие муниципальные образования внутри агломерации имеют свою специализацию. Например, сельское хозяйство обычно более развито в районах, чем в ядре агломерации, но при этом средние заработные платы даже в этой отрасли в городе-ядре могут быть на порядок выше. Если различие в заработных платах между ядром и близлежащими территориями значительное, это может привести к тому, что низкая заработная плата работников района будет искусственно завышена, и они будут считаться получающими зарплату на уровне средней или даже выше среднего.

Для решения данной проблемы можно сначала построить распределение работников по уровню заработной платы для каждого муниципального образования, а затем суммировать численность работников из разных муниципальных образований, имеющих одинаковый уровень оплаты труда, получив тем самым общее распределение работников по уровню заработной платы во всей городской агломерации. Поскольку муниципальные образования агломерации представляют собой единое территориальное пространство, средняя заработная плата, относительно которой строилось распределение, была взята одинаковой для всех (она была рассчитана на первом этапе анализа). В этом заключалась суть второго метода (рисунок 1).

	Существующая методика	Предлагаемая методика
Этап 1	1 Вычисление среднемесячной заработной платы работников организаций	1 Вычисление среднемесячной заработной платы работников организаций
Этап 2	2 Построение распределения работников по уровню заработных плат в среднем по агломерации относительно средней заработной платы агломерации	2.1 Построение распределения работников по уровню заработных плат для каждого муниципального образования относительно средней заработной платы агломерации
		2.2 Суммирование численности работников разных муниципальных образований с одинаковым уровнем оплаты труда относительно среднего по агломерации

Рисунок 1. Особенность предлагаемого методического подхода
Figure 1. The Peculiarity of the Proposed Methodological Approach

Источник: составлено автором.

Результаты

1. Среднемесячная заработная плата сотрудников организаций

В 2023 году средняя заработная плата в Алтайском крае по кругу крупных и средних предприятий составила 50,6 тыс. рублей в месяц – в 1,6 раз, или на 38,1%, ниже, чем в среднем по стране⁴. Наиболее высокий уровень оплаты труда наблюдался в Змеиногорском и Рубцовском районах,

что связано с разработкой здесь месторождений полиметаллов. Следом идут заработные платы в Барнауле и Новоалтайске – 58,7 тыс. рублей и 57,8 тыс. рублей в месяц соответственно, что всё же на 28,1% и 29,3% ниже, чем в среднем по РФ. Средний уровень оплаты труда работников в муниципальных районах, входящих в Барнаулскую агломерацию, почти в половину ниже, чем в среднем по РФ (рисунок 2).

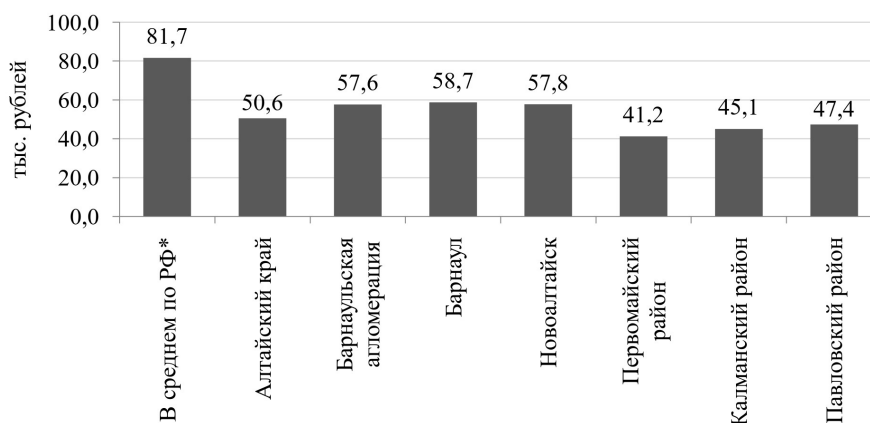

Рисунок 2. Среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) в 2023 году

Figure 2. The Average Monthly Salary of Employees of Organizations (Excluding Small Businesses) in 2023

* Значение показателя в среднем по РФ – расчёт автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики с учётом корректировки на разницу в уровне цен по сравнению с Алтайским краем.

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики^{5,6}.

Однако из-за территориальной близости и хорошей транспортной доступности между муниципальными образованиями в агломерации ежедневно происходит маятниковая миграция, в том числе с целью работы. Например, человек может жить в сельской местности, но ездить на работу в Барнаул. В таком случае его более высокая заработная плата учитывается в статистике Барнаула, а не того муниципального образования, где он проживает. Из-за этого рассматривать среднемесячную заработную плату отдельно по каждому муниципальному образованию, особенно по районам, окружающим город-ядро, неэффективно, такая оценка будет

неточной. Это одна из основных причин, почему важно проводить социально-экономический анализ для всей агломерации в целом, а не для населённых пунктов по отдельности, – изучение муниципальных образований изолированно может исказить результаты.

83,2% исследованных работников Барнаулской агломерации зарегистрированы на предприятиях Барнаула, поэтому заработная плата в среднем по всей территории агломерации (57,6 тыс. рублей) приближена к среднемесячной заработной плате в городе-ядре, отличие всего на 1,1 тыс. рублей. Наиболее оплачиваемыми видами деятельности в Барнаулской агломерации в 2023 году стали отрасли финансов и страхования, строительства, а также государственного управления и безопасности, уровень оплаты труда в данных сферах был на 38,9%, 19,5%, 18,9% выше средней заработной платы в агломерации соответственно. Самые низкооплачиваемые отрасли – гостиницы и рестораны, административная деятельность, культура и спорт, оплата труда здесь была на 41,2%, 29,8% и 24,7% ниже средней

⁴ Здесь и далее сравнение показателей со средним по РФ осуществляется с учётом разницы в уровне цен.

⁵ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, по субъектам Российской Федерации за 2012–2024 гг. // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ Среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) (с 2017 года) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (дата обращения: 15.06.2025).

по агломерации соответственно (рисунок 3). Основу экономики Барнаульской агломерации составляет промышленность, на предприятиях которой было занято 22,3% работников (без учёта малого бизнеса). 17,7% работников агломерации трудились в отрасли обрабатывающей промышленности, 3,6% – в энергетике и ещё 1,0% – в организациях водно-коммунального хозяйства и

обращения с отходами. Как положительную черту рынка труда городской агломерации можно выделить, что уровень оплаты труда в отрасли обрабатывающей промышленности (самой многочисленной среди всех видов экономической деятельности) наиболее приближён к среднему, отличие лишь на 1,3%, при этом в большую сторону.

Рисунок 3. Распределение среднемесячных заработных плат работников организаций Барнаульской агломерации по видам экономической деятельности в 2023 году
Figure 3. Distribution of Average Monthly Salaries of Employees of Barnaul Agglomeration Organizations by Economic Activities in 2023

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики⁷.

Показатель среднемесячной заработной платы работников агломерации представляет собой важный индикатор развития территории. Действительно он более точно отражает реальную ситуацию, когда рассчитывается для всей агломерации в целом, а не по отдельным муниципальным образованиям. Особенно важно учитывать агломеративный эффект при расчёте показателей периферийных муниципальных образований. Если анализировать муниципальное образование отдельно от города-ядра, то результаты могут быть искажены в лучшую (и менее точную) сторону. Чем сильнее разброс в уровне оплаты труда между ядром и периферией агломерации, тем менее корректно этот показатель будет отражать реальную ситуацию для пригородных территорий. Из-за этого на периферии может создаваться иллю-

зия благополучия, и есть риск того, что существующие там проблемы останутся незамеченными.

2. Распределение населения по уровню заработной платы в среднем по Барнаульской агломерации без учёта структуры экономики муниципальных образований

Средний уровень заработной платы полезен как статистическая величина, позволяющая сравнивать агломерации между собой и отслеживать прогресс в данной сфере. Однако для разработки мастер-планов, стратегий и других проектов по развитию территории одного такого показателя недостаточно, даже если информация по нему есть в разрезе видов экономической деятельности. Для этих целей необходимо также учитывать распределение заработных плат: какая доля населения получает доход выше среднего, какая находится на среднем уровне, а какая – ниже. Это позволит лучше понять, сколько людей в агломе-

⁷ Среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) (с 2017 года) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (дата обращения: 15.06.2025).

рации имеет низкий уровень жизни и какова степень неравенства. Один из способов заключается в определении интервала вокруг среднемесячной заработной платы. В данном исследовании этот интервал установлен на уровне $\pm 15\%$ от средней заработной платы⁸. Благодаря этому можно определить, какая доля работников получает заработную плату в пределах интервала, а какая часть сотрудников зарабатывает больше или меньше этого уровня.

В проведённом исследовании анализ заработных плат среди работающего населения Бар-

наульской агломерации показал, что у почти 1/5 из них уровень оплаты труда ниже среднего. Однако в целом численность групп по уровню оплаты труда относительно среднего уровня в агломерации выглядит благоприятно: более половины работающего населения получают среднюю заработную плату (таблица 1). В обрабатывающем производстве и сельском хозяйстве уровень оплаты труда находится на среднем уровне, а работники образования, культуры и спорта попали в группу населения с низкими заработными платами.

Таблица 1

Распределение населения по уровню заработной платы в среднем по Барнаульской агломерации

Table 1

Distribution of the Barnaul Agglomeration Population by Salary Level on Average

Уровень оплаты труда	Количество работников, чел.	Доля работников, %
Заработная плата выше средней	38 158	20,3
Заработная плата на уровне средней	112 881	59,9
Заработная плата ниже средней	37 209	19,8

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики⁹.

Усреднённая структура заработных плат населения агломерации является лишь приблизительным показателем. Во-первых, в связи с усреднением данных она неточно отражает фактическое распределение доходов среди населения. Во-вторых, существует необходимость понимания, какие территории агломерации специализируются на определённых видах деятельности, какие из них лидируют в развитии, а какие отстают. В дальнейшем это позволит изучить причины отставания и разработать комплекс мер по его преодолению. Для более точных результатов необходим углублённый анализ с учётом пространственного развития агломерации.

⁸ В данном исследовании не ставилась цель определить границы интервалов для диапазонов заработной платы «выше среднего», «на среднем уровне» и «ниже среднего». Интервал $\pm 15\%$ для построения диапазона среднего уровня заработной платы был выбран конкретно для ситуации на рынке труда Барнаульской агломерации в 2023 году. Этот интервал был определён следующим образом: отклонение между самой высокой и самой низкой заработной платой было разделено на три части (соответствующие диапазонам «выше среднего», «на среднем уровне» и «ниже среднего»). Затем это значение было поделено пополам, а полученное число округлено до кратного пяти. В Барнаульской агломерации отклонение самой высокой заработной платы от средней составило 38,9%, а самой низкой от средней – 41,2%. Отсюда: $(38,9\% + 41,2\%) / 3 / 2 = 13,4\%$, что было округлено до 15%. В будущем этот вопрос подлежит более глубокой проработке.

⁹ Среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) (с 2017 года), среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) (с 2017 года), фонд заработной платы всех работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) (с 2017 года)

3. Распределение населения Барнаульской агломерации по уровню заработной платы с учётом структуры экономики муниципальных образований

Для создания мастер-плана или стратегии развития территории необходим более глубокий пространственно-экономический анализ. Он позволит не только выявить отстающие муниципальные образования, но и понять, какие именно отрасли сдерживают развитие. Кроме того, такой анализ может стать одним из инструментов для определения или подтверждения специализации муниципальных образований внутри агломерации.

Благодаря тому, что в настоящее время статистика собирается по муниципальным образованиям, есть возможность построить более точное распределение работников по уровню заработной платы. В Барнаульской агломерации это распределение несильно, но всё же отличается от более общего, полученного без учёта структуры экономики каждого муниципального образования агломерации (таблица 2).

Степень неравенства сотрудников крупных и средних предприятий по заработным платам оказалась выше, чем это показала усреднённая структура (таблица 1). Заработные платы на уровне среднего получают не 59,9%, а всего 51,3% работников, в то время как число сотрудников, получающих заработную плату выше и

// Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (дата обращения: 15.06.2025).

ниже среднего значения, на самом деле больше. Таким образом, гипотеза исследования о некорректности усреднённой оценки получила эмпирическое подтверждение. Показатель распре-

ления населения по уровню заработных плат без учёта структуры экономики муниципальных образований искажает реальное состояние рынка труда агломерации.

Таблица 2

Распределение населения Барнаульской агломерации по уровню заработной платы с учётом структуры экономики муниципальных образований

Table 2

Distribution of the Barnaul Agglomeration Population by Salary Level Taking into Account the Structure of the Economy of Municipalities

Уровень оплаты труда	Количество работников, чел.	Доля работников, %
Зарботная плата выше средней	48 113	25,6
Зарботная плата на уровне средней	96 596	51,3
Зарботная плата ниже средней	43 539	23,1

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики¹⁰.

Для лучшего понимания пространственного распределения работников с разным уровнем заработных плат на территории Барнаульской агломерации можно вычислить их количество в каждом муниципальном образовании. Деление на

группы осуществлялось на основе среднего уровня заработной платы в целом по агломерации, так как между муниципальными образованиями существует регулярная маятниковая миграция (рисунок 4).

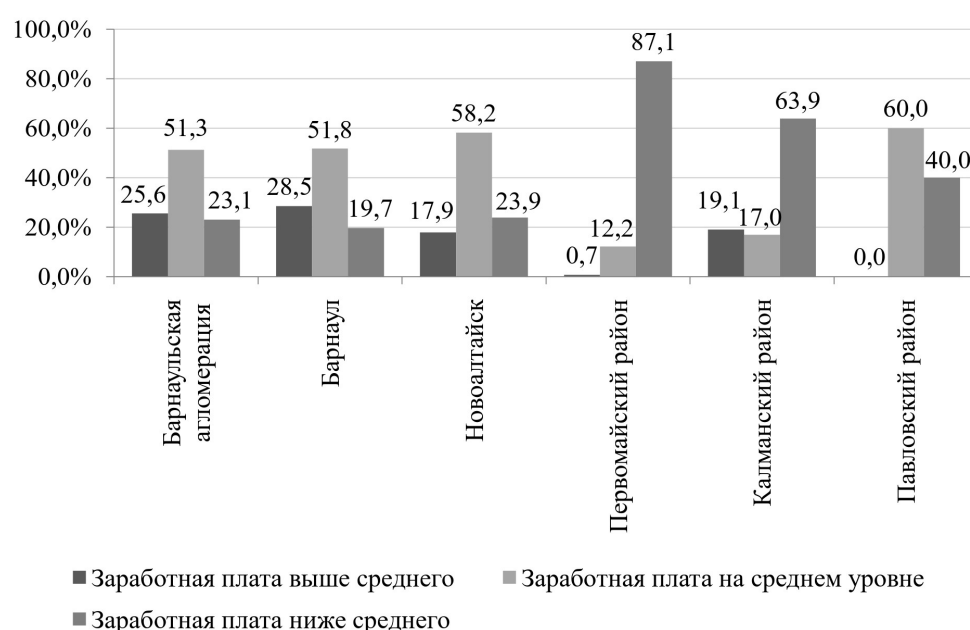

Рисунок 4. Распределение работников крупных и средних предприятий по уровню заработных плат в Барнаульской агломерации в 2023 году

Figure 4. Distribution of Employees of Large and Medium-Sized Organizations by Salary Level in Barnaul Agglomeration in 2023

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики¹¹.

¹⁰ Среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) (с 2017 года), среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) (с 2017 года), фонд заработной платы всех работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) (с 2017 года) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (дата обращения: 15.06.2025).

¹¹ Там же

Благоприятная ситуация в 2023 году наблюдалась в Новоалтайске. Предприятия городского округа, как правило, выплачивали своим работникам заработную плату, близкую к среднему уровню. Такую заработную плату получали 58,2% сотрудников организаций. Похожая ситуация сложилась и в Барнауле, где более половины работников предприятий (51,8%) получали оплату труда на среднем уровне. Если оценивать заработную плату по критерию «не ниже среднего», то в Барнауле ситуация даже лучше, чем в Новоалтайске. В целом, вполне логично, что два городских округа имеют более высокий уровень заработной платы по сравнению с пригородными районами.

Интересная, но не самая благоприятная ситуация сложилась в Павловском районе. Здесь 60,0% населения имели средний уровень заработной платы. При этом большая часть этих работников была представлена сотрудниками трёх из пяти крупнейших отраслей района: сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и сектором государственного управления. Из остальных 40,0% работников, получающих заработную плату ниже среднего, 27,8% – это представители двух других самых многочисленных отраслей из пяти – образования и здравоохранения. Выше среднего в районе в 2023 году не зарабатывали ни в одной отрасли.

Большинство предприятий Калманского и Первомайского районов не конкурентоспособны как работодатели в Барнаульской агломерации, поэтому существует высокий риск того, что их экономика может прийти в упадок, если региональные и муниципальные власти не обратят на это внимание.

Выводы

Распределение средних заработных плат по видам экономической деятельности показывает, сколько работников в каждой отрасли получают определённый уровень оплаты труда. Проблема усреднённого расчёта этого распределения для всей Барнаульской агломерации, без учёта структуры и специфики экономик каждого муниципального образования, входящего в её состав, заключается в том, что результат фактически приближён к ситуации на рынке труда крупнейшего города-работодателя агломерации – Барнаула. Такой анализ не учитывает некоторые особенности распределения экономической деятельности Барнаульской агломерации в пространстве, то есть по муниципальным образованиям. Например: в сфере здравоохранения в среднем по агломерации заработные платы в 2023 году оказались на уровне среднего, однако это было достигнуто исключительно за счёт влияния Барнаула, а во всех остальных муниципальных образованиях (1,7% работников агломерации) уровень оплаты труда в данной отрасли был ниже среднего. Таким образом, гипотеза о не-

состоятельности существующей методики оценки показателей, базирующаяся на усреднённых данных по всей агломерации, подтвердилась.

Среднемесячная заработная плата работников является лишь одним из индикаторов, характеризующих экономическое развитие агломераций, однако предложенную в работе методику можно использовать и для оценки других показателей. Методика, предложенная в исследовании, не только легко интегрируется в уже существующие подходы к анализу социально-экономического положения территорий, но и значительно расширяет их возможности, делая оценку более точной и глубокой.

Современные подходы к анализу социально-экономического развития, как правило, ограничиваются оценкой средних показателей. В частности, при анализе уровня оплаты труда в Методических рекомендациях по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций¹² предлагается использовать показатель средней заработной платы работников. Аналогично, в долгосрочных планах комплексного социально-экономического развития агломераций¹³ для оценки уровня оплаты труда также используется только данный показатель. В ряде случаев производится оценка показателя в среднем для всей агломерации (например, для Южно-Сахалинской агломерации). Однако иногда оценка ограничивается лишь отдельными городскими округами, входящими в состав агломерации, а не всей её территорией (например, для Владивостокской агломерации).

Предложенная в статье методика значительно расширяет границы исследования. Во-первых, данный показатель позволяет не только определить средний уровень заработной платы, но и рассчитать относительные индикаторы, такие как доля населения с оплатой труда ниже или выше среднего уровня. Во-вторых, использование данного подхода учитывает структурные особенности экономик отдельных муниципальных образований, входящих в состав агломерации. Детальный анализ структуры заработных плат и доходов населения агломерации способствует более глубокому пониманию состояния рынка труда, что, в свою очередь, позволяет разрабатывать более обоснованные и целенаправленные меры по его регулированию, стимулированию занятости и повышению уровня жизни населения.

¹² Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 26.09.2023 г. № 669 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций».

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 31.07.2023 № 2058-р (ред. от 29.12.2023) «Об утверждении долгосрочных планов комплексного социально-экономического развития ряда агломераций на период до 2030 года».

Список источников

1. Овчарова Д.А., Жуковский Р.С. Субурбанизация города Барнаула: ретроспективный обзор и прогноз развития // Архитектон: известия вузов. 2022. № 3(79). [https://doi.org/10.47055/1990-4126-2022-3\(79\)-7](https://doi.org/10.47055/1990-4126-2022-3(79)-7) EDN KYDSTI
2. Нефедова Т.Г., Старикова А.В. Миграции населения как способ его адаптации к поляризации пространства в центре России // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 24–38. <https://doi.org/10.31857/S013216250009567-6> EDN WWXOAV
3. Струк М.И., Живнач С.Г. Приоритетные направления долгосрочного планирования природных экосистем пригородной территории Минска // Природопользование. 2022. № 2. С. 157–170. <https://doi.org/10.47612/2079-3928-2022-2-157-170> EDN RKWEWU
4. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю. Проблемы и перспективы развития городских агломераций // Регионалистика. 2020. Том 7. № 3. С. 60–66. <https://doi.org/10.14530/reg.2020.3.60> EDN INVUG
5. Соболев С.А. Усиление агломерационных процессов в пространственном развитии: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2022. № 4. С. 61–85. EDN KSJCYN
6. Соболев С.А., Леонтьева Л.С. Проблемы и перспективы развития российских городских агломераций // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 129–142. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-129-142> EDN LYNVMV
7. Федоляк В.С. Агломерационные и дезагломерационные эффекты в социально-экономическом развитии территорий // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 3(141). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.141.13> EDN LDOVFD
8. Агломерации как драйвер экономического роста России в условиях глобальных вызовов / И.В. Волчкова, Е.В. Уфимцева, Н.Р. Шадейко, А.А. Селиверстов // ЭКО. 2021. № 2(560). С. 135–164. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-2-135-164> EDN SBXIIC
9. Steijn M., Koster H., Oort F. The dynamics of industry agglomeration: Evidence from 44 years of coagglomeration patterns // Journal of Urban Economics. 2022. Vol. 130(C). <https://doi.org/10.1016/j.jue.2022.103456> EDN IMBOVU
10. Антонов Е.В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Том 13. № 1. С. 180–202. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-1-10> EDN UFLQBN
11. Павлов Ю.В., Хмелева Г.А. Концепция региональной агломерационной политики // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Том 13. № 2. С. 297–316. <https://doi.org/10.18334/epp.13.2.117169> EDN KPOCZL
12. Ворошилов Н.В. Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России // Федерализм. 2021. Том 26. № 4(104). С. 54–74. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-54-74> EDN INUFHK
13. Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4(205). С. 36–45. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-36-45> EDN VVXHSP
14. Маевская Л.И. Точки роста в государственной политике развития страны: основные понятия и тенденции развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 142–157. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10075> EDN DNMIXV
15. Grover A., Lall S.V., Timmis J. Agglomeration economies in developing countries: A meta-analysis // Regional Science and Urban Economics. 2023. Vol. 101. Art. 103901. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2023.103901> EDN JIMNBS
16. Одинцова А.В. Городские агломерации: объективные основы формирования и проблемы институционализации в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 57–79. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_5_57_79 EDN KNYFXQ
17. Антонов Е.В. Рынки труда городских агломераций в России // Региональные исследования. 2020. № 2(68). С. 88–100. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-7> EDN FPUGWO
18. Leonardi M., Moretti E. The agglomeration of urban amenities: Evidence from Milan restaurants // American Economic Review: Insights. 2023. No. 2. P. 141–157. <https://doi.org/10.1257/aeri.20220011> EDN HNBGXD
19. Попов А.В. Формирование единого рынка труда как условие становления городской агломерации (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2018. № 5(45). <https://doi.org/10.15838/tdi.2018.5.45.9> EDN SLFJHJ
20. Rosenthal S., Strange W. How Close Is Close? The Spatial Reach of Agglomeration Economies // Journal of economic perspectives. 2020. No. 3. P. 27–49. <https://doi.org/10.1257/jep.34.3.27> EDN DYEMOQ

Информация об авторе:

Анастасия Николаевна Куликова — соискатель учёной степени кандидата экономических наук, техник кафедры экономики природопользования, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 8368-0517) (РИНЦ AuthorID: 1253908)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Ovcharova D.A., Zhukovsky R.S. Suburbanization of Barnaul City: a Retrospective Review and Development Forecast. *Arkhi-tekton: izvestiya vuzov=Architecton: Proceedings of Higher Education*. 2022;(3(79)). [https://doi.org/10.47055/1990-4126-2022-3\(79\)-7](https://doi.org/10.47055/1990-4126-2022-3(79)-7) (In Russ.)
2. Nefedova T.G., Starikova A.V. Migrations as a Way of Population Adaptation to Polarization of Space at the Center of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2020;(10):24-38. <https://doi.org/10.31857/S013216250009567-6> (In Russ.)
3. Struk M.I., Zhivnach S.G. Priority Directions for Long-Term Planning of Natural Ecosystems in the Suburban Area of Minsk. *Prirodopol'zovanie=Nature Management*. 2022;(2):157-170. <https://doi.org/10.47612/2079-3928-2022-2-157-170> (In Russ.)
4. Animitsa E.G., Vlasova N.Yu. Problems and Prospects of Urban Agglomerations Development. *Regionalistika=Regionalistics*. 2020;7(3):60-66. <https://doi.org/10.14530/reg.2020.3.60> (In Russ.)
5. Sobolev S.A. Strengthening of Agglomeration Processes in Spatial Development: Theory and Practice. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)=Moscow University Bulletin. Series 21. Public administration*. 2022;(4):61-85. (In Russ.)
6. Sobolev S.A., Leontieva L.S. Problems and Prospects for the Development of Russian Urban Agglomerations. *Gosudarstvennoe upravlenie. Ehlektronnyi vestnik=Public Administration. E-journal (Russia)*. 2022;(92):129-142. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-129-142> (In Russ.)
7. Fedolyak V.S. Agglomeration and Disagglomeration Effects in Socio-Economic Development of Territories. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal=International Research Journal*. 2024;(3(141)). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.141.13> (In Russ.)
8. Volchkova, I.V., Ufimtseva, E.V., Shadeyko, et. al. Spatial Development of Russian Agglomerations as a Driver of Russia's Economic Growth in the Face of Global Challenges. *EHKO=ECO*. 2021;(2(560)):135-164. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-2-135-164> (In Russ.)
9. Steijn M., Koster H., Oort F. The Dynamics of Industry Agglomeration: Evidence from 44 Years of Coagglomeration Patterns. *Journal of Urban Economics*. 2022;130(C). <https://doi.org/10.1016/j.jue.2022.103456>
10. Antonov E.V. Urban Agglomerations: Approaches to the Allocation and Delimitation. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ehkonomika, pravo=Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2020;13(1):180-202. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-1-10> (In Russ.)
11. Pavlov Yu.V., Khmeleva G.A. Concept of Regional Agglomeration Policy. *Ehkonomika, predprinimatel'stvo i pravo=Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2023;13(2):297-316. <https://doi.org/10.18334/epp.13.2.117169> (In Russ.)
12. Voroshilov N.V. Development of Urban Agglomerations in the European North of Russia. *Federalizm=Federalism*. 2021;26(4(104)):54-74. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-54-74> (In Russ.)
13. Kuznetsova O.V., Druzhinin A.G. On a Spatial Development Strategy for Russia. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*. 2024;35(4):490-496. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-36-45> (In Russ.)
14. Mayevskaya L.I. Points of Growth in the State Policy of the Country's Development: Basic Concepts and Trends of Development. *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2020;(6):142-157. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10075> (In Russ.)
15. Grover A., Lall S.V., Timmis J. Agglomeration Economies in Developing Countries: a Meta-Analysis. *Regional Science and Urban Economics*. 2023;101,103901. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2023.103901>
16. Odintsova A.V. Urban Agglomerations: Objective Bases for the Formation and Problems of Institutionalization in Russia. *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(5):57-79. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_5_57_79 (In Russ.)
17. Antonov E.V. Labor Markets of Urban Agglomerations in Russia. *Regional'nye issledovaniya=Regional Research*. 2020;(2(68)):88-100. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-7> (In Russ.)
18. Leonardi M., Moretti E. The Agglomeration of Urban Amenities: Evidence from Milan Restaurants. *American Economic Review: Insights*. 2023;(2):141-157. <https://doi.org/10.1257/aeri.20220011>
19. Popov A.V. Forming a Unified Labor Market as a Condition for Urban Agglomeration Development (Based on Materials of the Vologda Oblast). *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*. 2018;(5(45)). <https://doi.org/10.15838/tdi.2018.5.45.9> (In Russ.)
20. Rosenthal S., Strange W. How Close Is Close? The Spatial Reach of Agglomeration Economies. *Journal of Economic Perspectives*. 2020;(3):27-49. <https://doi.org/10.1257/jep.34.3.27>

Information about the author:

Anastasiya N. Kulikova – applicant for the degree of PhD in Economics, technician of the Department of Environmental Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (SPIN-code: 8368-0517) (RSCI Author ID: 1253908)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 13.05.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 332.14:338

JEL R1, R50

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460

EDN KCVCXI

Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации

Наталья Юрьевна Сорокина

Институт экономики РАН, Москва, Россия

(sorokina-tula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-5180-3389>)

Аннотация

Цель статьи заключается в исследовании проблемы цифрового неравенства населения в пространственном аспекте и выявлении специфики его проявления на уровне федеральных округов и регионов Российской Федерации. Задачи исследования: обосновать состав показателей оценки цифрового неравенства населения регионов России; изучить показатели цифрового неравенства населения России по федеральным округам; предложить классификацию регионов России в зависимости от направленности и устойчивости изменения показателей цифрового неравенства. Методологическая основа исследования: двухуровневый подход к диагностике цифрового неравенства населения, в соответствии с которым различают цифровое неравенство первого порядка, заключающееся в неравных условиях в доступе/пользовании информационными технологиями; и цифровое неравенство второго порядка, определяемое различиями в специфике использования информационных технологий группами населения. Обоснован состав показателей для оценки доступности цифровых информационных ресурсов и навыков использования населением информационно-коммуникационных технологий. Обосновано, что, во-первых, масштабы цифрового неравенства в доступе к сети Интернет в пространственном аспекте существенно сократились; во-вторых, неравенство, обусловленное различиями в специфике использования информационных технологий, значительно выше неравенства в доступе населения к сети Интернет; в-третьих, уровень использования сети Интернет для получения государственных и муниципальных услуг выше, чем для заказа прочих товаров и услуг. Сделано заключение, что в условиях активной цифровизации процессов предоставления государственных и муниципальных услуг выявленные «разрывы» свидетельствуют о существовании неравенства в доступности этих услуг для жителей различных территорий Российской Федерации. Исследование подтвердило дифференциацию населения России по возможностям получения (приобретения) широкого спектра товаров и услуг, осуществляемого посредством использования цифровых государственных и коммерческих сервисов. Результаты исследования могут быть использованы в целях совершенствования государственной политики Российской Федерации в области цифровой трансформации в направлении её большей нацеленности на решение проблемы цифрового неравенства регионов.

Ключевые слова: цифровое неравенство населения, регионы России, пространственное развитие, национальные цели развития, цифровая экономика, цифровая трансформация, стратегическое планирование

Для цитирования: Сорокина Н.Ю. Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 447–460. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460 EDN KCVCXI

RAR (Research Article Report)

JEL R1, R50

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460

The Problem of the Digital Inequality of the Population in the Regions of the Russian Federation

Natalia Yu. Sorokina

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(sorokina-tula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-5180-3389>)

Abstract

The purpose of the article is to study the problem of digital inequality of the population in the spatial aspect and identify the specifics of its manifestation at the level of federal districts and regions of the Russian Federation. Research objectives: to substantiate the composition of indicators for assessing the digital inequality of the population of Russian regions; to study indicators of the digital inequality of the Russian population by federal districts; to propose a classification of Russian regions depending on the direction and sustainability of changes in indicators of digital inequality. The methodological basis of the study is a two-level approach to the diagnosis of digital inequality of the population, according to which digital inequality of the first order is distinguished, consisting in unequal conditions in access / use of information technologies; and digital inequality of the second order, determined by differences in the specifics of the use of information technologies by groups of the population. The composition of indicators for assessing the availability of digital information resources and the skills of using information and communication technologies by the population is substantiated. It is proved that, firstly, the scale of digital inequality in access to the Internet in the spatial aspect has significantly decreased; secondly, the inequality caused by differences in the specifics of the use of information technologies is significantly higher than the inequality in public access to the Internet; thirdly, the level of Internet use for public and municipal services higher than for ordering other goods and services. It is concluded that in the context of the active digitalization of the processes of providing state and municipal services, the identified "gaps" indicate the existence of inequality in the availability of these services for residents of various territories of the Russian Federation. The study confirmed the differentiation of the Russian population in terms of the possibilities of obtaining (purchasing) a wide range of goods and services provided through the use of digital government and commercial services. The results of the study can be used to improve the state policy of the Russian Federation in the field of digital transformation in the direction of its greater focus on solving the problem of digital inequality in the regions.

Keywords: digital inequality of the population, Russian regions, spatial development, national development goals, digital economy, digital transformation, strategic planning

For citation: Sorokina N.Yu. The Problem of the Digital Inequality of the Population in the Regions of the Russian Federation. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):447–460. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460 (In Russ.)

Введение

В XXI веке цифровизация стала новым трендом мирового развития, с которым всё чаще связываются перспективы повышения эффективности национальных экономик и роста уровня жизни населения отдельных регионов и стран.

Сегодня цифровизация рассматривается как вторая фаза развития цифровой экономики – «современного этапа инновационной деятельности, характеризующегося использованием цифровых технологий» [1]. Она является результатом автоматизации, то есть процесса внедрения ИТ-решений в производственные процессы, и условием цифровой трансформации – качественных изменений в способах осуществления экономической и управленческой деятельности «в результате внедрения цифровых технологий, приводящих к значительным социально-экономическим эффектам» [2, с. 9]. В текущем столетии исследователи обратили внимание общества на проблему дифференции регионов по показателям цифровизации [3; 4 и др.], что, в свою очередь, является важнейшим фактором, определяющим возможности адаптации территорий к последствиям цифровой трансформации экономики России. Гипотеза исследования: межрегиональное цифровое неравенство в России в период 2021–2023 гг. определялось различиями в специфике использования информационных технологий в большей степени, чем неравенством населения в доступе к сети Интернет.

Цель статьи заключается в исследовании проблемы цифрового неравенства населения в пространственном аспекте и выявлении специфики его проявления на уровне федеральных округов и регионов Российской Федерации. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- обосновать состав показателей оценки цифрового неравенства населения регионов России;
- изучить показатели цифрового неравенства населения России по федеральным округам;
- предложить классификацию регионов России в зависимости от направленности и устойчивости изменения показателей цифрового неравенства.

Объект исследования: цифровое неравенство населения субъектов Российской Федерации, под

которым в данном исследовании понимается ограниченный доступ населения к информационным технологиям и сервисам. Предмет исследования: величина и динамика цифрового неравенства населения российских регионов.

Правовой основой развития цифровой экономики в Российской Федерации является Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹, в котором цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы определена как одна из семи национальных целей развития Российской Федерации. На её реализацию нацелены: национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»; федеральные проекты «Цифровое государственное управление», «Нормативное регулирование цифровой среды», «Искусственный интеллект», «Информационная безопасность»; ведомственные программы цифровой трансформации; стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики России; более 80 стратегий цифровой трансформации, разработанных в субъектах Российской Федерации [4].

Вышеперечисленные документы рассматривают цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы как инструмент повышения уровня и качества жизни населения Российской Федерации.

Теоретические и методологические положения

Научному сообществу ещё в середине 1990-х гг. стало понятно, что развитие цифровой экономики приводит к формированию новой формы социального неравенства – цифрового неравенства, которое, в отличие от экономического, способно усугублять другие формы неравенства [5; 6; 7]. Не будет преувеличением утверждение, что сегодня общество «стоит на пороге» осознания нарастающих негативных последствий цифровизации

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

экономики, одним из которых является проблема цифрового неравенства населения регионов. В этом контексте важное значение приобретает анализ масштабов цифрового «разрыва» территорий как важного ориентира совершенствования государственной политики Российской Федерации в области цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

Масштаб и неоднозначность эффектов цифровизации обусловили сложность диагностики её достижений [8]. В зависимости от целей и задач оценки её объектами выступают: распространённость цифровых технологий в отраслевом и пространственном аспектах, экономические и социальные последствия внедрения цифровых технологий², степень вовлечённости населения и бизнеса в процессы цифровой трансформации³, уровень развития цифровых компетенций⁴, цифровая зрелость компаний, экономики, общества в целом и др. При этом исследователи используют различные методы оценки: индексный метод⁵; использование системы показателей (индикаторов), отражающих наиболее важные факторы цифровизации; экспертные оценки в формате социологических исследований эффектов цифровизации [9] и др. В системе публичного управления востребован подход, в логике которого объектом оценки выступает доступность цифровых информационных ресурсов, а методом оценки – сравнительный анализ, позволяющий исследовать различные аспекты цифровизации как сложного и многомерного явления.⁶

Следует отметить, что вплоть до настоящего времени исследователи не выработали единого подхода к пониманию сущности, причин возникновения и форм проявления феномена цифрового неравенства. Наиболее востребованным в настоящее время является подход, в логике которого цифровое неравенство исследуется на различных уровнях его возникновения [10]. Следует отметить, что исследователи могут сосредотачивать-

ся на изучении проблемы на конкретном уровне, а также использовать многоуровневый подход. Так, Э. Харгитай исследовала два уровня цифрового неравенства⁷: цифровое неравенство первого порядка, заключающееся в неравных условиях в доступе/пользовании информационными технологиями; цифровое неравенство второго порядка, определяемое различиями в специфике использования информационных технологий различными группами населения. В. Харпер, также придерживаясь двухуровневого подхода, обосновал существование цифрового «неравенства доступа» и социального цифрового неравенства, которое, по мнению исследователя, обусловлено тремя видами барьеров – мотивационным барьером, барьером знаний и навыков, барьером социальных сетей⁸. М. Хилберт исследовал три уровня цифрового неравенства: неравенство в доступе; неравенство в использовании информационных технологий; неравенство во влиянии информационных технологий и Интернета на поведение и установки населения [11]. Ян ван Дейк в своих работах выделил ещё один уровень цифрового неравенства населения – интенсивность (частоту и разнообразие) использования информационных технологий⁹. В экономической периодике представлены и другие подходы [12; 13], позволяющие исследовать проблему цифрового неравенства населения на уровне стран, отраслей и регионов. Таким образом, различия в точках зрения исследователей проявляются, преимущественно, в трактовании феномена цифрового неравенства на более высоких уровнях (третьем и четвёртом), что касается базовых уровней, то в этой части исследователи довольно часто придерживаются подхода, предложенного Э. Харгитай.

Российские исследователи также исследуют цифровое неравенство на различных уровнях его возникновения, выделяя неравенство в доступе (физическое и экономическое); неравенство в умении пользоваться цифровыми технологиями; неравенство в целях и мотивации применения информационных технологий населением. Так, С.П. Земцов, К.В. Демидова и Д.Ю. Кичаев [14] с использованием эконометрических моделей доказали влияние доступности информационных технологий и Интернета на межрегиональное цифровое неравенство в России. Е. В. Попов,

⁷ Hargittai E. Second-level digital divide: mapping differences in people's online skills // arxiv: [сайт]. URL: <http://arxiv.org/abs/cs/0109068> (дата обращения: 09.02.2025). (Accessed 09 February 2025).

⁸ Harper V. The Digital Divide (DD): A Reconceptualization for Educators // Scispace: [сайт]. URL: <https://scispace.com/journals/aace-journal-1kx2n5r8/2003> (дата обращения: 09.07.2025).

⁹ Dijk van J. A theory of the digital divide // University of Twente: [сайт]. URL: <https://research.utwente.nl/en/publications/a-theory-of-the-digital-divide> (дата обращения: 09.07.2025).

² OECD: [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/digital/go-ing-digital-project> (дата обращения: 09.07.2022).

³ Global Program on GovTech and Public Sector Innovation // Worldbank: [сайт]. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/govtech/gtmi> (дата обращения: 09.07.2022).

⁴ The Leaders' Path to Digital Value // Boston Consulting Group: [сайт]. URL: <https://www.bcg.com/publications/2021/digital-acceleration-index> (дата обращения: 09.07.2022).

⁵ Индекс цифровизации отраслей экономики и социальной сферы // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: <https://issek.hse.ru/news/783750202.html?ysclid=md1lmss8z4713954462> (дата обращения: 11.07.2025).

⁶ Индикаторы цифровой экономики 2025: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2025. 296 с.

К.А. Семячков и В.Л. Симонова, используя интегральный показатель уровня информатизации регионов, обосновали статистически значимую связь между уровнем информатизации регионов и показателями экономической и инновационной деятельности [15]. М.А. Юдина обосновала «разрывы», обусловленные применением информационных технологий, доступностью информационных ресурсов для различных категорий населения, дифференциацией в специальных навыках использования информационных технологий и др. [16] И.В. Грошев и А.А. Краснослободцев, исследуя проблему цифрового неравенства регионов России, рассмотрели её нетривиальный аспект – взаимосвязь цифровизации и креативности как фактора, характеризующего социальную среду [17]. Отдельный пласт исследований посвящён оценке влияния цифрового неравенства на уровень социально-экономического развития регионов Российской Федерации [18].

Таким образом, выявление и изучение трендов цифрового неравенства населения регионов на различных уровнях его возникновения, по-прежнему, привлекает внимание российских и зарубежных учёных. Особую важность проблема приобретает при оценке успехов цифровизации в системе публичного управления в рамках достижения национальной цели развития «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Использованные данные и методы работы с ними

Данное исследование основано на теоретическом подходе Э. Харгитай, в логике которого цифровое неравенство проявляется, во-первых, в разной доступности для различных групп населения цифровых информационных ресурсов и, во-вторых, в дифференциации населения в навыках использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). С этих позиций для оценки уровня цифрового «разрыва» регионов России были использованы следующие показатели.

1. Для оценки доступности цифровых информационных ресурсов – показатель «Доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств». Данный показатель определён в качестве целевого показателя, выполнение которого характеризует достижение национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы». Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 (п. 8, в) установлено целевое зна-

чение данного показателя – «до 97 процентов к 2030 году и до 99 процентов к 2036 году»¹⁰.

2. Для оценки навыков использования ИКТ населением целесообразно использовать:

– показатель «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в общей численности населения» – данный показатель определяет условия достижения национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы». Указом Президента РФ от 07.05.2024 N 309 (п. 8, ж) определено «увеличение к 2030 году до 99 процентов доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме...»¹¹;

– показатель «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения» позволяет оценивать уровень цифрового неравенства в специальных навыках, обеспечивающих применение ИКТ в приобретении товаров и услуг. Подобный тип цифрового неравенства является в современной экономике важнейшим фактором роста дифференциации в доходах и уровне жизни населения в пространственном аспекте.

В совокупности оба показателя позволяют характеризовать уровень цифрового неравенства населения регионов России в доступе к услугам государственных и коммерческих сервисов.

Таким образом, система показателей, положенная в основу исследования, соответствует требованию минимальной достаточности, то есть позволяет осуществлять оценку межрегионального цифрового неравенства, используя наименьшее количество критериев, которое является достаточным для достижения целей оценочной деятельности.

Источником данных об уровне и динамике цифрового неравенства населения субъектов Российской Федерации выступил «Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации»¹². Период исследования: 2021–2023 гг.¹³

Результаты и обсуждение

Данные о цифровом неравенстве населения России по федеральным округам представлены в таблице 1.

¹⁰ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

¹¹ Там же.

¹² Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 11.05.2025).

¹³ Здесь и далее – данные без учёта статистической информации по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям.

Таблица 1

Показатели цифрового неравенства населения регионов России (по федеральным округам)

Table 1

Indicators of Digital Inequality in the Russian Regions (by Federal Districts)

Федеральный округ	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств, %			
Российская Федерация	82,6	85,5	87,3
Центральный федеральный округ	84,7	87,0	88,0
Северо-Западный федеральный округ	82,4	83,5	84,8
Южный федеральный округ	85,3	86,9	89,4
Северо-Кавказский федеральный округ	83,2	87,7	88,5
Приволжский федеральный округ	79,7	83,7	86,9
Уральский федеральный округ	82,4	86,1	88,8
Сибирский федеральный округ	80,4	84,3	84,5
Дальневосточный федеральный округ	83,1	85,7	88,3
Размах	5,6	4,2	4,9
Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %			
Российская Федерация	68,2	71,0	74,6
Центральный федеральный округ	79,4	80,1	83,8
Северо-Западный федеральный округ	55,2	50,8	53,8
Южный федеральный округ	74,2	79,3	81,9
Северо-Кавказский федеральный округ	51,7	48,8	57,5
Приволжский федеральный округ	71,2	78,6	82,2
Уральский федеральный округ	69,2	72,1	76,0
Сибирский федеральный округ	57,5	63,7	66,2
Дальневосточный федеральный округ	53,1	57,1	58,6
Размах	27,7	31,3	26,3
Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения, %			
Российская Федерация	46,6	53,7	61,3
Центральный федеральный округ	57,7	61,6	68,3
Северо-Западный федеральный округ	55,4	59,1	64,0
Южный федеральный округ	43,7	51,3	59,3
Северо-Кавказский федеральный округ	35,4	39,4	47,0
Приволжский федеральный округ	40,6	50,7	58,6
Уральский федеральный округ	45,7	55,8	64,5
Сибирский федеральный округ	37,7	47,6	58,1
Дальневосточный федеральный округ	37,9	47,4	54,9
Размах	22,3	22,2	21,3

Источник: Росстат¹⁴.

В России достигнут довольно высокий уровень показателя «Доли домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств»: в 2023 г. в целом по стране он составил 87,3%. Данные таблицы 1 иллюстрируют, что тенденция роста доступности Интернета для населения, сформировавшаяся в 2010-х гг., сохранялась и в период 2021–2023 гг.,

что свидетельствует о преобладании позитивных тенденций в преодолении неравного доступа населения к сети Интернет. Также данные показывают, что довольно высокий уровень подключения к Интернету (более 80% домашних хозяйств имеют широкополосный доступ к сети Интернет) имеет место во всех федеральных округах. Максимальные значения показателя зафиксированы в Центральном федеральном округе (в 2021 и 2023 гг.) и в Северо-Кавказском федеральном округе – в

¹⁴ Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 05.06.2025).

2022 г.; минимальные – в Приволжском (2021 г.), Северо-Западном (2022 г.) и Сибирском (2023 г.) федеральном округах. Однако, «разрыв» между федеральными округами по показателю «Доли домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств» оставался довольно стабильным на протяжении всего исследуемого периода и находился в интервале от 4,2% до 5,6%. Выявление причин и исследование факторов данного разрыва, особенно в областях экстремума, где показатель достигает своих максимальных или минимальных значений, – является важной научно-практической задачей.

Можно констатировать, что цифровое неравенство в доступе к сети Интернет (неравенство первого порядка) в пространственном аспекте всё ещё существует, однако его масштабы существенно сократились в последние годы, что является, на наш взгляд, одним из результатов проводимой государством политики поощрения цифровизации и развития цифровой экономики в России.

Что касается цифрового неравенства второго порядка, определяемого различиями в специфике использования информационных технологий, то оно существенно выше неравенства в доступе населения к сети Интернет. В целом по России в 2023 г. доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, составила 74,6% (+6,4% к уровню 2021 г.); доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения, – 61,3% (+14,7% к уровню 2021 г.). Значительная разница наблюдается между пользователями сети Интернет в различных федеральных округах:

- по показателю «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения» лидирует Центральный федеральный округ; минимальные значения показателей отмечены в Северо-Кавказском федеральном округе. В исследуемый период «разрыв» в показателях между федеральными округами превышал 25%, а в 2022 г. достигал уровня 31,3%. В условиях повсеместной цифровизации процессов предоставления государственных и муниципальных услуг выявленные «разрывы» позволяют вести речь о существовании неравенства в доступности этих услуг для жителей различных территорий Российской Федерации;

- по показателю «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения» в исследуемый

период также лидировал Центральный федеральный округ, аудсайдером выступал Северо-Кавказский федеральный округ. Однако, «разрыв» оказался несколько ниже, чем по показателю «Доли населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения», и находился в интервале 21,3% – 22,3%.

В целом уровень использования сети Интернет для получения государственных и муниципальных услуг выше, чем для заказа прочих товаров и услуг. С одной стороны, это может рассматриваться как позитивная тенденция, поскольку она свидетельствует о доступности государственных и муниципальных сервисов для значительной части населения; с другой стороны, более низкая активность населения в использовании сети Интернет для заказа прочих товаров и услуг позволяет вести речь, что у жителей удалённых от центра территорий (регионов и муниципальных образований), по-прежнему сохраняются ограничения в доступе к целому ряду товаров и услуг, прежде всего, тех, которые не производятся по месту проживания населения по причинам объективного порядка, например, вследствие экономической нецелесообразности.

Таким образом, данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о дифференциации населения России по возможностям получения (приобретения) широкого спектра товаров и услуг, осуществляемого посредством использования цифровых государственных и коммерческих сервисов. Полученное заключение подтверждает вывод исследователей Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН [19], что в условиях цифровой трансформации неравенство в доступе и использованию сети Интернет является фактором, снижающим уровень благосостояния населения тех слоев, которые не имеют доступа к цифровыми технологиям.

Вышесказанное определяет целесообразность углублённого изучения показателей цифрового неравенства второго порядка, прежде всего, в федеральных округах, продемонстрировавших наилучшие и наихудшие уровни показателей использования сети Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, и приобретения прочих товаров и услуг (таблица 2). Подобный подход позволяет исследовать предельные сценарии развития проблемы и в их рамках выявлять меры государственной политики, усиливающие позитивные и ослабляющие негативные эффекты влияния развития цифровых технологий на межрегиональное неравенство населения.

Таблица 2

Показатели цифрового неравенства населения регионов Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов по показателю «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %»

Table 2

Indicators of Digital Inequality of the Population of the Regions of the Central and North Caucasus Federal Districts According to the Indicator «The Share of the Population Who Used the Internet to Receive State and Local Services in the Total Population, %»

Федеральный округ, субъект Федерации	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Центральный федеральный округ	79,4	80,1	83,8
Белгородская область	59,7	53,4	65,6
Брянская область	67,0	71,4	71,7
Владимирская область	67,8	63,2	63,5
Воронежская область	78,3	88,3	94,6
Ивановская область	85,9	79,4	91,1
Калужская область	54,5	58,3	60,5
Костромская область	48,4	52,5	59,6
Курская область	77,5	77,0	78,7
Липецкая область	71,6	66,7	70,4
Московская область	89,8	89,7	91,4
Орловская область	43,4	49,7	40,4
Рязанская область	35,2	37,6	61,3
Смоленская область	57,9	60,5	63,0
Тамбовская область	67,8	78,9	72,7
Тверская область	38,7	45,7	60,1
Тульская область	76,5	76,4	79,0
Ярославская область	59,2	55,3	61,4
г. Москва	96,8	96,4	97,6
Северо-Кавказский федеральный округ	51,7	48,8	57,5
Республика Дагестан	45,4	42,8	51,2
Республика Ингушетия	56,8	66,6	71,0
Кабардино-Балкарская Республика	50,2	53,8	59,6
Карачаево-Черкесская Республика	70,1	56,9	67,4
Республика Северная Осетия – Алания	42,3	49,8	56,1
Чеченская Республика	67,0	45,2	63,1
Ставропольский край	50,0	50,7	57,4

Источник: Росстат¹⁵.

Ожидаемо, лидерство Центрального федерального округа (ЦФО) по показателю «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %», преимущественно, определено уровнем и динамикой показателя в г. Москва. Доля цифровой экономики в Москве оценивается сегодня на уровне 36%¹⁶. Столица входит в число городов-мировых лидеров по развитию и внедрению цифровых технологий как в про-

цессы жизнедеятельности населения, так и в сфере государственного управления. В исследуемый период доля населения Москвы, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в общей численности населения выросла с 96,8% до 97,6% – максимального значения для регионов Российской Федерации. При этом «отрыв» от следующего за г. Москва регионом (Московская область) составил в 2021 г. 7%, в 2022 г. – 6,7%, в 2023 г. – 6,2%.

В целях углублённого изучения цифрового неравенства второго порядка регионы разделены на группы в зависимости от направленности изменения (позитивное–негативное) и динамики изменения (устойчивая–неустойчивая) исследуе-

¹⁵ Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 05.06.2025).

¹⁶ Собянин: Проект бюджета на 2025 год включает развитие цифровых технологий // mos.ru: [сайт]. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/11897050/> (дата обращения: 01.05.2025).

мых показателей. В логике данного подхода могут быть выделены 4 группы регионов:

- группа 1: регионы, в которых отмечена устойчивая позитивная динамика показателя;
- группа 2: регионы, для которых характерна позитивная, но не устойчивая, динамика показателя;
- группа 3: регионы, отличающиеся неустойчивой негативной динамикой показателя;

– группа 4: регионы, в которых сформировалась устойчивая негативная динамика показателя.

Распределение регионов ЦФО по группам по показателю «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %» представлено в таблице 3.

Таблица 3

Группировка регионов Центрального федерального округа по показателю «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %»

Table 3

Grouping of the Regions of the Central Federal District According to the Indicator «Percentage of the Population Who Used the Internet to Receive State and Local Services in the Total Population, %»

Группа	Число регионов	Состав группы
Группа 1	9	Брянская область, Воронежская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Рязанская область, Смоленская область, Тверская область, г. Москва
Группа 2	6	Белгородская область, Курская область, Московская область, Тамбовская область, Тульская область, Ярославская область
Группа 3	3	Владимирская область, Липецкая область, Орловская область
Группа 4	0	-

Источник: разработано автором.

Следует отметить, что преобладающей стала тенденция роста показателя «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %», при этом в девяти регионах ЦФО рост показателя был устойчивым, в 6 регионах – неустойчивым (в 2022 г. отмечалось снижение показателя к уровню 2021 г.). Регионы с устойчивой негативной динамикой показателя в исследуемый период среди регионов ЦФО отсутствовали.

Наибольший устойчивый рост показателя «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %» продемонстрировали Рязанская область (+26,1% к уровню 2021 г.) и Тверская область (+22,3% к уровню 2021 г.). В обоих случаях столь существенный рост может быть объяснён эффектом «низкой базы»: в 2021 г. в Рязанской области доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, составляла 35,2% (в 2 раза ниже среднего значения показателя по федеральному округу), в Тверской области – 38,7% (почти в 2 раза ниже среднего значения показателя по федеральному округу). Также следует отметить усилия самих регионов по решению проблемы, в частности: в 2019–2024 гг. в Рязанской области был реализо-

ван проект «Цифровая экономика Российской Федерации», среди целевых показателей которого заявлено повышение доли массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг, предоставляемых с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг, до 95%¹⁷; в Тверской области аналогичный показатель определён в качестве целевого в рамках реализации регионального проекта «Цифровое государственное управление»¹⁸. Оба региональных проекта были реализованы в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Для регионов группы 2 характерны довольно высокие исходные значения показателя «Доли населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %». В частности, в данную группу входит Московская область со значениями показателя 89,8%, 89,7% и 91,4%, со-

¹⁷ Цифровая экономика Российской Федерации // Правительство Рязанской области: [сайт]. URL: https://ryazan.gov.ru/activities/proektnoe_upravlenie_proj/proekty_v_ro_proj/W_773/?ysclid=macdkra74x668431212&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁸ Региональный проект «Цифровое государственное управление» // Минэкономразвития Тверской области: [сайт]. URL: <https://минэконом.тверскаяобласть.рф/national-project/projects/ekonomika/gos-upravlenie/> (дата обращения: 01.06.2025).

ответственно, в 2021, 2022 и 2023 гг. Вероятно, неустойчивость динамики показателя обусловлена факторами внешнего порядка, прежде всего, санкционными ограничениями в отношении России со стороны недружественных стран.

Среди регионов с устойчивой негативной динамикой показателя «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %», пожалуй, наиболее проблемной может быть признана Орловская область, где

в 2023 г. показатель достиг уровня 40,4%, что в 2 раза ниже среднего показателя по ЦФО.

Что касается регионов Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), то в исследуемый период здесь также преобладающей была тенденция устойчивого роста показателя «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %»: она отмечена в более, чем половине регионов СКФО (таблица 4).

Таблица 4

Группировка регионов Северо-Кавказского федерального округа по показателю «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, %»

Table 4

Grouping of Regions of the North Caucasus Federal District According to the Indicator «Percentage of the Population Who Used the Internet to Receive State and Local Services in the Total Population, %»

Группа	Число регионов	Состав группы
Группа 1	4	Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край
Группа 2	1	Республика Дагестан
Группа 3	2	Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика
Группа 4	0	-

Источник: разработано автором.

Лучшее значение показателя в этой группе в 2023 г. отмечено у Республики Ингушетия (71,0%). Существенный рост показателя (в 2021 г. его значение составляло 56,8%) обусловлен эффектами реализации в республике программ: «Платформа обратной связи», «Цифровизации мировых судов», «Услуги в электронном виде», «Система межведомственного электронного взаимодействия», «Обучение кадров» и «Централизованная система, обеспечивающая приём, учёт и передачу информации между участниками»¹⁹.

Даже в группе регионов с неустойчивой негативной динамикой показателя, после его снижения в 2022 г., в 2023 г. был отмечен существенный рост: на 10,5% и 17,9%, соответственно, в Карачаево-Черкесской Республике и Чеченской Республике. В Чеченской Республике была реализована государственная программа «Развитие цифровой экономики Чеченской Республики на 2019–2024 годы», нацеленная на повышение доступности для населения государственных и муниципальных услуг до уровня 100%; в Карачаево-Черкесской Республике – государственная программа «Развитие цифровой экономики Ка-

рачаево-Черкесской Республики»²⁰, целевым результатом которой определено «внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг». Следует отметить, что общими причинами отставания регионов СКФО от других регионов России являются: низкая цифровая грамотность населения, высокие (относительно доходов населения) цены и низкая скорость кабельного широкополосного Интернета, недостаток высококвалифицированных кадров в области IT [20].

Ещё более позитивная картина сложилась в отношении показателя «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения, %» (таблица 5). В современной экономике показатель, во многом, определяет комфортность проживания жителей в различных регионах страны, поскольку от физической и экономической доступности сети Интернет зависят возможности населения в части пользования цифровыми сервисами, такими как агрегаторы такси, сервисы доставки продуктов, каршеринг, пункты выдачи заказов и др.

²⁰ Постановление правительства Карачаево-Черкесской Республики от 24.06.2021 г. № 129 «О государственной программе «Развитие цифровой экономики Карачаево-Черкесской Республики».

¹⁹ В Ингушетии реализованы 6 программ в рамках нацпроекта «Цифровая экономика» // Газета «Ингушетия»: [сайт]. URL: <https://gazetaingush.ru/news/v-ingushetii-realizovany-6-programm-v-ramkah-nacproekta-cifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 01.06.2025).

Таблица 5

Показатели цифрового неравенства населения регионов Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов по показателю «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения, %»

Table 5

Indicators of Digital Inequality of the Population of the Regions of the Central and North Caucasus Federal Districts According to the Indicator «The Share of the Population Who Used the Internet to Order Goods (Services) in the Total Population, %»

Федеральный округ, субъект Федерации	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Центральный федеральный округ	46,6	53,7	61,3
Белгородская область	57,7	61,6	68,3
Брянская область	50,6	51,2	59,8
Владимирская область	39,8	51,7	55,1
Воронежская область	71,4	51,2	61,0
Ивановская область	49,0	60,3	64,3
Калужская область	39,5	49,8	53,4
Костромская область	27,8	37,4	38,2
Курская область	43,4	49,2	54,7
Липецкая область	48,2	53,8	58,0
Московская область	36,6	49,7	57,6
Орловская область	65,7	70,9	75,7
Рязанская область	33,0	39,4	41,5
Смоленская область	32,5	37,1	55,5
Тамбовская область	43,0	47,9	53,3
Тверская область	44,9	43,7	53,3
Тульская область	35,0	52,3	61,3
Ярославская область	63,0	53,7	58,3
г. Москва	45,2	50,0	62,6
Северо-Кавказский федеральный округ	35,4	39,4	47,0
Республика Дагестан	34,1	37,1	41,5
Республика Ингушетия	36,6	41,0	45,1
Кабардино-Балкарская Республика	27,0	28,0	33,6
Карачаево-Черкесская Республика	29,9	40,2	47,1
Республика Северная Осетия - Алания	20,0	32,1	36,6
Чеченская Республика	54,1	53,2	58,2
Ставропольский край	35,1	40,0	54,4

Источник: Росстат²¹.

Максимальное значение показателя «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения, %» в ЦФО составляло: в 2021 г. – 71,4 % (Воронежская область); в 2022 г. – 70,9% (Орловская область); в 2023 г. – 75,7% (Орловская область). В СКФО в исследуемый период лидером по показателю выступала Чеченская Республика: 54,1%, 53,2% и 58,2%, соответственно в 2021, 2022 и 2023 гг. Внутри федеральных округов межрегиональные различия по показателю оказались довольно существенны. В 2023 г. «разрыв» между максимальным и минимальным значениями

составил: в регионах ЦФО – 1,98 раза, в регионах СКФО – 1,7 раза; впрочем, следует отметить, что в 2021 г. эти «разрывы» были более существенны: 2,6 раза и 2,7 раза, соответственно. Другой аспект проблемы заключается в том, что, согласно исследованию экспертов АНО «Диалог», в удалённых от центра России регионах цифровые сервисы недоступны населению за пределами региональных центров²², что обусловлено отсутствием устойчивого доступа к сети Интернет.

Распределение регионов ЦФО и СКФО по группам представлено в таблице 6.

²¹ Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 05.06.2025).

²² Стало известно, в каких регионах СКФО низкая цифровая доступность // РБК: [сайт]. URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/22/12/2021/61c33bb69a79470766ca4a8b?ysclid=ma9v6pn8ad73735010> (дата обращения: 01.06.2025).

Таблица 6

Группировка регионов Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов по показателю «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения, %»

Table 6

Grouping of the Regions of the Central and North Caucasus Federal Districts According to the Indicator «The Share of the Population Who Used the Internet to Order Goods (Services) in the Total Population, %»

Центральный федеральный округ		Северо-Кавказский федеральный округ	
Группа	Число регионов	Группа	Число регионов
Группа 1	15	Группа 1	7
Группа 2	1	Группа 2	0
Группа 3	2	Группа 3	0
Группа 4	0	Группа 4	0

Источник: разработано автором.

Подавляющее большинство (15 из 18-ти) регионов ЦФО и все регионы СКФО в исследуемый период относились к группе с устойчивой позитивной динамикой показателя «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения, %», что свидетельствует о росте вовлечённости жителей к покупкам через Интернет. Для Тверской области характерна позитивная, но не устойчивая, динамика показателя (группа 2); для Воронежской и Ярославской областей – неустойчивая негативная динамика (группа 3). При этом исследования показывают достаточно равномерное увеличение показателя в городской и в сельской местности [21]. Основной причиной и катализатором расширения использования Интернет-технологий населением, особенно удалённых от центра страны регионов, стала пандемия коронавируса COVID-19 [22].

Отметим, что близкие уровни и схожую динамику показателя «Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения, %» имели существенно различающиеся по уровню социально-экономического развития регионы, например, относящиеся к первой группе Чеченская Республика (СКФО) и Брянская область (ЦФО). Данный факт является аргументом в пользу углубления научных исследований в данной области, в частности, перспективным направлением, на наш взгляд, является анализ доступности и целей использования населением сети Интернет в зависимости от уровня социально-экономического развития субъекта Федерации.

Заключение

В качестве заключения отметим, цифровизация стала сегодня одним из приоритетных направлений трансформации всех сфер обществен-

ной жизни. Для России, крупнейшей по территории страны с выраженными региональными различиями, особое значение имеют вопросы цифрового неравенства в пространственном аспекте. Межрегиональное цифровое неравенство в России определяется различиями в специфике использования информационных технологий в большей степени, чем неравенством населения в доступе к сети Интернет.

Исследование подтвердило гипотезу, что межрегиональное цифровое неравенство в России в период 2021–2023 гг. определялось различиями в специфике использования информационных технологий в большей степени, чем неравенством населения в доступе к сети Интернет.

Несмотря на ряд позитивных изменений, сформировавшихся в последние годы, «разрыв» между российскими регионами по ключевым показателям цифровизации сохраняется сегодня и, вероятно, будет иметь место в обозримой перспективе в будущем. В качестве факторов, которые будут определять тенденции в динамике цифрового неравенства населения регионов России, можно отметить следующие:

- увеличение охвата Интернет-связью населения, прежде всего, удалённых от центральной части регионов страны;

- дифференциация регионов по показателям цифровой экономики будет определяться факторами цифрового неравенства второго порядка, а именно: различиями в использовании информационных технологий различными социальными группами населения;

- уровень использования населением сети Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в обозримой перспективе будет выше, чем для заказа товаров и услуг.

По итогам исследования сформулированы следующие рекомендации органам государствен-

ного и муниципального управления по совершенствованию политики сглаживания цифрового неравенства населения России:

- обеспечить «увязку» стратегического планирования мероприятий по цифровизации и их финансирования с учётом особенностей и приоритетов развития каждого субъекта Федерации;
- обеспечить дальнейшее развитие цифровой инфраструктуры и услуг как ключевых факторов создания равных условий в доступе к цифровым технологиям и их использованию, независимо от места проживания населения;
- обеспечить увеличение охвата Интернет-связью населения в сельской местности, а также

проживающего на территориях со сложными природно-климатическими условиями.

Перспективы исследований проблемы цифрового неравенства населения регионов России, на наш взгляд, связаны с формированием методологических основ мониторинга глубины проникновения Интернета в разных регионах и социальных группах населения; с оценкой эффективности мероприятий по расширению доступа населения к сети Интернет; анализом и прогнозированием последствий цифрового неравенства для населения Российской Федерации.

Список источников

1. Нуреев Р.М., Карапаев О.В. Три этапа становления цифровой экономики // Journal of Economic Regulation. 2019. Том 10. № 2. С. 6–27. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.2.006-027> EDN WYGBQN
2. Цифровая трансформация: ожидания и реальность: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневецкий, М.А. Гершман, Л.М. Гохберг [и др.]; рук. авт. кол. П.Б. Рудник. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 221 с. ISBN 978-5-7598-2658-3
3. Абрамов В.И., Андреев В.Д. Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. №. 1. С. 89–119. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119> EDN JOKUIR
4. Сорокина Н.Ю. Особенности цифровизации в старопромышленных регионах России // Цифровая трансформация промышленности: тенденции, управление, стратегии: сборник научных статей. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2023. С. 113–123. <https://doi.org/10.17059/dti-2023-10> EDN LCBNEP
5. Jung J. Y., Qiu J. L., Kim Y. C. Internet connectedness and inequality beyond the «divide» // Communication Research. 2001. Vol. 28. № 4. P. 507–535. <https://doi.org/10.1177/009365001028004006>
6. Torres P., Augusto M. Digitalisation, social entrepreneurship and national well-being // Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 161. Art. 120279. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120279>
7. Twizeyimana J.D., Andersson A. The public value of E-Government – A literature review // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36. Issue 2. P. 167–178. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.01.001>
8. Pirannejad A., Ingrams A. Open Government Maturity Models: A Global Comparison // Social Science Computer Review. 2023. Vol. 41. Issue 4. P. 1140–1165. <https://doi.org/10.1177/08944393211063107>
9. Мониторинг цифровизации государственного управления (динамика оценок граждан в 2022–2024 гг.) / В.Н. Южаков, А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская, А.Н. Старостина. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2025. 264 с. ISBN 978-5-85006-650-5
10. Van Dijk J. A.G.M. The evolution of the digital divide: The digital divide turns to inequality of skills and usage // Digital enlightenment yearbook / eds. by J. Bus, M. Crompton, M. Hildebrandt, G. Metakides. Amsterdam: IOS Press Ebooks, 2012. P. 57–75. ISBN 978-1-61499-056-7
11. Hilbert M. Digital gender divide or technologically empowered women in developing countries? A typical case of lies, damned lies, and statistics // Women's Studies International Forum. 2011. Vol. 34. № 6. P. 479–489. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2011.07.001>
12. Attewell P. Comment: The First and Second Digital Divides // Sociology of education. 2001. Vol. 74. № 3. P. 252–259. <https://doi.org/10.2307/2673277>
13. The digital divide: The Internet and social inequality in international perspective / eds. by M. Ragnedda, G.W. Muschert. England: Routledge, 2013. 344 p.
14. Земцов С.П., Демидова К.В., Кичаев Д.Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. 2022. Том 14. № 4. С. 57–78. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4> EDN LDZLAY
15. Попов Е.В., Семячков К.А., Симонова В. Л. Оценка влияния информационно-коммуникационных технологий на инновационную активность регионов // Финансы и кредит. 2016. № 46(718). С. 46–60. EDN XERWCV
16. Юдина М.А. Влияние цифровизации на социальное неравенство // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Том 16. № 1. С. 97–108. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.1.10> EDN OQKAIZ
17. Грошев И.В., Краснослободцев А.А. Цифровизация и креативность российских регионов // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 66–78. <https://doi.org/10.31857/S013216250009390-2> EDN PLVOPV

18. Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Усманов Д.И. Оценка влияния цифрового неравенства на уровень социально-экономического развития регионов Российской Федерации // Вопросы инновационной экономики. 2021. Том 11. № 3. С. 961–984. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.113452> EDN BSQQKC
19. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> EDN WOQAYF
20. Цифровая трансформация периферийных регионов Юга России (на примере Чеченской Республики) / И.В. Митрофанова, М.А. Бисакаева, Н.Р. Гукасова, А.А. Орлянская // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Том 8. № 10А. С. 117–131. EDN YXVJMT
21. Прохоров Ю.Н., Карацук О.С. Розничная Интернет-торговля в России: состояние, тенденции и дальнейшее развитие // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. Том 17. № 5(113). С. 196–206. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-5-196-206> EDN FHUOEE
22. Трофимова И.Н. Доступность и использование населением сети интернет в регионах // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 384–406. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.1> EDN RUBPZR

Информация об авторе:

Наталья Юрьевна Сорокина – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр федеративных отношений и регионального развития, Институт экономики РАН
(SPIN-код: 9611-0513) (РИНЦ Author ID: 625147) (Scopus Author ID: 57205168159)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Nureev R.M., Karapaev O.V. Digital Economy as an Economic Institute. *Journal of Economic Regulation*. 2019;10(2):6-27. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.2.006-027> (In Russ.)
2. Rudnik P.B. (head of auth.), Abdrakhmanova G.I., Vasil'kovskii S.A., et al. Tsifrovaya Transformatsiya: Ozhidaniya i Real'nost'. Report for the XXIII Yasinsky (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development; 2022; Moscow, Russia. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2022. 221 p. ISBN 978-5-7598-2658-3
3. Abramov V.I., Andreev V.D. Analysis of Strategies for Digital Transformation of Russian Regions in The Context of Achieving National Goals. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*. 2023;(1):89–119. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119> (In Russ.)
4. Sorokina N.Yu. Osobennosti Tsifrovizatsii v Staropromyshlennykh Regionakh Rossii. In: Tsifrovaya transformatsiya promyshlennosti: tendentsii, upravlenie, strategii. Collection of scientific articles. Yekaterinburg: Institute of Economics – Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2023. P. 113–123. <https://doi.org/10.17059/dti-2023-10> (In Russ.)
5. Jung J. Y., Qiu J. L., Kim Y. C. Internet Connectedness and Inequality Beyond The «Divide». *Communication Research*. 2001;28(4):507-535. <https://doi.org/10.1177/009365001028004006>
6. Torres P., Augusto M. Digitalisation, Social Entrepreneurship and National Well-Being. *Technological Forecasting and Social Change*. 2020;(161),120279. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120279>
7. Twizeyimana J.D., Andersson A. The Public Value of E-Government - a Literature Review. *Government Information Quarterly*. 2019;36(2):167-178. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.01.001>
8. Pirannejad A., Ingrams A. Open Government Maturity Models: A Global Comparison. *Social Science Computer Review*. 2023;41(4):1140–1165. <https://doi.org/10.1177/08944393211063107>
9. Yuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., et al. Monitoring Tsifrovizatsii Gosudarstvennogo Upravleniya (Dinamika Otsenok Grazhdan v 2022–2024 gg.). Moscow: Publishing house «Delo» RANEPa; 2025. 264 p. ISBN 978-5-85006-650-5
10. Van Dijk J. A.G.M. The Evolution of The Digital Divide: The Digital Divide Turns to Inequality of Skills and Usage. In: Bus J., Crompton M., Hildebrandt M. (eds), et al. Digital Enlightenment Yearbook. Amsterdam: IOS Press Ebooks; 2012. P. 57-75. ISBN 978-1-61499-056-7
11. Hilbert M. Digital Gender Divide or Technologically Empowered Women in Developing Countries? A Typical Case of Lies, Damned Lies, and Statistics. *Women's Studies International Forum*. 2011;34(6):479-489. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2011.07.001>
12. Attewell P. Comment: The First and Second Digital Divides. *Sociology of Education*. 2001;74(3):252-259. <https://doi.org/10.2307/2673277>
13. Ragnedda M., Muschert G.W. The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective. England: Routledge; 2013. 344 p.
14. Zemtsov S.P., Demidova K.V., Kichaev D.Yu. Internet Spread and Interregional Digital Inequality in Russia: Trends, Factors, and Impact of the Pandemic. *Baltiiskij region=Baltic Region*. 2022;14(4):57-78. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4> (In Russ.)
15. Popov E.V., Semyachkov K.A., Simonova V.L. Assessment of the Impact of Information and Communication Technologies on Innovative Activity of Regions. *Finansy i kredit=Finance and Credit*. 2016;(46(718)):46–60. (In Russ.)
16. Yudina M.A. The Impact of Digitalization on Social Inequality. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Standard of Living of the Population of Russian Regions*. 2020;16(1):97–108. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.1.10> (In Russ.)

17. Groshev I.V., Krasnoslobodcev A.A. Digitalization and Creativity of Russian Regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2020;(5):66-78. <https://doi.org/10.31857/S013216250009390-2> (In Russ.)
18. Dudin M.N., Shkodinsky S.V., Usmanov D.I. Assessing of the Digital Inequality Impact on of Socio-Economic Development of the Regions of the Russian Federation. *Voprosy innovatsionnoi ehkonomiki=Russian Journal of Innovation Economics*. 2021;11(3):961-984. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.113452> (In Russ.)
19. Bobkov V.N., Bobkova T.E., Vershinina M.A. Uroven' i Kachestvo Zhizni Naseleniya Rossii: ot Real'nosti k Proektirovaniyu Budushchego. Monograph. FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> (In Russ.)
20. Mitrofanova I.V., Bisakaeva M.A., Gukasova N.R., Orlyanskaya A.A. Digital Transformation of Peripheral Regions of the South of Russia (on the Example of the Chechen Republic). *Ehkonomika: vchera, segodnya, zavtra=Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2018;8(10A):117-131. (In Russ.)
21. Prokhorov Y.N., Karashchuk O.S. Etail Internet Trade in Russia: Standing, Trends and Further Development. *Vestnik Rossiiskogo ehkonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova=Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2020;17(5(113)):196-206. (In Russ.)
22. Trofimova I.N. Availability and Use of the Internet Network by the Population in the Regions. *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2023;(21):384-406. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.1> (In Russ.)

Information about the author:

Natalia Yu. Sorokina – PhD in Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Center for Federal Relations and Regional Development, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(SPIN-code: 9611-0513) (RSCI Author ID: 625147) (Scopus Author ID: 57205168159)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 23.07.2025; accepted for publication 11.09.2025.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 331.5.024.5(045)

JEL O15

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_9_461_473

EDN MIDARC

Ресурсный потенциал рынка труда ЕАЭС и миграционные процессы в России

Глеб Львович Подвойский

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(g.podvoysky@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-8698-7496>)

Аннотация

Интеграционные процессы, формируемые и развивающиеся в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), оказывают значительное влияние на национальные рынки стран-членов этого объединения, в связи с чем процесс эволюции национальных рынков труда стран-членов ЕАЭС требует всестороннего детального рассмотрения и экспертно-аналитического сопровождения с учётом динамики и структуры единого рынка труда ЕАЭС. Ресурсный потенциал, качественные и количественные характеристики единого рынка труда ЕАЭС, его динамика и структура развития определяют устойчивость национальных рынков труда, в том числе и российского. Теоретической и методологической основой исследования стали труды российских и зарубежных исследователей, содержащие оценки ресурсного потенциала и динамика развития единого рынка труда ЕАЭС и российского рынка труда во взаимосвязи с инициированными в рамках этого объединения интеграционными процессами, а также с проблемами и возможными путями снижения дестабилизирующих факторов. Информационные источники исследования – статистические и экспертно-аналитические материалы статистических служб Российской Федерации и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). В качестве основных результатов исследования сделаны выводы о необходимости оценки эффективности миграционных процессов в рамках ЕАЭС для российского рынка труда с учётом различий в объёмах рынков стран-членов ЕАЭС, отраслевых потребностей и квалификационных характеристик мигрирующих трудовых ресурсов, а также задач пространственного развития Российской Федерации и факторов внешнего влияния на развитие российской экономики в условиях санкционного давления. Цель исследования – описание на основе статистических данных и экспертных оценок ресурсного потенциала и динамики развития общего рынка труда ЕАЭС и российского рынка труда. Для достижения цели исследования автор ставит задачу на основе имеющихся статистических данных структурировать качественные и количественные характеристики единого рынка труда ЕАЭС, оценить динамику его развития и определить параметры влияния интеграционных процессов на устойчивость РТ ЕАЭС в целом и российского рынка труда.

Ключевые слова: единый рынок труда ЕАЭС, российский рынок труда, свободное перемещение рабочей силы, устойчивость рынка труда, динамика развития рынка труда, структура рынка труда, трудовая миграция

Для цитирования: Подвойский Г.Л. Ресурсный потенциал рынка труда ЕАЭС и миграционные процессы в России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 461–473. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_9_461_473 EDN MIDARC

RAR (Research Article Report)

JEL O15

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_9_461_473

Resource Potential of the EAEU Labor Market and Migration Processes in Russia

Gleb L. Podvoiskii

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(e.a.yurovskaya@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-8698-7496>)

Abstract

Integration processes formed and developing within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU) have a significant impact on the national markets of the member countries of this association, therefore, the process of evolution of the national labour markets of the EAEU member countries requires comprehensive detailed consideration and expert and analytical support, taking into account the dynamics and structure of the single labour market of the EAEU. The resource potential, qualitative and quantitative characteristics of the EAEU single labour market, its dynamics and development structure determine the sustainability of national labour markets, including the Russian one. The theoretical and methodological basis of the study are the works of Russian and foreign researchers, containing assessments of the resource potential and dynamics of the EAEU single labour market and the Russian labour market in the relationship with the integration processes initiated within the framework of this association, as well as with the problems and possible ways to reduce destabilizing factors. The information sources of the study are statistical and expert-analytical materials of statistical services of the Russian Federation and the Eurasian Economic Commission (EEC). The main results of the study are the conclusions about the need to assess the effectiveness of migration processes within the EAEU for the Russian labour market, taking into account the differences in the volume of markets of EAEU member states, sectoral needs and qualification characteristics of migrating labour resources, as well as the tasks of spatial development of the Russian Federation and the factors of external influence on the development of the Russian economy under sanctions pressure. The aim of the study is to describe, based on statistical data and expert assessments, the resource potential and dynamics of development of the common labour market of the EAEU and the Russian labour market. To achieve the goal of the study, the author sets the task to structure qualitative and quantitative characteristics of the common EAEU labour market on the basis of available statistical data, assess

the dynamics of its development and determine the parameters of the impact of integration processes on the sustainability of the EAEU RT as a whole and the Russian labour market.

Keywords: single labor market of the EAEU, Russian labor market, free movement of labor, stability of the labor market, dynamics of labor market development, structure of the labor market, labor migration

For citation: Podvoiskii G.L. Resource Potential of the EAEU Labor Market and Migration Processes in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):461–473. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_9_461_473 (In Russ.)

Введение

Существующие научные подходы позволяют сформулировать широкую проблематику явлений и процессов, связанных с понятием устойчивости рынка труда (далее – РТ). Концепция устойчивого развития как относительно новая теоретическая основа и система методологических подходов, определила формирование современной методологии мониторинга рынков (в том числе РТ как сегмента системы) и оценки устойчивости его состояния и развития [1; 2; 3; 4; 5].

В контексте рассматриваемых интеграционных процессов устойчивость общего рынка труда Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) не определяется только свободным движением рабочей силы, будучи по сути многомерным явлением. Поэтому многие российские исследователи отмечают как наиболее важное направление мониторинг, оценку и анализ данных и явлений, оказывающих как отрицательное, так и положительное влияние на развитие российского РТ как части единого рынка труда ЕАЭС.

Исследование эффективности миграционных процессов в рамках ЕАЭС для российского РТ важно выполнять с учётом различий в объёмах рынков стран-членов ЕАЭС, отраслевых потребностей и квалификационных характеристик мигрирующих трудовых ресурсов, задач пространственного развития Российской Федерации и факторов внешнего влияния на развитие российской экономики в условиях санкционного давления.

Несмотря на наличие достаточно большого количество данных и исследований по проблемам устойчивого развития и развития РТ, потребность в исследованиях в этой сфере сохраняется. Особенно важны исследования, выполненные на основе взаимоувязки данных мониторинга рынков труда различных стран-членов ЕАЭС и ресурсного потенциала РТ ЕАЭС с целеполаганием и динамикой экономического развития стран ЕАЭС.

Особое место в проводимых исследованиях занимает изучение проблем, связанных с трудовой миграцией (в отраслевом и профессионально-квалификационном разрезе), которая оказы-

вает значительное влияние на функционирование и устойчивость РТ ЕАЭС и его стран-членов.

Формирующиеся в рамках трудовой миграции демографические факторы труда могут дестабилизировать открытый рынок, усугубить существующие диспропорции.

В связи с этим возрастает потребность в проведении всестороннего анализа на основе систематизированных данных динамики и структуры трудовой миграции при исследовании российского РТ как самого ресурсоёмкого и разнообразного по отраслевой направленности по сравнению со всеми странами в составе ЕАЭС.

Цель исследования – оценка ресурсного потенциала и динамики развития общего РТ ЕАЭС и российского рынка труда. Для достижения цели исследования автор ставит задачу на основе имеющихся статистических данных структурировать качественные и количественные характеристики единого рынка труда ЕАЭС, оценить динамику его развития и определить параметры влияния интеграционных процессов на устойчивость РТ ЕАЭС в целом и российского рынка труда. Объект исследования – качественные и количественные характеристики единого РТ ЕАЭС. Предмет исследования – влияние интеграционных процессов на едином РТ ЕАЭС на устойчивое развитие российского рынка труда. Гипотеза исследования: ресурсный потенциал, динамика и структура развития единого РТ ЕАЭС – это важные характеристики, определяющие устойчивость национальных рынков труда и российского рынка труда, в частности.

Теоретические и методологические основы исследования

Теоретической и методологической основой исследования стали труды российских и зарубежных авторов, содержащие оценки ресурсного потенциала и динамика развития единого рынка труда ЕАЭС и российского рынка труда во взаимосвязи с инициированными в рамках этого объединения интеграционными процессами, а также с проблемами и возможными путями снижения дестабилизирующих факторов. Ввиду многоуровневости проблемы авторами исследования

применены различные методы научного анализа, включая сравнительный, исторический и др., а также междисциплинарный и системный подходы. В работе выполнены контент-анализы научных исследований, анализы нормативно-правовой документации и экспертно-аналитических материалов статистических служб Российской Федерации и Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК).

В качестве основных методов исследования использованы общенаучные и специальные экономические методы, позволяющие комплексно рассмотреть проблемы, возникающие вследствие введения свободного режима миграции трудовых ресурсов на пространстве ЕАЭС. На основе методов экономического и статистического анализа дана оценка структуры и динамики единого РТ ЕАЭС, последствий для российской экономики, определён спектр возможных рисков как следствие этих интеграционных процессов.

Использованные данные и методы работы с ними

Информационная база исследования сформирована на основе нормативно-правовых актов Российской Федерации, статистических данных Федеральной службы государственной статистики, Пограничной службы ФСБ России, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы по труду и занятости, Всероссийского научно-исследовательского института труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Евразийской экономической комиссии, экспертных оценок и аналитических разработок российских и зарубежных учёных и исследователей, изданных ООН официальных оценок и прогнозов народонаселения. В качестве основных методов исследования были использованы общенаучные и специальные экономические методы, позволяющие комплексно рассмотреть проблемы, связанные с развитием интеграционных процессов на едином рынке труда ЕАЭС и их влиянием на устойчивое развитие российского рынка труда.

Результаты исследования

Если говорить о миграционной ситуации в целом, то по данным Росстата в Российской Федерации наблюдается миграционный прирост, в том числе и из стран ЕАЭС. Но количественные показатели, как свидетельствует и зарубежный опыт [6], не в полной мере отражают качественные характеристики, например, нелегальную миграцию, которая на сегодняшний день стала масштабной проблемой. Статистика трудовой миграции в Россию разнообразна и не всегда аккумулирована в

рамках одного информационного ресурса, так как формируется из разных источников (ФСБ фиксирует количество въездов в страну, МВД – постановку на учёт и пр.). Очевидно, что не все въезжающие намерены работать, и не все работающие оформляются в соответствии с трудовым законодательством.

Также сложно подаётся статистическому измерению скрытая безработица, к которой можно отнести учёт трудоспособного населения, которое работает, но не получает заработную плату или получает, но с задержкой, заняты частично, находятся в простое по вине работодателя или в отпуске без сохранения заработной платы, но официально, как безработные они не регистрируются.

Ещё один блок дестабилизирующих факторов связан с неурегулированностью современной нормативно-правовой базы в области РТ, а также характеризуется недостаточной взаимосвязью государственных и рыночных методов регулирования занятости.

В качестве основных научных подходов при рассмотрении проблем обеспечения устойчивости российского РТ в условиях свободы перемещения рабочей силы в рамках ЕАЭС предлагается применять междисциплинарный и системный подход. Его применение обусловлено необходимостью рассмотрения рынка труда как многоуровневой и многоотраслевой системы, включающей большое количество экономических акторов (работник-работодатель; страна-донор-страна-реципиент; резидент-мигрант, национальный уровень-региональный уровень, местный уровень и т.д.) [7].

Проблема нехватки высококвалифицированных кадров стала крайне актуальной для российской экономики, и в случае отсутствия решений в будущем, ситуация будет только усугубляться [8]. Однако, как показал анализ зарубежного опыта, возможно решить эту проблему, в частности, совершенствуя систему поиска и привлечения персонала на РТ, в том числе зарубежных специалистов. В этом случае свободное перемещение трудовой силы на территории ЕАЭС выступает взаимовыгодным процессом, способствуя приращению кадрового потенциала и социально-экономическому развитию входящих в состав его государств [9].

Анализ статистических данных о трудовой миграции в условиях экономической интеграции, дифференцированных по странам ЕАЭС (рисунок 1), свидетельствует о зависимости динамики миграционных процессов от различных внешних и внутренних факторов (политических, экономических, социальных и пр.).

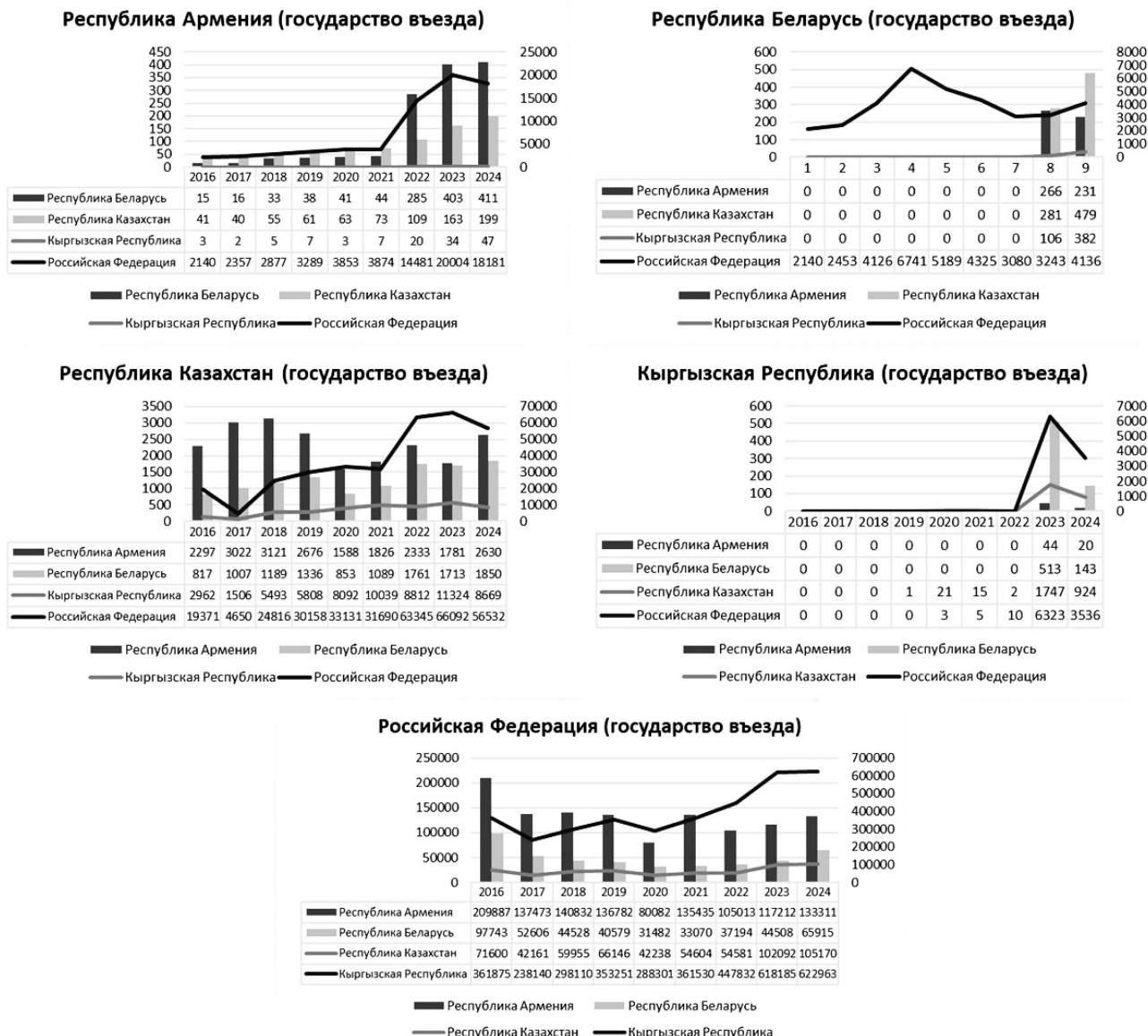

Рисунок 1. Численности граждан государств-членов ЕАЭС, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности за период с 2016 по 2024 годы
Figure 1. The Number of Citizens of the EAEU Member States, Who Entered the Country (Republic of Armenia, Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Russian Federation) to Carry out Labor Activities for the Period from 2016 to 2024

Источник: составлено на основе данных статистики Евразийского экономического союза.¹

Рассматривая потенциал трудовых ресурсов ЕАЭС по половозрастным группам, можно определить ряд закономерностей.

¹ Сведения о численности граждан государств-членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности за период с 2012 по 2015 годы // ЕЭК: [сайт]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/506/h2lyg7mmxfbox40psgqarmtuma8o00i/o/Svedeniya-2024-god.pdf> (дата обращения 18.03.2025).

В значительной мере повышательная динамика рабочей силы в трудоспособном возрасте определяется постепенным повышением пенсионного возраста, что обеспечит в краткосрочной перспективе сокращение дефицита рабочей силы, но не решит проблем в средне- и долгосрочной перспективе. Численность населения по половозрастным группам по состоянию на 2018 и 2022 годы представлена на рисунке 2, который отражает изменения, произошедшие в структуре населения стран ЕАЭС.

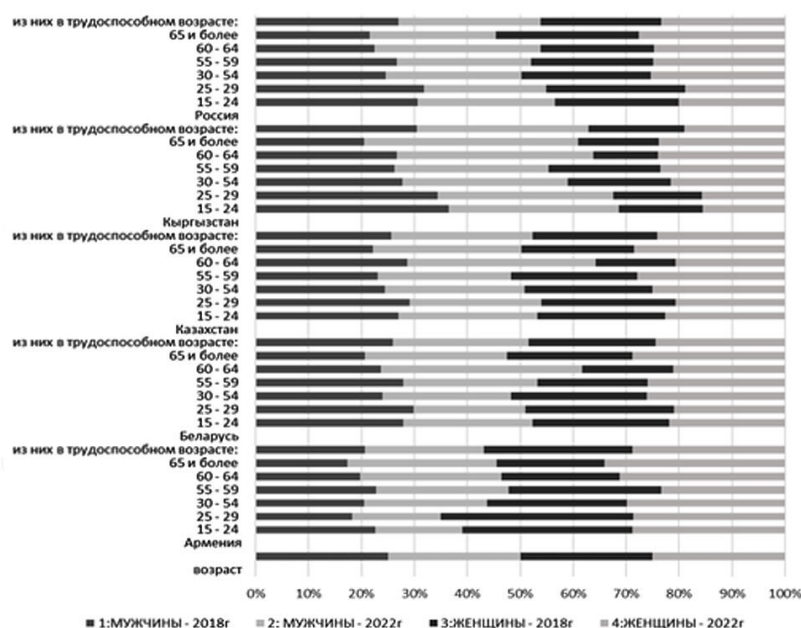

Рисунок 2. Численность населения стран ЕАЭС по половозрастным группам на 2018 и 2022 годы
Figure 2. Population of the EAEU Countries by Age and Gender Groups in 2018 and 2022

Источник: составлено на основе данных статистики Евразийского экономического союза.²

Представленные на рисунке данные свидетельствуют в значительном степени о влиянии демографических сдвигов в возрастной структуре населения на структуру занятых на российском РТ и об ограниченных возможностях остальных стран ЕАЭС по корректировке указанного структурного сдвига.

Динамика возрастной структуры населения, представленная в среднем варианте прогноза³,

показывает высокую зависимость российского РТ в целом от миграционного притока при условии сохранения технологий производства и спроса на рабочую силу.

Наряду с выявленными структурными возрастными дисбалансами, можно выделить отраслевую специфику приложения рабочей силы занятого населения стран-членов ЕАЭС (рисунок 3).

Рисунок 3. Распределение занятого населения по сферам деятельности в 2023 году (в процентах)
Figure 3. Distribution of the Employed Population by Sphere of Activity in 2023 (in percent)

Источник: составлено на основе данных статистики Евразийского экономического союза.⁴

² Рынок труда. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2023. 169 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/ecostat/statpub/LabourMarketYearbook2018-2022.pdf (дата обращения 04.02.2025).

³ World Population Prospects 2022. Department of Economic and Social Affairs // United Nations: [сайт]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 18.02.2025 г.).

⁴ О рынке труда в Евразийском экономическом союзе 2023 год. Аналитический обзор 31 октября 2024 г. Статистика Евразийского экономического союза. // ЕЭК: [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/ecostat/statpub/labourmarket_2023.pdf (дата обращения 18.03.2025 г.).

Практически полная идентичность структуры распределения трудовых ресурсов по сегментам национальных рынков стран-членов ЕАЭС с учётом одинаково высокого по странам показателя занятости в сфере услуг как наиболее «теневизированной» сфере деятельности [10], которая существенно превосходит все иные показатели занятости населения стран-членов ЕАЭС по сферам возможной экономической деятельности.

Также сохраняется негативная тенденция дефицита трудовых ресурсов в таких видах экономической деятельности, как «сельское хозяйство, лесное и рыбное хозяйство», «горнодобывающая промышленность и разработка карьеров», «электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование» в большинстве

государств – членов ЕАЭС. Маловероятно ожидать притока трудовых ресурсов в эти отрасли российского рынка благодаря миграционным потокам трудовых ресурсов ЕАЭС.⁵

В сочетании со статистическими данными, свидетельствующими о стабильно высоком проценте безработицы среди лиц с низким образовательным уровнем (не имеющих полного среднего образования, имеющих среднее общее образование) страны-члены ЕАЭС, учитывая их собственный дефицит в квалифицированных специалистах, вряд ли могут рассматриваться как источник высококвалифицированных трудовых ресурсов для восполнения их дефицита в высокотехнологичных отраслях российской экономики (рисунок 4).

Рисунок 4. Распределение безработных по уровню образования в 2023 году (в процентах к итогу)
Figure 4. Distribution of Unemployed by Level of Education in 2023 (as a Percentage of the Total)

Источник: составлено на основе данных статистики Евразийского экономического союза.⁶

Бесконтрольная нерегламентированная должным образом миграция неквалифицированных/низкоквалифицированных трудовых ресурсов не отвечает потребностям и ожиданиям особенно в тех отраслях экономики, которые испытывают дефицит трудовых ресурсов определённой квалификации и профессиональных навыков, и требует проведения серьёзных мероприятий по предварительной профессиональной подготовке и повышению образовательного уровня.

⁵ О рынке труда в Евразийском экономическом союзе 2023 год. Аналитический обзор 31 октября 2024 г. Статистика Евразийского экономического союза. // ЕЭК: [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/ecostat/statpub/labourmarket_2023.pdf (дата обращения 18.03.2025 г.).

⁶ Там же.

Такая ситуация заведомо содержит серьёзные риски деформации и дисбалансам российского РТ, что, в свою очередь, ведёт к серьёзным социально-экономическим проблемам и не соответствует национальным интересам экономического развития.

При открытии российского РТ следует также принимать в расчёт риски значительной региональной дифференциации, связанной с дисбалансами рынков труда в регионах. Миграционные потоки в первую очередь сконцентрированы в столичных агломерациях: 22,44 % поставленных на миграционный учёт в 2022 году приходятся на Москву; 13,14 % – на Санкт Петербург и Ленинградскую область; 12,25 % – на Московскую об-

ласть⁷. Всего на эти четыре региона приходится 47,83 % поставленных на миграционный учёт. На долю следующего региона – Краснодарского края приходится 3,33%, а на 10 следующих регионов в сумме – 18,86 %.

С одной стороны, приток мигрантов в столичные регионы обеспечивает некоторое снижение межрегионального спроса на труд, но, с другой стороны, усиливает межрегиональные дисбалансы.

Всероссийский научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации регулярно проводит мониторинг публичного рынка вакансий и резюме на основе постоянного сбора, обработки, систематизации и анализа данных вакансий и резюме, размещаемых на основных рабочих агрегаторах России (SuperJob, HeadHunter, «Работа в России»), что позволяет выявить различия в предлагаемой заработной плате, объёмах и интенсивности размещений вакансий в профессионально-квалификационном и отраслевом разрезе [11; 12].

Статистика Евразийской экономической комиссии однозначно свидетельствует о тенденции перенасыщения миграционными трудовыми ресурсами крупных агломераций на территории Российской Федерации. В то же время эти процессы развиваются на фоне сохраняющегося дефицита профессиональных кадров отраслей российской экономики, выделенных в приоритетные в рамках Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.⁸

Концентрация миграционных трудовых ресурсов в больших городах, расположенных в основном в Европейской части Российской Федерации, ведёт к сокращению числа населения в сельских и малонаселённых районах страны, не способствует формированию сбалансированного территориального развития нашей страны.

Трудовая миграция – естественный процесс с целью повышения социально-экономических условий жизни, условий труда, улучшения благосостояния, который порождает немало социально-экономических проблем, в том числе незаконную трудовую деятельность мигрантов, создающую ряд угроз безопасности государства.

Российские исследователи провели идентификацию и систематизацию рисков на основе контент-анализа научных исследований, анализа нормативно-правовой документации и анализа статистической информации, предоставляемой Федеральной службой государственной статистики, Пограничной службой ФСБ России, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по труду и занятости.

Все выявленные риски разделены по следующим категориям: экономические, социальные, культурные и этнические, правовые и политические, риски функционирования и устойчивости рынка труда, риски, обусловленные сложностью методологии учёта миграции и трудовой деятельности мигрантов (рисунк 5).

Рисунок 5. Риски государства от миграции и незаконной трудовой деятельности мигрантов из стран ЕАЭС

Figure 5. Risks to the State from Migration and Illegal Labor Activities of Migrants from the EAEU Countries

Источник: составлено автором на основе [13].

⁷ Рассчитано по данным МВД России: Статистические сведения о миграционной ситуации. // МВД России: [сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения 06.3.2025).

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Количественная и качественная оценка трудовой миграции выполняется на основе анализа показателей деятельности государственных органов, их отчётности и контроля за миграционными процессами, практики ведения и учёта статистики как основного источника информации для оценки состояния миграции и выработки направлений для совершенствования контроля за трудовой миграцией населения. Она включает периодическую перепись населения страны, региона, муниципального образования, учёт прибывающих и выбывающих с территории граждан страны, иностранных граждан и лиц без гражданства, оценку причин переселения как внутри страны, так внешней миграции.

Показатели оценки трудовой миграции, которые характеризуют масштабы распространения, направления и успешность переселения населения должны учитываться государственными органами за определённый промежуток времени с целью формирования системы, состоящей из отно-

сительных и абсолютных показателей миграции в расчёте на численность населения в зависимости от уровня системы (государство, регион, муниципальное образование), но для унификации применяется значение, приведённое к 1000 человек.

С помощью абсолютных и относительных показателей удобно и эффективно проводить верхнеуровневую оценку миграции, в том числе трудовой (масштаб, интенсивность, направленность и т.п.) на основе ретроспективных данных с целью оценки как внутренних, так и внешних воздействующих факторов на миграционный процесс. Эти показатели также должны учитывать разные группы населения, которые можно разделить по гендерному, территориальному, национальному, признакам, а также по статусу занятости, возрасту, экономической активности и другим критериям [14].

Система относительных и абсолютных показателей международной миграции, как составной части общего переселения людей включает следующие критерии, которые представлены на рисунке 6.

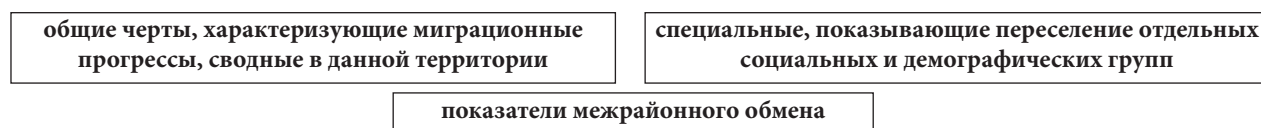

Рисунок 6. Критерии международной миграции
Figure 6. Criteria for International Migration

Источник: составлено автором на основе [15].

Главный показатель адаптируемости (приспособляемости) переселенного населения – отношение количества местного населения к мигрантам за установленный промежуток (период) времени, которое необходимо для эффективной оценки приживаемости граждан.

Источник определения и оценки масштабов миграционных процессов на определённой

территории – абсолютные показатели, которые характеризуют основные направления идентификации, классификации миграционных процессов в настоящее время с учётом одной и той же территориальной принадлежности в различные периоды времени. Основные абсолютные показатели миграционных процессов представлены на рисунке 7.

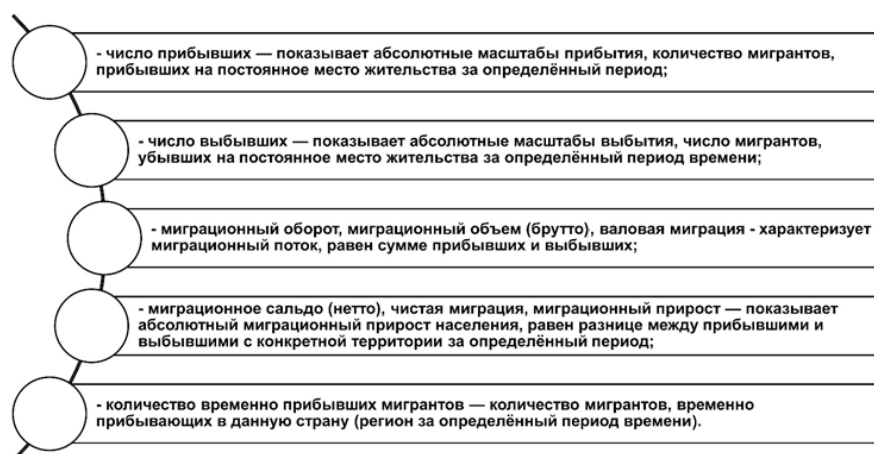

Рисунок 7. Абсолютные показатели миграции
Figure 7. Absolute Migration Rates

Источник: составлено автором на основе [16].

Источник определения интенсивности миграции – относительные показатели, которые характеризуют и описывают результативность переселения населения на базе расчёта отношения прибывших к выбывшим гражданам.

Материальные издержки, связанные с заселением территорий с целью их освоения, опреде-

ляются показателем демографических издержек, который рассчитывается как отношение затрат на число прибывших людей.

Основные показатели, которые используют коэффициенты интенсивности и рассчитываются в промилле или в процентах, представлены на рисунке 8.

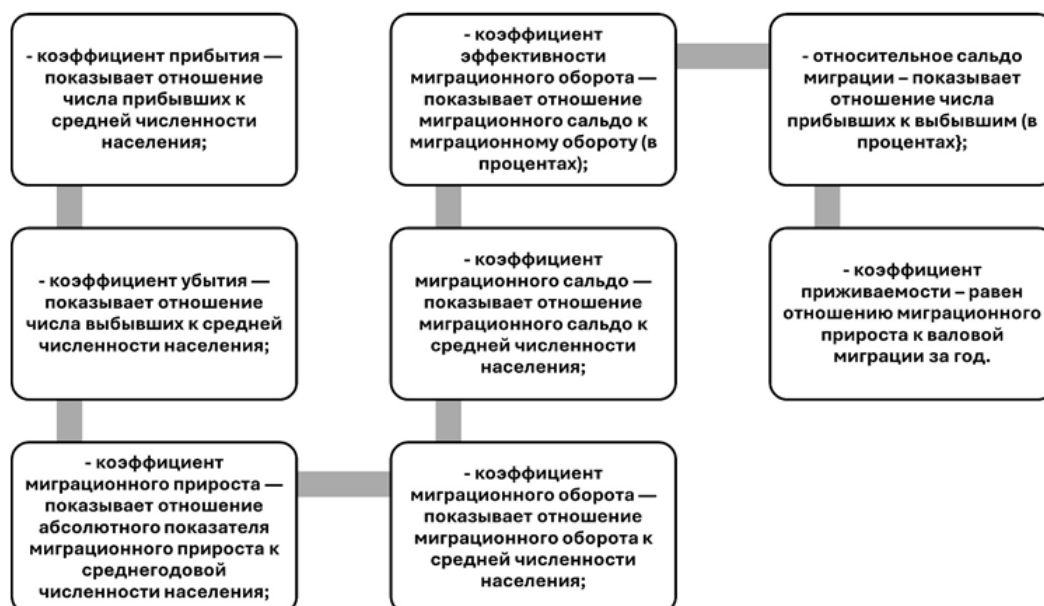

Рисунок 8. Показатели миграции, выражающиеся в промилле или в процентах
Figure 8. Migration Rates Expressed in Ppm or Percentage

Источник: составлено автором на основе [16].

Описание миграционных процессов получают на основе расчётов относительных и абсолютных показателей для отдельных групп населения с возможностью установки весовых коэффициентов для каждого из показателей в зависимости от территориальной принадлежности, конфессии, экономических характеристик и других факторов, оказывающих воздействие на быт и работу граждан, а индексы относительной интенсивности показывают, какую долю от общего количества населения страны, региона, образования, бизнеса занимают данные группы прибывающих или выбывающих в/из страны.

Показатели, которые рассчитываются для определённой категории населения, называют структурными, и их аналогично можно разделить на две группы: абсолютные и относительные.

Структурные показатели миграции характеризуют различные группы граждан по различным признакам, которые в свою очередь могут более детально раскрыть причины (мотивы) переселения людей, но в то же время усложняют оценку (анализ) миграционных потоков, так как нефор-

мальная занятость населения и скрытый характер жизнедеятельности приводят к ошибкам и снижает эффективность мероприятий по улучшению миграционной политики, а также удорожает процедуры управления миграцией.

К основным признакам классификации общих миграционных потоков показателей можно отнести: территориальную, возрастную, гендерную, образовательную, национальную дифференциацию, а также причину миграции.

Анализ миграции на основе количественных показателей проводится расчётом (определением) значений выбытий за пределы территории страны, района, региона, муниципального образования и заезда на эту же местность с других территорий, а разность между этими значениями в установленный промежуток времени называют чистой миграцией. Вместе с тем показатели, характеризующие миграционное взаимодействие между выбывшими и прибывшими с местным населением, проживающим на данной территории, можно классифицировать по следующим параметрам, которые представлены на рисунке 9.

масштабы прибытий (п): число человек, прибывших в рассматриваемое административно-территориальное образование (страну, регион) за определенный период	масштабы выбытий (в): число человек, выбывших из рассматриваемого административно-территориального образования (страны, региона) за определенный период	чистая миграция (нетто-миграция, сальдо-миграции): Сальдо миграций — разница между числом прибытий и числом выбытий,
валовая миграция (миграционный оборот): сумма числа прибытий и выбытий в административно-территориальном образовании (стране, регионе) за какой-то период	коэффициент интенсивности миграции по прибытию (Кп)	коэффициент интенсивности миграции по выбытию (Кв)
миграционный оборот (Кмт) либо коэффициент интенсивности миграции (Кит)	механический прирост (Ксм), либо коэффициент чистой миграции (Км)	для оценки эффективности миграции (кэ) определяется отношение миграционного прироста к объему миграции

Рисунок 9. Количественные показатели миграционных потоков

Figure 9. Quantitative Indicators of Migration Flows

Источник: составлено автором на основе [16].

Чтобы повысить качество рабочей силы и увеличить конкуренцию на рынке труда, необходима миграция работоспособных людей, в противном случае эти показатели снижаются, увеличивая нагрузку на социальную инфраструктуру региона пребывания.

Добровольная миграция положительно сказывается на экономике и жизнь в регионе пребывания, так как она осуществляется осознано гражданами, которые обычно просчитывают все возможные варианты жизнедеятельности и проводят оценку не только на основе статистических данных, но и при помощи так называемого «сарафанного радио» (информации от знакомых или родственников).

К сожалению, рассмотренные абсолютные и относительные показатели количества и качества миграционных потоков дают слишком общую картину и фиксируют лишь констатацию факта выбытия или прибытия, а также отношение прибывших мигрантов к местному населению и т.п. Они не показывают количество нелегальных мигрантов и тех государственных потерь, которые вызваны сектором теневой экономики в результате их деятельности, а также не отражают другие социально-экономические проблемы трудовой миграции.

В целях оценки рисков потерь бюджета и комплексного влияния на формирование бюджета РФ целесообразно использовать «углубленные критерии количественной и качественной оценки миграции в разрезе стран прибытия и регионов размещения» для определения количественного

соотношения прибывающих мигрантов по разным категориям из разных стран, а также структуры их распределения по регионам.

Изучение миграционных потоков в зависимости от географического расположения местности, их климатических особенностей с применением характеристик переселяемого населения даёт объективную оценку побудительных причин миграции с применением анализа и учета социально-экономических факторов. Основного внимания заслуживает исследование миграционной подвижности трудоспособного населения с учётом их квалификации, опыта трудовой деятельности и трудоустройства на рассматриваемой территории. Это оказывает значительное воздействие на экономическое развитие или теневи-зацию предпринимательской деятельности.

Основой проведения исследований миграционных потоков на примере количественных показателей послужили базы данных от различных государственных структур, средств массовой информации, общественных организаций и иных источников, а также различные мероприятия, такие как перепись населения, опросы, статистические данные рейдов МВД, ФСБ и других правоохранительных органов.

Наиболее важная особенность структуры населения на региональном уровне – половозрастная характеристика миграционных потоков, и это связано с мотивами переселения граждан в урбанизированные местности, оттоком рабочей силы из сельской местности, формированием региональных особенностей развития инфраструк-

туры, что влияет на степень реализации инвестиционных проектов, социальных инициатив и др.

В зависимости от того, кто в качестве мигрантов прибывает или убывает в регион, это изменяет социальную структуру, уровень образования и культурный фон. Например, прибытие городских жителей в деревню способствует повышению культуры общения и профессиональных качеств населения. И напротив, большой приток сельских жителей в урбанистические районы оказывает отрицательное влияние. В Российской Федерации, как правило, на миграцию населения оказывает экономика региона, что вскрывает большие проблемы рынка труда. Также основными причинами покидания родных мест становятся межнациональные отношения, криминогенная обстановка, слабая экономика региона и т.д.

Среди экономических причин можно выделить:

- отсутствие возможности самостоятельно заниматься сельским хозяйством;
- отсутствие возможности заниматься предпринимательством или индивидуальной трудовой деятельностью.

Существует большое количество разнообразных подходов, квалифицирующих различные факторы миграции. Однако основной стимул к переезду – совокупные преимущества в условиях жизни в регионе прибытия относительно региона убытия.

«Условия жизни» – это не только экономическая составляющая, но, еще и социальная. Станут ли различные условия, в которых живёт человек, факторами миграции, зависит от конкретных явлений и процессов, проходящих в жизни. Но и не все факторы могут послужить причинами переезда человека в другой регион.⁹

Также нужно учитывать тот факт, что на миграцию оказывают влияние не только преимущества в условиях жизни, но и условия, в которых люди привыкли жить (норма жизни для данного региона, национальность и т.п.). Поэтому могут быть различные отклонения от нормы и не факт, что они будут преимуществами по сравнению с существующими условиями жизни.

На норму жизни оказывают влияние традиции, культура, способность воспринимать изменения, одним словом, особенности этноса.

Необходимо разобраться в иерархии факторов, влияющих на переезд людей, особенно преимуществ, которые подталкивают людей к миграции.

Основные экономические показатели, определяющие факторы, влияющие на миграцию:

- количество рабочих мест;
- условия работы (занятости);
- уровень заработной платы;
- жилищные условия (условия аренды или покупки жилья);
- решение социальных проблем (обеспеченность социальной инфраструктурой и её доступность: детские сады, школы и т.п.).

Все миграционные потоки в России направлены на южные и центральные районы европейской части, что приводит к резкому росту населения и преступности, что наблюдается в Ставропольском крае, Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и других урбанизированных регионах и городах.

Анализ ситуации в области миграции на основе материалов годовых статистических разработок за 2024 год с учётом итогов ВПН-2020 и сведений о численности населения, общих итогах миграции населения по Российской Федерации, её субъектам, районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним, показывает, что проблемы с внешней незаконной миграцией остаются не решёнными, а некоторые из них представляют и угрозу национальной безопасности государства с учётом площади территорий и плотности населения по субъектам РФ (Центральный федеральный округ – плотность населения 61,9 человек на 1 кв. км, а Дальневосточный федеральный округ – 1,1)¹⁰.

Процессы миграции в Российской Федерации характеризуются быстрым вовлечением в межрегиональный и международный обмен, повышением перемещения целыми семьями (кланами), проблемами адаптации людей, повышением криминализации территорий пребывания мигрантов, что негативно сказывается на социальных условиях жизни, рынке труда, экономической и социальной нагрузке на государство, увеличении преступности и др. Всё это требует постоянного контроля миграционных процессов в государстве.

Выводы

Интеграционные процессы и формирование единого рынка труда ЕАЭС требуют разностороннего научного анализа и практического осмысления с точки зрения их становления, закономерностей развития и последствий для национальных экономик и объединения в целом.

Исследование проблем формирования РТ ЕАЭС носит междисциплинарный характер и предполагает заинтересованное участие социологов, специалистов в области права и трудовых отношений, экономистов в изучении и анализе динамики миграции трудовых ресурсов и струк-

⁹ Брызгалов Д.В. Миграционная политика Российской Федерации в Дальневосточном регионе и роль органов внутренних дел в её реализации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Брызгалов Дмитрий Владимирович; науч. рук. Н.А. Шабельникова; ДВФУ. Владивосток, 2010. 213 с.

¹⁰ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 06.03.2025).

туры занятости, их эффективности в рамках единого экономического пространства,

Трудовая миграция оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на социально-экономическое развитие, служит инструментом как понижения, так и повышения эффективности экономики.

Так, отъезд большей части трудоспособного населения вызывает снижение налоговых поступлений на муниципальном уровне, а социальные услуги мигранты обычно получают не по месту работы, а по месту проживания их семей. Для стран-доноров трудовых ресурсов миграция позволяет смягчать последствия экономических кризисов в национальных экономиках финансовыми переводами от работающих мигрантов.

В то же время внешняя трудовая миграция может создавать серьёзные риски стабильному социально-экономическому развитию на национальном уровне. Для минимизации рисков негативных последствий внешней трудовой миграции и обеспечения устойчивости рынка труда предлагается ряд мер противодействия:

- формирование миграционной политики, максимально возможно учитывающей интересы всех субъектов российской экономики РТ и обеспечивающей их успешное взаимодействие в рамках сформированных регламентов;

- аккумуляция данных информационных ресурсов различных ведомств в едином информационном ресурсе, содержащем сведения о состоя-

нии статуса и условий пребывания мигрантов на территории Российской Федерации;

- мониторинг, анализ и оценка социально-экономических отношений в части формирования миграционных потоков и трудовых отношений;

- определение кадровой потребности в трудовых ресурсах (в том числе иностранных) для осуществления внутреннего контроля и регулирования, установления отраслевых квот на трудоустройство мигрантов;

- обучение, повышение квалификации мигрантов, предполагающих длительное трудоустройство в Российской Федерации.

В подтверждение выдвинутой авторами гипотезы представленный в статье анализ подходов к устойчивости рынка труда выявил многоаспектность и комплексность факторов, влияющих на устойчивость российского РТ и рынка труда ЕАЭС, необходимость качественной и количественной оценки миграционных потоков как из стран ЕАЭС, так и из других стран с учётом законодательных барьеров для движения различных категорий рабочей силы.

Обеспечение свободного движения рабочей силы, закреплённое в договоре об образовании ЕАЭС, а также в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года¹¹, должно быть встроено в систему государственного регулирования рынка труда в России и её регионах.

Список источников

1. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5–31. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-5-31> EDN XUEJIT
2. Капелюшников Р.И. Структура российской рабочей силы: особенности и динамика. М.: Издательский дом ВШЭ, 2006. 59 с. EDN QREZZH
3. Konings J., Lermann H. Marshall and labor demand in Russia: Going back to basics // Journal of Comparative Economics. 2002. Vol 30. Issue 1. P. 134–159. <https://doi.org/10.1006/jcec.2001.1759> EDN XOTHRJ
4. Layard R., Ashenfelter O. Handbook of Labor Economics. North-Holland: Elsevier, 1987. 510 p. ISBN 0444878572
5. Mosler Vidal E. Leveraging Human Mobility to Rescue the 2030 Agenda: IOM Flagship Report for the SDG Summit. International Organization for Migration. Geneva: IOM, 2023. 66 p. ISBN 978-92-9268-729-8
6. World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies. Washington: World Bank, 2023. 348 p. ISBN 978-1-4648-1942-1 <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1941-4>
7. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. 2023. № 8. С. 5–37. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37> EDN USUZYBY
8. Аранжин В.В. Условия решения проблемы дефицита высококвалифицированных сотрудников в инновационных организациях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2017. Том 11. № 2. С. 71–74. <https://doi.org/10.14529/em170210> EDN YUADOX
9. Колесникова О.А., Маслова Е.В., Околелых И.В. Кадровый дефицит на современном рынке труда России: проявления, причины, тренды, меры преодоления // Социально-трудовые исследования. 2023. № 4(53). С. 179–189. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189> EDN DLOSFN
10. Камари Д.М. Проблема неформальной занятости в России и в ЕАЭС // Социально-трудовые исследования. 2024. № 2(55). С. 54–61. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-54-61> EDN JBGQVZ
11. Система мониторинга, анализа и экспертизы сферы трудовых отношений / Д.Н. Платыгин, С.Ю. Попков, В.М. Смирнов, Н.А. Волгин, Е.В. Вашаломидзе., В.И. Джума, Е.С. Уланова // Социально-трудовые исследования. 2020. № 4(41). С. 27–39. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-27-39> EDN UHAWTK

¹¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».

12. Волошина И.А., Джума В.И., Мухина И.И. Спрос на рабочую силу и востребованность профессий в 2021–2022 гг.: результаты анализа вакансий // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3(48). С. 118–130. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-118-130> EDN TGFDJR
13. Орлова Л.Н., Смирнов В.М. Минимизация рисков государства от незаконной трудовой деятельности мигрантов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2024. Том 59. № 2. С. 153–176. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-2-8> EDN YYALOM
14. Токсанбаева М.С., Попова Р.И. Трудовые ресурсы как характеристика трудового потенциала и их структура // Народонаселение. 2022. Том 24. № 4. С. 151–162. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.13> EDN UAPDEV
15. Трифонова К.В. Международно-правовое регулирование трудовой миграции: системный анализ // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Том 9. № 2. С. 247–252. EDN UGQKWS
16. Каримова А.А. Миграция населения: сущность и статистические показатели // Экономика и предпринимательство. 2019. № 11(112). С. 231–234. EDN BIMYXJ

Информация об авторе:

Глеб Львович Подвойский – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН (SPIN-код: 5905-7218) (РИНЦ Author ID: 841446)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.03.2025; одобрена после рецензирования 09.07.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Gimpelson V.E., Zudina A.A., Kapeliushnikov R.I. Non-Cognitive Components of Human Capital: Evidence from Russian Data. *Voprosy Ekonomiki*. 2020;(11):5-31. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-5-31> (In Russ.)
2. Kapelyushnikov R.I. *Struktura Rossiiskoi Rabochei Sily: Osobennosti i Dinamika*. Moscow: The HSE Publishing House; 2006. 59 p. (in Russ.)
3. Konings J., Lermann H. Marshall and Labor Demand in Russia: Going Back to Basics. *Journal of Comparative Economics*. 2002;30(1):134-159. <https://doi.org/10.1006/jcec.2001.1759>
4. Layard R., Ashenfelter O. *Handbook of Labor Economics*. North-Holland: Elsevier; 1987. 510 p. ISBN 0444878572
5. Mosler Vidal E. Leveraging Human Mobility to Rescue the 2030 Agenda. IOM Flagship Report for the SDG Summit. Geneva: IOM; 2023. 66 p. ISBN 978-92-9268-729-8
6. World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies. Washington: World Bank; 2023. 348 p. ISBN 978-1-4648-1942-1 <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1941-4>
7. Kapeliushnikov R. The Russian Labor Market: a Statistical Portrait on the Crises Background. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(8):5-37. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37> (in Russ.)
8. Aranzhin V.V. The Conditions for Solving the Problem of a Shortage of Highly Qualified Employees in Innovative Organizations. *Vestnik YUURGU. Seriya Ehkonomika i menedzhment=Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2017;11(2):71-74. <https://doi.org/10.14529/em170210> (in Russ.)
9. Kolesnikova O.A., Maslova E.V., Okolelykh I.V. Personnel Shortage in the Current Russian Labor Market: Manifestations, Causes, Trends, Measures to Overcome it. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(4(53)):179-189. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189> (in Russ.)
10. Kamari D.M. The Problem of Informal Employment in Russia and the EAEU. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2024;(2(55)):54-61. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-54-61> (in Russ.)
11. Platygin D. N., Popkov S. Yu., Smirnov V. M., et al. System of Monitoring, Analysis and Expertise of Labour Relations. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2020;(4(41)):27-39. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-27-39> (in Russ.)
12. Voloshina I.A., Dzhuma V.I., Mukhina I.I. Demand for Workforce and Professions in 2021-2022: Job Analysis Results. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2022;48(3):118-130. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-118-130> (in Russ.)
13. Orlova L.N., Smirnov V.M. Minimizing State's Risks from Illegal Migrants' Labour. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ehkonomika=Moscow University Economics Bulletin*. 2024;59(2):153-176. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-2-8> (in Russ.)
14. Toksanbaeva M.S., Popova R.I. Labor Resources as a Characteristic of Labor Potential and their Structure. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(4):151-162. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.13> (in Russ.)
15. Trifonova K.V. International Legal Regulation of Labor Migration: a System Analysis. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki=Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 2023;9(2):247-252. (in Russ.)
16. Karimova A.A. Population Migration: Essence and Statistical Indicators. *Ekonomika i predprinimatel'stvo=Economics and Entrepreneurship*. 2019;(11(112)):231-234. (in Russ.)

Information about the authors:

Gleb L. Podvoiskii – PhD in Economics, Leading Research Worker, Centre of Development of Human Potential, Institute of Economics of the RAS (SPIN-code: 5905-7218) (RSCI Author ID: 841446)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 27.03.2025; approved after reviewing 09.07.2025; accepted for publication 11.09.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы конференции
УДК 331.101.262, 331.5:304

JEL O15, J10

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_10_474_479

EDN NYJHIS

Развитие человеческого потенциала в России: состояние, перспективы, пути решения (обзор тематического заседания научной конференции «Трансформация российской экономики в новых условиях. К 95-летию Института экономики Российской академии наук»)

Татьяна Викторовна Чашина

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(Chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Аннотация

Обзор посвящён итогам работы тематического заседания «Развитие человеческого потенциала в России: состояние, перспективы, пути решения» юбилейной научной конференции «Трансформация российской экономики в новых условиях. К 95-летию Института экономики Российской академии наук», которая прошла в Институте экономики РАН 23–25 июня 2025 г. В работе заседания прозвучали доклады о состоянии, перспективах и путях решения проблем развития человеческого потенциала: факторов продолжительности жизни населения в контексте сохранения человеческого потенциала России; кризиса здравоохранения и перспективы его трансформации; неравенства уровня жизни в новых условиях развития России; трудового потенциала в России и его гендерных составляющих; рассмотрены теоретические и методологические подходы к измерению и оценке благополучия в сфере труда, приведены результаты исследования по измерению и оценке благополучия, связанного с работой.

Ключевые слова: человеческий потенциал, продолжительность жизни, здравоохранение, неравенство, уровень жизни, оплата труда, трудовой потенциал, благополучие работника

Для цитирования: Чашина Т.В. Развитие человеческого потенциала в России: состояние, перспективы, пути решения (обзор тематического заседания научной конференции «Трансформация российской экономики в новых условиях. К 95-летию Института экономики Российской академии наук») // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 474–479. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_10_474_479
EDN NYJHIS

CNF (Conference proceedings)

JEL O15, J10

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_10_474_479

Human Development in Russia: Status, Prospects, Solutions (Review of the Thematic Session of the Scientific Conference «Transformation of the Russian Economy in New Conditions. By the 95th Anniversary of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences»)

Tat'yana V. Chashchina

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Abstract

The review is dedicated to the results of the fifth section «Development of human potential in Russia: status, prospects, solutions» of the anniversary scientific conference «Transformation of the Russian economy in new conditions. On the 95th anniversary of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences», which was held at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences on June 23–25, 2025. The section featured reports on the status, prospects and ways to solve problems of human potential development: factors of life expectancy in the context of preserving Russia's human potential, the health care crisis and prospects for transforming health care, inequality of living standards in the modern new conditions of Russia's development, labor potential in Russia and its gender components, theoretical and methodological approaches to measuring and assessing well-being in the labor sphere are considered, and the results of a study on measuring and assessing well-being associated with work are presented using the example of the Vologda region.

Keywords: human potential, life expectancy, health care, inequality, standard of living, wages, labor potential, employee well-being

For citation: Chashchina T.V. Human Development in Russia: Status, Prospects, Solutions (Review of the Thematic Session of the Scientific Conference «Transformation of the Russian Economy in New Conditions. By the 95th Anniversary of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences»). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):474–479. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_10_474_479 (In Russ.)

Введение

23 июня 2025 года Институт экономики Российской академии наук отметил своё 95-летие. В стенах института 23–25 июня 2025 г. прошла юбилейная научная конференция «Трансформация российской экономики в новых условиях. К 95-летию Института экономики Российской академии наук». В рамках конференции на площадках Института экономики РАН было проведено пленарное заседание, включающее в себя две сессии, и шесть секционных заседаний.

Первая сессия пленарного заседания прошла при модерации члена-корр. РАН, д-ра экон. наук М.Ю. Головина, директора Института экономики РАН и д-ра экон. наук Е.Б. Ленчук, руководителя научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН. Модераторами второй сессии пленарного заседания являлись член-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор Р.С. Гринберг, научный руководитель Института экономики РАН и д-р экон. наук, доцент В.Ю. Музычук, заместитель директора Института экономики РАН.

24 и 25 июня 2025 г. в рамках конференции сотрудниками Института экономики РАН были организованы следующие тематические заседания: «Экономическая политика России в новых условиях» (модератор – д-р экон. наук Е.Б. Ленчук, руководитель научного направления «Экономическая политика»); «Россия и страны «пояса соседства»: вопросы взаимодействия в условиях глобальных противоречий» (модераторы – д-р экон. наук, профессор Л.Б. Вардомский, заведующий Центром постсоветских исследований; канд. геогр. наук Н.В. Куликова, заведующая Центром восточноевропейских исследований; д-р экон. наук, профессор Г.В. Толорая, заведующий Центром российской стратегии в Азии); «Дискуссионные аспекты политэкономического наследия» (модератор – д-р экон. наук, профессор Г.Д. Гловели, заведующий Центром методологических и историко-экономических исследований); «Теоретические и прикладные аспекты экономики гуманитарного сектора» (модератор – д-р экон. наук Т.В. Чубарова, заведующая Центром экономической теории социального сектора); «Теория государственного управления и современность» (модераторы – д-р экон. наук, профессор А.Е. Городецкий, руководитель научного направления «Институты и системы управления экономикой»; д-р экон. наук И.И. Смотрицкая, руководитель Центра исследований проблем государственного управления, главный научный сотрудник); «Пространственное развитие и управление» (модераторы – д-р экон. наук, профессор Е.М. Бухвальд, руководитель Центра федеративных отношений и регионального развития; канд. экон. наук, доцент

Н.Ю. Сорокина, старший научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития); «Развитие человеческого потенциала в России: состояние, перспективы, пути решения» (модераторы – д-р экон. наук, доцент В.Ю. Музычук, заместитель директора; д-р экон. наук, доцент И.В. Соболева, заведующая Центром развития человеческого потенциала); «Внешние факторы развития экономики» (модератор – член-корр. РАН, д-р экон. наук М.Ю. Головин, директор Института экономики РАН).

В рамках юбилейной научной конференции «Трансформация российской экономики в новых условиях. К 95-летию Института экономики Российской академии наук» также прошла конференция молодых учёных. Конференция включала в себя тематические заседания: «Российская экономика на современном этапе» (модератор – канд. истор. наук М.С. Круглова, старший научный сотрудник Центра институционально-эволюционной экономики); «Социальная сфера – новые перспективы» (модератор – А.И. Волынский, научный сотрудник Центра институционально-эволюционной экономики) и «Экономика стран Восточной Азии на современном этапе» (модератор – канд. экон. наук О.А. Славинская, старший научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора, ведущий эксперт НИУ «Высшая школа экономики»).

Основная часть

В работе тематического заседания «Развитие человеческого потенциала в России: состояние, перспективы, пути решения» юбилейной научной конференции «Трансформация российской экономики в новых условиях. К 95-летию Института экономики Российской академии наук» приняли участие представители Института экономики РАН (г. Москва), Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва), Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Москва), Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва), Вологодского научного центра РАН (г. Вологда), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), Института экономики Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (г. Алматы, Республика Казахстан).

Заседание было открыто докладом «Факторы продолжительности жизни населения в контексте сохранения человеческого потенциала России» д-ра экон. наук, доцента А.А. Шабуневой [1], директора Вологодского научного центра РАН (г. Во-

логда) и А.В. Короленко, старшего научного сотрудника Центра социально-демографических исследований Вологодского научного центра РАН (г. Вологда). В своём докладе А.А. Шабунова сообщила, что одним из важных аспектов человеческого потенциала является ожидаемая продолжительность жизни. Одним из новых мировых демографических трендов стало увеличение численности населения в мире, однако число людей старше 50 лет впервые в мире превысило число детей до 15 лет. А.А. Шабунова подчеркнула, что новые возможности и риски долгосрочного развития России и её регионов связаны с глобальными вызовами и изменениями в экономической, технологической, демографической и экологической сферами. В докладе были рассмотрены положительные и отрицательные факторы, влияющие на общую продолжительность жизни, их распространённость и динамика. Ключевым вопросом доклада «Факторы продолжительности жизни населения в контексте сохранения человеческого потенциала России» стала мысль о том, что в условиях сокращения доли детского населения повышение ожидаемой продолжительности жизни только за счёт увеличения долголетия представляется недостаточным. Важной задачей на пути достижения целевых ориентиров общей продолжительности жизни становится повышение рождаемости и удельного веса детского населения. Для решения целевых ориентиров общей продолжительности жизни следует обратить внимание на такие аспекты, как повышение уровня жизни населения, формирование культуры здоровьесбережения, снижение неравенства, повышение рождаемости, изменение принципов финансирования здравоохранения, усиление профилактической медицины, внедрение принципов активного долголетия, повышение комфортности среды проживания, доступности оборудованных объектов для самостоятельной физической активности, повышение социальной ответственности бизнеса.

Доклад «Признаки кризиса здравоохранения в «государствах всеобщего благосостояния» и перспективы трансформации: Россия в тренде», представленный канд. экон. наук А.А. Московской, директором Центра социального предпринимательства и социальных инноваций Института социально-экономического проектирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) посвящён основным проблемам современного мирового здравоохранения и решениям выхода из кризиса системы здравоохранения. А.А. Московская [2] в своём докладе сообщила об основных неблагоприятных социально-демографических мировых

трендах: старение и увеличение среднего возраста населения, изменение структуры населения, сокращение среднего размера семьи, нездоровый образ жизни, рассказала об основных глобальных угрозах здоровью по данным Всемирной организации здравоохранения. В докладе отмечены основные проблемы современного здравоохранения – это ограниченный доступ к медицинской помощи, финансирование здравоохранения, качество услуг, нехватка медицинского персонала, фрагментированность услуг, недостаток вовлечения пациентов, неразумное расходование ресурсов. Докладчик представила предлагаемые мировым сообществом пути решения выхода из кризиса национальных систем здравоохранения, их достоинства и недостатки.

Коллективный доклад «Неравенство уровня жизни в новых условиях развития России (2022–2024 гг.): состояние, проблемы, пути решения» представил д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки В.Н. Бобков, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН (г. Москва). Доклад был подготовлен д-ром экон. наук, профессором, заслуженным деятелем науки В.Н. Бобковым, заведующим сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, канд. экон. наук А.А. Гулюгиной, старшим научным сотрудником сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН и канд. экон. наук Е.В. Одинцовой, ведущим научным сотрудником сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН. В.Н. Бобков рассказал об основных тенденциях изменения показателей уровня жизни населения за период 2022–2024 гг. [3]. Докладчик отметил, что в данном исследовании уровень жизни оценивается, исходя из покупательной способности населения, определяемой для разных категориальных групп (работников, пенсионеров, в среднем на душу) с учётом соответствующих им уровней прожиточного минимума и видов доходов (заработной платы, пенсии, среднедушевых), а также применительно к потребительским расходам и располагаемым ресурсам. В.Н. Бобков привел результаты комплекса взаимоувязанных абсолютных и относительных показателей определения уровня жизни различных категорий населения, включающих данные государственной статистики, оригинальных разработок авторов, а также ведущих

российских аналитических центров. Докладчик сообщил, что уровень жизни населения, измеренный покупательной способностью населения по душевым денежным доходам, в 2022–2024 гг. в целом снизился. Доля средне- и высокообеспеченного населения составила в 2024 г. 35%, доля обеспеченных ниже среднего уровня, низко- и наименее обеспеченных составила 65%. Распределение населения по качеству жилищных условий в 2023 г. по сравнению с 2022 г. и 2021 г. улучшилось, но было более неблагоприятным, чем распределение населения по покупательной способности душевых денежных доходов, в целом, более 4/5 населения в 2024 г. проживало в жилищах ниже социально приемлемого уровня. Межрегиональное неравенство качества и уровня жизни также было велико. В.Н. Бобков подчеркнул, что 2024 г. характеризуется ростом межрегионального неравенства по большинству показателей уровня жизни. Докладчик представил предложения по снижению неравенства и повышению уровня жизни населения: включить показатель покупательной способности работников по заработной плате в состав основных индикаторов качества занятости; ввести в практику реализации социальной политики механизмы оценки покупательной способности работников с применением стандартов уровня и качества жизни в форме потребительских бюджетов разного уровня достатка; повысить покупательную способность работников по заработной плате в контексте реализации социальной политики обеспечения экономической устойчивости домохозяйств и их вхождения в средне- и высокообеспеченные слои по уровню жизни с учётом квалификационной группы работников и иждивенческой нагрузки; утвердить нижние границы стандартов покупательной способности работников по заработной плате, увязанные с квалификацией и дифференцированными стандартами уровня жизни домохозяйств и траекторию их достижения к 2023 и 2026 гг.; включить в число задач национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» увеличение доли среднеобеспеченных слоёв населения, характеризующихся покупательной способностью душевых денежных доходов от 3,7 до 11 прожиточных минимумов; ввести для малоимущих категорий населения специальную социальную выплату в дополнение к существующим пособиям, повышающую душевые доходы до гарантированного минимального дохода не ниже регионального прожиточного минимума; активно развивать нерыночные (не ипотечные) механизмы улучшения жилищных условий социально уязвимых категорий населения.

Канд. экон. наук З.К. Чуланова [4], заместитель генерального директора по науке Института экономики Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (г. Алматы, Республика Казахстан), представила доклад «Региональные и структурно-отраслевые дисбалансы в уровне оплаты труда в аспекте распределительных отношений». Докладчиком была представлена ретроспектива трансформации заработной платы в Республике Казахстан от жёсткого государственного регулирования средств, направляемых на оплату труда до новейшего этапа реформирования оплаты труда, при котором государство предоставило предприятиям свободу в выборе параметров оплаты труда, законодательно установив лишь отдельную совокупность социальных гарантий для наёмных работников, что привело к высокой дифференциации в оплате труда по регионам, отраслям и профессионально-квалификационным группам работников. Докладчик подчеркнула, что величина зарплат работников должна определяться отраслевыми, региональными и национальными коллективно-договорными отношениями. Для сокращения неравенства в оплате труда З.К. Чуланова в своём докладе предложила пересмотр законодательной базы в сфере регулирования трудовых отношений, превращения профсоюзов в реальную сторону договорного процесса, включая принятие ряда конкретных мер по регулированию оплаты труда: установление минимальной оплаты труда исходя из нового социального стандарта (минимальной почасовой тарифной ставки вместо действующего норматива месячной минимальной заработной платы; ввести региональные коэффициенты; использовать комплекс методов фискальной политики, в частности, ввести прогрессивное налогообложение доходов, которое позволит соизмерить налогообложение доходов от труда и налогообложение доходов от капитала, а также налогообложение доходов от трудовой и предпринимательской деятельности и налогообложение доходов от имущества; согласовать в отраслевых соглашениях виды и минимальные размеры компенсационных и стимулирующих доплат и надбавок к заработной плате, неучтённых в действующем законодательстве, что позволит унифицировать виды доплат и надбавок, действующих на предприятиях, а также учесть неодинаковые финансовые возможности хозяйствующих субъектов.

В докладе «Женская и мужская составляющие трудового потенциала в России: состояние и перспективы развития» д-ра экон. наук М.Е. Баскаковой, ведущего научного сотрудника сектора политики занятости и социально-трудовых отношений Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН (г. Москва) был пред-

ставлен анализ состояния и перспектив развития трудового потенциала России в гендерном аспекте. М.Е. Баскакова [5] в своём докладе представила особенности современных тенденций гендерной сегрегации в сфере образования, на рынке труда, отраслевой сегрегации, при реализации трудового потенциала в современной России. Докладчиком была подчеркнута важность роли государства в регулировании рассмотренных процессов.

Заключительная часть тематического заседания посвящена вопросам благополучия в сфере труда. Д-р экон. наук, доцент И.В. Соболева [6], заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН (г. Москва) представила доклад «Благополучие, связанное с работой: концепция и подходы к измерению». Докладчик представила теоретические обоснования концепции благополучия работающего человека, которая находится на пересечении нескольких концепций, под разным углом зрения характеризующих сферу труда и положение человека в этой сфере: с точки зрения экономической теории, менеджмента, психологии и социологии. И.В. Соболева в своём докладе обосновала преимущества концепции благополучия, связанного с работой, которая позволяет отразить развитие и реализацию человеческого потенциала в сфере труда с позиций работника; охватывает все аспекты работы, в том числе выходящие за пределы процесса труда; интегрирует объективную сторону и субъективное благополучие, а также учитывает вклад соответствия характеристик рабочего места и предпочтений работника.

Доклад «Подходы к измерению благополучия в сфере труда: обобщение и адаптация для России» канд. экон. наук Е.А. Черных, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН (г. Москва), посвящён обоснованию инструментария оценки благополучия работников. Е.А. Черных рассказала о международном опыте формализации подходов к измерению благополучия работников на примере методологии Организации экономического сотрудничества и развития, который включает как измерение условий труда, так и результатов, определяемых через субъективное восприятие работников и базируется на рамочной системе благополучия, рамке качества рабочих мест, руководствах по измерению субъективного благополучия, руководствах по измерению качества трудовой среды. Докладчик подчеркнул, что данная методология охватывает четыре полных блока индикаторов: индикаторы благополучия, восприятие условий труда, характеристики работы, индивидуальные характеристики. Далее в своём докладе Е.А. Чер-

ных представила адаптированную для России версию методологии Организации экономического сотрудничества и развития для измерения благополучия работников, которая содержит объективные (фактологические) и субъективные (удовлетворённость) индикаторы и основаны на российских статистических данных.

Доклад «Измерение и оценка благополучия, связанного с работой (на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области)» канд. экон. наук, доцента Г.В. Леонидовой, ведущего научного сотрудника, заместителя заведующего Центром социально-демографических исследований Вологодского научного центра РАН (г. Вологда) и канд. экон. наук Г.В. Белеховой, старшего научного сотрудника Центра социально-демографических исследований Вологодского научного центра РАН (г. Вологда) посвящён результатам исследования по измерению и оценке благополучия, связанного с работой в Вологодской области. Доклад представила Г.В. Леонидова. Она рассказала о результатах и методике исследования, которое проводилось на основе данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области 2024¹; для оценки благополучия, связанного с работой, был выбран индексный метод; в роли индикаторов благополучия, связанного с работой, выступили аспекты, характеризующие трудовую жизнь и сопряжённые с работой; каждый аспект рассчитывался на основе совокупности объективных и субъективных индикаторов проведённого обследования; особенностью методики является акцент на индикаторах, характеризующих фактологическую сторону трудовой жизни и оценочную, состоящую из оценки (мнения) респондентов о каком-либо трудовом аспекте и из оценки удовлетворённости той или иной стороны трудовой жизни; расчёт субиндексов компонентов благополучия строился по формуле среднего арифметического на основе полученных значений частных индексов; расчёт интегрального индекса благополучия, связанного с работой, строился по формуле как среднеарифметического 8-ми субиндексов.

Модераторы подвели итоги, отметив, что работа секции показала высокий уровень научного анализа и актуальность предложенных подходов к решению современных проблем в области социальной проблематики экономического развития и совершенствования человеческого потенциала.

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024625745 Российская Федерация. База данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области-2024: № 2024625402: заявл. 20.11.2024: опублик. 04.12.2024 / Г.В. Леонидова, А.В. Попов, Т.С. Соловьева, А.Н. Гордиевская; заявитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». EDN EAMSTK

Список источников

1. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2024 / Т.К. Ростовская, А.А. Шабунцова, В.Н. Архангельский [и др.]. Москва, Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2025. 385 с. ISBN 978-5-93299-621-8 EDN GTPIJV
2. Московская А.А. Социальные инновации в медицинской помощи: формы, механизмы, преобразовательный потенциал // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 270–293. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2818>
3. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2024 год: [ежегодник]. / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. Вып. 3(204). М.: ИЭ РАН, 2025. 170 с. ISBN 978-5-9940-0792-1 EDN MKBWFA
4. Бримбетова, Н.Ж., Чуланова З.К. Оптимизация структуры заработной платы и пределы надтарифных выплат в Казахстане // Статистика, учет и аудит. 2024. № 3(94). С. 141–152. <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2024.-3.11> EDN TGKVKV
5. Баскакова М.Е. Гендерные различия в оплате труда в России – роль отраслевой сегрегации (история вопроса) // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: Материалы X Международной научно-практической конференции, Москва, 29 ноября 2024 года. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2025. С. 32–36. EDN ACLEYK
6. Соболева И.В. Качество занятости и благополучие, связанное с работой: подходы к измерению // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 3. С. 7–25. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_7_25 EDN ADMPER

Информация об авторе:

Татьяна Викторовна Чащина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН (SPIN-код: 1770-4231) (РИНЦ Author ID: 591597) (ResearcherID: GQH-0078-2022)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Arkhangelskii V.N., et al. Demograficheskoe Samochuvstvie Regionov Rossii. National Demographic Report 2024. Moscow, Vologda: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences; 2025. 385 p. ISBN 978-5-93299-621-8 (In Russ.)
2. Moskovskaya A.A. Social Innovation in Medical Care: Forms, Mechanisms and Transformative Potential. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*=*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025;(3):270-293. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2818> (In Russ.)
3. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring of Incomes and Living Standards of The Russian Population – 2024. Yearbook. 2024. Issue 3(204). Moscow: IE RAS; 2025. 170 p. ISBN 978-5-9940-0792-1 (In Russ.)
4. Brimbetova N.Zh., Chulanova Z.K. Optimization of Wage Structure and Limits of Abovetariff Payments in Kazakhstan. *Statistika, uchet i audit*=*Statistics, accounting and audit*. 2024;(3(94)):141-152. <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2024.-3.11> (In Russ.)
5. Baskakova M.E. Gendernye Razlichiya v Oplate Truda v Rossii – Rol' Otrasleyvoi Segregatsii (Istoriya Voprosa). Income, Expenses and Savings of the Population of Russia: Trends and Prospects X International Scientific and Practical Conference Proceedings; November 29, 2025; Moscow, Russia. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 2025:32-36. (In Russ.)
6. Soboleva I.V. Employment Quality and Work-Related Well-Being: Approaches to Measurement. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*=*The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2024;(3):7-25. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_7_25 (In Russ.)

Information about the author:

Tat'yana V. Chashchina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live, the Centre of Development of Human Potential, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1770-4231) (RSCI Author ID: 591597) (ResearcherID: GQH-0078-2022)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 05.08.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Материалы конференции

УДК 331

JEL J01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_11_480_490

EDN RMGECK

Дестандартизация занятости: от практики к теории и наоборот. По итогам круглого стола в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда¹

Олеся Васильевна Вередюк

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

(o.veredyuk@spbu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>)

Аннотация

Статья посвящена обзору текущих представлений академических экономистов и экономистов-практиков о дестандартизации занятости. Данными для статьи послужили полученные автором статьи материалы от спикеров, выступивших с докладами на круглом столе «Дестандартизация занятости: от практики к теории и наоборот» 3 апреля 2025 г. в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда. Академические экономисты из девяти научных и научно-образовательных организаций и практики из трёх компаний разных секторов экономики обсуждали дестандартизацию занятости с позиций общей проблематики трансформации занятости в условиях цифровизации экономики, дефицита труда и поиска новых моделей регулирования, поддержки работников и решений для бизнеса. Рассматривались вопросы разных форм занятости – от временной и самозанятости до платформенной – с акцентом на их влияние на благополучие работников, устойчивость занятости и качество трудовой жизни. Опыт этого года по совместному проведению мероприятия признан представителями академических экономистов и экономистов-практиков успешным, и принято совместное решение продолжить его на юбилейном Форуме труда в следующем году.

Ключевые слова: занятость, дестандартизация занятости, качество занятости, неустойчивая занятость, форум труда, экономическая теория, практика

Для цитирования: Вередюк О.В. Дестандартизация занятости: от практики к теории и наоборот. По итогам круглого стола в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 480–490. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_11_480_490 EDN RMGECK

CNF (Conference proceedings)

JEL J01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_11_480_490

De-Standardisation of Employment: from Practice to Theory and vice versa. Results of the Round Table at the IX St. Petersburg International Labor Forum

Olesya V. Veredyuk

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

(o.veredyuk@spbu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>)

Abstract

The article reviews current views of academic economists and practicing economists on the de-standardization of employment. The data for the article was obtained by the author from speakers who presented at the round table «Destandardization of Employment: From Practice to Theory and Vice Versa» on April 3, 2025, as part of the IX St. Petersburg International Labor Forum. Academic economists from nine scientific and scientific-educational organizations and practitioners from three companies of different sectors of the economy discussed the de-standardization of employment from the perspective of the general issues of employment transformation in the context of the digitalization of the economy, labor shortages, and the search for new models of regulation, employee support, and solutions for business. Various forms of employment were considered: from temporary and self-employment to platform-based employment, with a focus on their impact on worker well-being, employment stability, and quality of working life. This years' experience of jointly participating in the event was rated as successful by representatives of academic economists and practicing economists, and they jointly decided to continue it at next year's anniversary Labor Forum.

Keywords: employment, employment de-standardisation, employment quality, precarious employment, labour forum, economic theory, practice

For citation: Veredyuk O.V. De-Standardisation of Employment: from Practice to Theory and vice versa. Results of the Round Table at the IX St. Petersburg International Labor Forum. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):480–490. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_11_480_490 (In Russ.)

¹ По итогам круглого стола на IX Санкт-Петербургском международном форуме труда. Программа Форума см. URL: https://xn--80ahxhkbngdd.xn--p1ai/programma_2025 (дата обращения: 20.05.2025).

Введение

В сфере занятости непрерывно происходит множество процессов, оценки причин и последствий которых часто носят противоречивый характер. В данной статье общее и особенное в позициях бизнеса и науки представлено по итогам круглого стола по дестандартизации занятости в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда (далее – Форум труда) 3 апреля 2025 г.

Дискуссия по проблемам дестандартизации занятости уже стала традиционной для Форума труда. В 2025 году впервые на её полях объединились академические экономисты и экономисты-практики. В офлайн-формате встретились академические экономисты из Вологды, Екатеринбурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Свердловской области, практики из Екатеринбурга и Санкт-Петербурга. Академические участники представляли такие научные и образовательные учреждения, как Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Институт экономики Российской академии наук (ИЭ РАН), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ), Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ННГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Уральский государственный экономический университет (УГЭУ). Экономисты-практики представляли АО «Концерн «Уралвагонзавод», занимающийся разработкой и производством военной техники, дорожно-строительных машин, железнодорожных вагонов, IT-интегратор АртСолюшн24 и ООО «Конгресс» компанию-организатора конференций и выставок.

Партнёром мероприятия стал Институт экономики РАН. Автор статьи выступал в роли со-модератора и спикера данного мероприятия, состоявшегося в рамках Форума труда, организованного Правительством Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургским государственным университетом, Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств, ЭкспоФорумом-Интернэшнл при поддержке Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд России) и Федеральной службы по труду и занятости (Роструд).

Дестандартизация занятости в рамках круглого стола обсуждалась академическими экономистами и экономистами-практиками с позиций общей проблематики трансформации занятости в условиях цифровизации экономики, дефицита труда и поиска новых моделей регулирования, поддержки работников и решений для бизнеса. Рассматривались вопросы разных форм занятости – от временной и samozанятости до платформенной и студенческой – с акцентом на их влияние на благополучие работников, устойчивость занятости и качество трудовой жизни.

Тенденции развития платформенной занятости в условиях платформенной экономики были обобщены в докладе Валентины Васильевны Павловой, кандидата экономических наук, доцента, ведущего научного сотрудника научной школы «Теория и технологии управления» РЭУ им. Г.В. Плеханова. Рассматривая тенденцию развития платформенной занятости, докладчиком было отмечено, что за последние десять лет платформенная занятость стала в несколько раз популярнее. Согласно данным Международной организации труда за 2020 год, в странах «Большой двадцатки» (G20) насчитывалось свыше 611 цифровых платформ, что в пять раз превышало показатели десятилетней давности².

Исследования ВШЭ показали на данных по России, что количество занятых в платформенной экономике составляет около 15,5 миллионов человек, что, по данным Росстата, составляет почти 20% от общей численности населения трудоспособного возраста. Из них только для 1,7 миллиона человек это основной вид занятости, а для остальных – эпизодический вид занятости, в том числе для получения дополнительного заработка³.

Рассматривая вопрос платформенной занятости по существу, следует, по мнению докладчика, говорить о принятии закона о платформенной экономике, а не только закона о платформенной занятости. Если идти по этому пути, то такой глобальный серьёзный подход будет затрагивать не только занятость, но и другие аспекты, связанные с работой платформ.

Далее автор доклада обобщила плюсы и минусы работы через онлайн-платформы. Так, среди плюсов отмечены: гибкий график работы, потенциально большое число заказов, доступ к новым рынкам труда, гарантируемая платформами опла-

² Digital platforms and the world of work in G20 countries: Status and Policy Action Paper prepared for the Employment Working Group under Italian G20 Presidency (2021), p. 6.

³ Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия. Аналитический доклад / О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, Е.С. Горват, Д.Е. Карева, Д.А. Стужук, К.О. Чертенков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 4.

та работы. В число минусов отнесены: нестабильный доход (специалисты не могут заранее знать, сколько заработают), отсутствие социальных гарантий, ограниченное влияние на условия работы.

На законодательном уровне в России платформенную занятость только начинают регулировать. Это поправки к Федеральному закону «О занятости населения», принятые в декабре 2023 года, согласно которым введено понятие «платформенная занятость», а в разработанном в 2024 году законопроекте «О платформенной занятости» конкретизируются права и обязанности специалистов и онлайн-платформ.

Поиск правового оформления отношений на платформах, а также социального обеспечения платформенных занятых характерны не только для России, но и для других стран⁴. Так, трудовая мобильность между странами СНГ также повышает необходимость гармонизации законодательств государств в этом вопросе. В связи с этим модельный закон «О платформенной занятости» включён в Перспективный план модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2023–2025 годы постановлением Совета МПА СНГ⁵. Международная организация труда (МОТ) также уделяет серьёзное внимание решению вопроса правового регулирования платформенной занятости. Административный совет МОТ по итогам дискуссии о пробелах в действующих нормах принял решение включить в повестку дня Международных конференций труда 2025–2026 годов дискуссию о нормах достойного труда в экономике цифровых платформ. Результатом может стать принятие первого общемирового нормативного акта в этой области.

Проблематика включения позитивной составляющей нестандартной занятости в стандартную как фактор преодоления дефицита труда была поднята в докладе доктора экономических наук, профессора, заведующего кафедрой экономической теории и методологии ННГУ Александра Владимировича Золотова. По мнению докладчика, понятие «стандартная занятость» отражает набор характеристик: устойчивую занятость по избранной профессии, нормальную продолжительность рабочего времени, уровень зарплаты, соответствующий притязаниям работников и т.п., который сформировался десятилетия назад.

⁴ Святенко рассказала о разработке законопроекта о платформенной занятости // Парламентская газета: [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/social/svyatenko-rasskazala-o-razrabotke-zakonoproekta-o-platformennoy-zanyatosti.html> (дата обращения: 12.03.2025).

⁵ Постановление Совета Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 16.11.2023г. № 28 «О повестке дня заседания Совета Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств».

В нынешней экономике проявляются тенденции, подрывающие сложившийся стандарт. Речь идёт о частичной занятости, в том числе добровольной. Воспроизводится вторичная занятость, которая не всегда означает труд по специальности основной работы. В обстановке дефицита рабочих кадров набирает силу совмещение профессий. Распространяется самозанятость, как правило, расширяющая набор трудовых функций по сравнению с типичным для работы на предприятии или в учреждении. Заметным становится участие студентов в труде в порядке развернутой, длящейся годами, производственной практики на предприятиях. Молодое поколение избегает монотонности в труде, перестаёт связывать перспективы своей трудовой жизни с продолжительной работой на одном предприятии, предъявляет высокие требования к трудовой сфере [1].

Для всех этих тенденций общим является сочетание различных видов деятельности, в том числе непосредственно производительной и непроизводительной, учебной и производственной. Такое сочетание явно выходит за рамки сложившегося представления о стандартной занятости.

Отмеченные тенденции зачастую получают негативную оценку как со стороны работников, так и работодателей.

Частичная занятость, если она имеет вынужденный характер, сопряжена с материальными лишениями, вторичная – ведёт к чрезмерной трудовой нагрузке. Самозанятость сокращает ресурс труда для предприятий, имеющих стратегическое значение. Совмещение рабочих профессий нередко используется работодателями как средство интенсификации труда. Производственная практика вузовских студентов на рабочих местах в определённой степени обесценивается тем, что полученная рабочая квалификация после окончания вуза будет невостребована и утрачена. Даже в структуре среднего специального образования рабочими становятся не более 20% выпускников [2]. Трудовая мобильность молодых работников оборачивается неконтролируемой текучестью кадров.

Всё это, с позиции докладчика, свидетельствует не о том, что надо бороться с тенденциями к отрицанию прежнего формата стандартной занятости как таковыми, а с их негативными моментами и на этой основе формировать более актуальный её стандарт. Для этого требуется многое изменить в социально-экономических и трудовых отношениях. Так, частичная занятость, правомерная во многих обстоятельствах (материнство, учёба и т. д.), предполагает наличие материальной поддержки со стороны государства. Вторичная занятость перестаёт означать чрезмерную трудо-

вую нагрузку при законодательном сокращении рабочего дня без уменьшения заработка. Рост масштабов самозанятости не должен становиться самоцелью для органов власти. Совмещение рабочих профессий требует действенного контроля со стороны профсоюзов, позволяющего предупредить интенсификацию труда, выходящую за рамки естественной при перемене трудовых функций. Получение диплома инженера не должно означать полного отказа от работы на станке: куда предпочтительнее её продолжение, хотя и в объёмах, не препятствующих выполнению обязанностей специалиста. Трудовая мобильность молодых работников утратила бы доминанту деструктивности, если бы планирование и осуществление их трудовой траектории стало бы общим делом многих заинтересованных предприятий к выгоде всех сторон. Таким образом, заключает докладчик, требуется модификация понятия «стандартная занятость» с учётом отмеченных тенденций в трудовой сфере.

Важность рассмотрения проблемы *(не)устойчивости занятости не только на уровне работников, но и на уровне их домохозяйств* была подчеркнута в докладе Елены Валерьевны Одиновой, кандидата экономических наук, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала ИЭ РАН. В докладе показано, что при идентификации неустойчивой занятости среди работников организаций на основе верифицированных индикаторов [3] её масштабы составляют 39,2 %. Переход к уровню домохозяйств выявил, что неустойчивая занятость затрагивает 47,2 % домохозяйств занятых. Докладчиком обращено внимание на чувствительность материального положения домохозяйств к наличию и числу неустойчиво занятых работников. Возможности обеспечить устойчивое материальное положение снижаются с ростом числа неустойчиво занятых в домохозяйстве. В случае отсутствия неустойчиво занятых работников в домохозяйстве такие «шансы» есть у 14,6 % домохозяйств. При наличии только одного неустойчиво занятого работника – у 12,7 %, а при высокой концентрации неустойчивой занятости в домохозяйстве (три человека и более) – только у 2,6 %. На положение домохозяйств также влияет наличие не занятых лиц в домохозяйстве, заметно снижая «шансы» обеспечить устойчивое материальное положение при наличии неустойчиво занятых работников [4].

Качеству трудовой жизни (КТЖ) в регионах России уделила внимание в докладе Екатерина Алексеевна Черных, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора со-

циально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала ИЭ РАН. По её мнению, анализ и учёт региональных различий позволяют разрабатывать таргетированные оптимальные меры поддержки занятости, например, программы по созданию рабочих мест в отдалённых районах или развитие инфраструктуры для привлечения трудоспособного населения. Улучшение КТЖ повышает производительность труда и содействует сбалансированному социально-экономическому развитию страны, особенно в регионах с экономическим потенциалом, что в свою очередь должно помочь справиться с вызовами кадрового дефицита и усилить конкурентоспособность региональных экономик.

В силу большой протяжённости, климатических различий, разной плотности населения и исторически обусловленной промышленной специализации рынки труда федеральных округов нашей страны различаются по структуре, уровню занятости и безработицы, доминирующим типам и формам трудовых отношений. По расчётам докладчика, на данных Комплексного наблюдения условий жизни населения⁶, ЦФО и СЗФО лидируют по объективным показателям КТЖ, а СКФО занимает последние места. По индексу удовлетворённости работой в целом лидером остаётся ЦФО, за ним идут УФО и ЮФО. Свой вклад в итоговый индекс КТЖ внесли более высокие по сравнению со среднероссийским значением заработные платы в ЦФО и УФО, а также благоприятные условия труда в ЦФО и ЮФО. СФО демонстрирует самые низкие значения индекса, но все округа показывают рост показателей с 2014 года, особенно значительный в ЮФО, СКФО и СФО. Самая высокая удовлетворённость связана с режимом работы и обязанностями, самая низкая – с заработной платой, что характерно, согласно исследованиям, для многих стран.

Если по всем показателям удовлетворённости наблюдалось улучшение средних значений в динамике, то в отношении условий труда, ситуация менее однозначная. В четырёх ФО отмечается увеличение среднего показателя тяжести работы, а именно: ЦФО, ДФО, ЮФО, СКФО. Также в ЮФО было отмечено увеличение показателя нервного напряжения и воздействия вредных факторов.

Объективные и субъективные показатели КТЖ не всегда синхронизированы: регионы с низкой оплатой труда могут демонстрировать высокий уровень удовлетворённости за счёт субъективных факторов. Могут иметь место как низкие ожидания, так и сравнения с предыдущим

⁶ Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 12.12.2024).

(не всегда положительным) опытом, на фоне которых текущая ситуация может выглядеть более оптимистично [5]. Зачастую сотрудники завышенно оценивают свою денежную компенсацию за плохие условия труда, а иногда недооценивают риски на рабочем месте. Комплексный анализ объективных и субъективных индикаторов фиксирует ценностные установки работников, их социально-экономическую защищённость, а также позволяют выявлять уязвимые зоны КТЖ, такие как профессионально-квалификационный дисбаланс, неустойчивую занятость и низкое качество рабочих мест, которые не всегда видны при акценте только на оплате труда [6].

Цифровизация, удалённая занятость, самозанятость и гибкость трудовых отношений изменяют структуру профессий и усиливают конкуренцию за квалифицированные кадры. Промышленные регионы России испытывают дефицит рабочих в ключевых специальностях, в том числе оборонно-промышленного комплекса. Одновременно бизнес увеличивает долю временного персонала и самозанятых для оптимизации налоговой нагрузки. Экономические трансформации требуют переквалификации работников и адаптации образовательной системы, особенно в добывающих регионах. Для ответа на эти вызовы необходимы меры по улучшению инфраструктуры, поддержке малого и среднего бизнеса и развитию непрерывного образования, адаптированного под профессиональные группы и возрастные категории. Государственная политика должна учитывать региональные особенности для повышения КТЖ и устойчивого социально-экономического развития регионов.

Акцент на благополучии, связанным с работой в разрезе концепции, факторов, подходов к измерению был сделан в докладе Ирины Викторовны Соболевой, доктора экономических наук, руководителя Центра развития человеческого потенциала ИЭ РАН. Наиболее очевидной проблемной зоной обеспечения достойного качества жизни работающего населения, согласно докладчику, является недостаточный уровень доходов от трудовой деятельности. При этом в тени остаются немонетарные аспекты положения человека в сфере труда, такие как гарантии занятости, условия труда, возможности самореализации и карьерного роста. Достаточно часто работники склонны жертвовать качеством трудовой жизни и гармоничным распределением времени между оплачиваемой занятостью и другими сферами жизнедеятельности ради увеличения заработков. В условиях обострившегося кадрового голода такая линия поведения поддерживается на уровне государственной политики, фокусирующейся на

интенсификации использования доступного ресурса труда для обеспечения текущих производственных потребностей, что в перспективе будет оказывать разрушительное воздействие на национальный человеческий потенциал.

Дополнительные риски для развития человеческого потенциала связаны с развитием цифровых технологий, способствующих росту вариативности условий и форм занятости. Это расширяет возможности, с одной стороны, для более полного учёта индивидуальных требований к рабочим местам, а с другой – для подрыва прав и гарантий в сфере труда, приспособленных к условиям стандартной занятости. В то же время кадровый голод обостряет конкуренцию за привлечение необходимых трудовых ресурсов, что должно способствовать укреплению позиций работника в диалоге с работодателем. Таким образом, на социально-экономическое положение трудящихся в современной России воздействует довольно широкий круг разноплановых факторов, что актуализирует задачу разработки концептуальных подходов к его оценке.

Для формирования целостной картины социального самочувствия трудящегося населения исследователи всё чаще привлекают методологическую концепцию благополучия, связанного с работой (work-related wellbeing), которая наряду с достаточностью дохода от занятости обращает специальное внимание на немонетарные аспекты положения человека в сфере труда. Ряд исследователей трактуют благополучие, связанное с работой, узко, выделяя три аспекта, характеризующие процесс труда сквозь призму восприятия работника: интерес к выполняемой работе (в противовес выгоранию), испытываемый стресс и удовлетворённость работой в целом [7]. На взгляд докладчика, более продуктивной является интегральная трактовка благополучия, связанного с работой, включающая широкий круг аспектов, в том числе возможности самореализации и карьерного роста, а также финансовые результаты трудовой деятельности⁷.

Достоинством концепции благополучия, связанного с работой, является чёткая фокусировка на социальных аспектах занятости при их максимально широком охвате, что позволяет строго с позиций работника отразить развитие и реализацию человеческого потенциала в сфере труда. В структуре благополучия, связанного с работой, можно выделить аспекты; 1) непосредственно характеризующие качество трудовой жизни, 2) сопряжённые с работой, но выходящие за рам-

⁷ Meister J. The Future of Work Is Employee Well-Being // Forbes: [сайт]. 10.12.2021. URL: <https://www.forbes.com/sites/jeannemeister/2021/08/04/the-future-of-work-is-worker-well-being/?sh=6490bdfc4aed> (дата обращения: 01.04.2025).

ки трудового процесса (зарботная плата, социальный пакет), и 3) пограничные, связанные с распределением совокупного фонда времени между работой и другими вариантами его использования. Каждый из выделенных аспектов может быть охарактеризован на основе совокупности объективных и субъективных индикаторов, для получения которых желательно проведение специального обследования населения.

Самозанятость граждан в условиях цифровой трансформации: особенности деятельности, возможности, риски были рассмотрены в докладе Людмилы Ивановны Берестовой, доктора экономических наук, профессора Института государственной службы и управления, руководителя программы «Государственная и муниципальная социальная политика» РАНХиГС. Проблема поиска допустимого варианта регулирования деятельности самозанятых граждан не является новой ни для международного сообщества государств в целом, ни для российского общества в частности. Под самозанятостью предлагается понимать «деятельность физического лица по самостоятельному (без обладания статусом индивидуального предпринимателя, без учреждения юридических лиц или без привлечения наёмных работников) осуществлению принадлежащих ему гражданских прав, направленная на получение дохода от пользования имуществом, выполнения работ или оказания услуг в установленных законом случаях» [8]. В специальной международной литературе самозанятые классифицируются на индивидуальных предпринимателей, не привлекающих наёмный труд; предпринимателей некорпоративного бизнеса, привлекающих наёмный труд; членов производственных кооперативов; неоплачиваемых работников семейных предприятий [9].

В настоящее время приходится говорить о фактически полном отсутствии понятия «самозанятый гражданин» в действующем законодательстве России. Непосредственное употребление данного термина и попытки его раскрытия имеют место в некоторых официальных документах, не носящих нормативного характера, чего, конечно, недостаточно для полноценного формирования соответствующего института.

Докладчик предприняла попытку оценить результативность применяемого государством инструментария по созданию и поддержанию благоприятных условий для развития деятельности самозанятых граждан. Среди задач — выявить преимущества и недостатки режима самозанятости с использованием налогового регулирования и социального обеспечения, проанализировать цифровые сервисы, направленные на поддержку деятельности самозанятых.

Деятельность самозанятых граждан на сегодняшний день можно, по мнению докладчика, рассматривать как одну из нестандартных форм занятости граждан, основными предпосылками развития которой явились: повышение степени мобильности трудовых ресурсов, снижение уровня зависимости работника от работодателя, рост самоорганизации граждан. Режим самозанятости в России обеспечивает ряд преимуществ, таких как более низкие налоговые ставки и упрощённые административные процедуры, которые могут повысить прибыльность и операционную гибкость для физических лиц. Данный режим облегчает отслеживание доходов и налоговую отчётность с помощью таких приложений, как «Мой налог», что снижает бюрократическое бремя. Однако он также вводит ограничения на виды предпринимательской деятельности, которыми можно заниматься, а именно: запрет на продажу подакцизных товаров и определённые виды посредничества, что может ограничить рыночные возможности. Отказ от взносов обязательного социального страхования, хотя и обеспечивает немедленное финансовое облегчение, ставит под угрозу долгосрочную финансовую безопасность за счёт потенциального сокращения будущих сумм пенсий. Несмотря на эти проблемы, растущий спрос на персонализированные и мелкоштатные услуги представляет значительные возможности для самозанятых лиц по расширению и оптимизации своей деятельности.

О кадровом потенциале предприятий, использующих искусственный интеллект (ИИ), сделала доклад профессор, заместитель заведующего Лабораторией исследований рынка труда НИУ ВШЭ Лариса Ивановна Смирных. В мире наблюдается стремительный рост технологий ИИ. Происходит не только увеличение числа предприятий создателей ИИ, но и расширение масштабов использования предприятиями уже существующих технологий ИИ. В 2024 году лидерами по внедрению предприятиями технологий ИИ являлись Индия (59 %), Объединённые Арабские Эмираты (58 %), Сингапур (53 %). В США 33% компаний, а в Европейских странах в среднем 13 % предприятий применяют технологии ИИ^{8,9}.

Используя данные опроса предприятий (ВВВРТ, 2023), репрезентативных по России, было установлено, что в нашей стране масштабы применения предприятиями ИИ составляют 31%. Это относительно молодые инновационные предпри-

⁸ Statista (2024): [сайт]. URL: <https://www.statista.com>. (дата обращения 15.04.2025).

⁹ Use of artificial intelligence in enterprises // Eurostat [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Use_of_artificial_intelligence_in_enterprises (дата обращения 15.04.2025).

ятия со значительными по размеру инвестициями. Они не испытывают острой конкуренции, но относительно редко имеют хорошее финансовое положение. Преимущественно это крупные предприятия, относящиеся к таким отраслям экономики, как добыча полезных ископаемых, промышленность, финансы. Часто это предприятия, которые работают на экспорт. При этом на предприятиях с ИИ наблюдается относительно высокий уровень издержек по труду в совокупных издержках, часто есть задолженность по заработной плате, и на них редко представлены профсоюзы.

В мире исследования о последствиях применения технологий ИИ для работников, персонала предприятий и для рынка труда в целом являются малочисленными. Особенно мало таких исследований на уровне предприятий. В этой связи анализ влияния технологий ИИ на занятость и кадровый состав предприятий, выполненный на данных ВВВРТ за 2023 г., является актуальным. Данные по России включают сведения о предприятиях с численностью работников более 30 человек по семи отраслям экономики (добыча, промышленность, строительство, торговля, транспорт и связь, финансы, бизнес-процессы). Они доступны за 2023 и 2022 годы.

Существующая эмпирическая литература указывает, что возможно, как отрицательное [10], так и положительное [11] влияние технологий ИИ на занятость. При этом отмечается, что на предприятиях, использующих ИИ, как правило, выше доля работников с высокой квалификацией [12]. Расчёты влияния технологий ИИ на занятость, движение рабочей силы (наём, выбытие), а также движение рабочих мест (создание, ликвидация) по России проводились на основе тобит-моделей с эндогенным регрессором (ivtobit).

Результаты анализа по России показали, что использование предприятиями технологий ИИ приводит к сокращению на них численности персонала. При этом технологии ИИ негативно влияют на создание рабочих мест. Предприятия, применяющие ИИ, являются преимущественно держателями рабочих мест (55 %), чем их создателями (22 %) или ликвидаторами (23 %). Используя ИИ, предприятия меньше нанимают, но больше увольняют работников. При этом использование ИИ увеличивает на предприятиях долю работников с высшим образованием, но приводит к сокращению доли работников со средним и средне-специальным образованием.

Татьяна Олеговна Разумова, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики труда и персонала МГУ им. Ломоносова выступила с докладом о *рисках и возможностях нестандартной занятости студентов*, под-

готовленным совместно с Ольгой Александровной Золотиной, доцентом, руководителем отдела содействия трудоустройству экономического факультета МГУ им. Ломоносова, и Марией Александровной Серпуховой, ассистентом кафедры экономики труда и персонала МГУ им. Ломоносова.

Основные тренды на российском рынке труда в настоящее время, по мнению авторов доклада, – это исторический в современной истории страны с рыночной экономикой дефицит кадров, глобализация и рост мобильности трудовых ресурсов, цифровизация и автоматизация процессов, которые структурно изменяют потребность организаций в кадрах. Помимо этого, в управлении персоналом также происходят значительные изменения – смещается фокус с привлечения сотрудников на их удержание, активно развиваются корпоративные программы, происходит ориентация на ментальное здоровье работников и управление по ценностям. «Война за молодые таланты» усиливается в связи с малочисленностью молодых поколений.

Важным фактором, катализировавшим повышение гибкости на рынке труда, стала пандемия COVID-19. Работодатели смогли организовать эффективную работу персонала в дистанционном и гибридном форматах занятости. Однако по завершении пандемии они всё равно видят стимулы для возвращения сотрудников в офис, особенно для креативного персонала. В России этот стимул подкрепляется в связи с замедлением экономического развития. Однако работники, которые являются «короткой стороной рынка», не готовы к возвращению к прежнему формату работы, и на рынке закрепляется гибридный формат работы как компромисс интересов работников и компаний. В настоящее время полностью в удалённом формате работает около 1% занятых по сравнению с пандемией, когда по оценкам их доля составляла 25%. А в гибридном формате трудится половина работающих [13; 14].

При этом для молодёжи, особенно совмещающей обучение и работу, стандартизация на исходе пандемии коронавируса возможностей частично удалённой работы расширила поле вариантов начала карьеры ещё во время получения профессионального образования. И в отношении этой категории рабочей силы гибридный формат занятости является для компаний не компромиссным, в отличие от других возрастных групп работников, а устойчивым и в значительной степени оптимальным. Компании предлагают и стажёрские программы с частичной занятостью, и лидерские программы, предполагающие полную занятость, в гибридном формате. По статистике экономичес-

кого факультета МГУ¹⁰, начиная с 2023-2024 гг., появляется тенденция к снижению минимального объёма занятости для студентов в рамках программ стажировок - от 30+ до 20+ часов в неделю, и года обучения, с которого начинают рассматривать кандидатов – с «начиная с третьего» до «начиная со второго». В настоящее время на момент выпуска работают около 30 % студентов бакалавриата и около 55% студентов магистратуры. За период с 2022 до 2024 года у студентов бакалавриата распределение по форматам занятости практически не меняется: полностью удалённо работают 14% занятых, в гибридном – 66%, в очном – 19%. В то же время формат занятости магистров за этот период значительно трансформировался в сторону очного. Так, в 2022 году удалённо работали 13% магистров, гибридно – 69%, а только очно – 18%, в 2024 году 42% магистров работает очно, 49% – в гибриде и 8% – дистанционно.

Таким образом, для студентов в основном первой ступени высшего образования смешанный формат занятости является устойчивым. К его преимуществам относятся расширение возможностей занятости и получения опыта трудовой адаптации и профессиональных навыков у молодёжи ещё до выпуска из вуза, углублённая профессиональная ориентация; к ограничениям – риски незащищённости занятости и неформальных трудовых отношений.

Анна Ивановна Паринова, эксперт по обучению и развитию, HR-партнёр по развитию бизнеса IT-интегратора АртСолюшн24 (золотой партнёр Битрикс24) сделала доклад о *влиянии технологий на рынок труда и обучение специалистов для бизнеса*. Она выделила ключевые вызовы, которые стоят перед крупным бизнесом промышленного сектора в 2025–2026 году, среди которых: дефицит кадров, текучесть, риск потери эффективности из-за перегрузки и выгорания, автоматизация процессов и технологические изменения, изменение рыночной конкуренции.

На каждый из этих вызовов компании должны реагировать. Для блока L&D (learning and development, обучение и развитие) задачами по работе с этими вызовами является разработка программ развития. Основные фокусы внимания – это развитие управленческих компетенций в работе с людьми разных поколений, направленных на удержание и повышение эффективности работы. А также практики работы с молодёжью и выстраивание внутри корпоративной системы наставничества на производстве в первую очередь.

¹⁰ Исследования трудовой занятости студентов во время учёбы проводятся отделом содействия трудоустройству экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова при непосредственном участии авторов выступления.

Необходима также расширенная программа обучения цифровым навыкам. Например, в компании, где докладчик работает HR-партнёром, реализуется программа обучения «Цифровая лаборатория», которая включает курс лекций «Индустрия 4.0», практики инновационного развития, изучение работы с Big Data. И здесь важно то, что обучать этим навыкам необходимо не только сотрудников ИТ-подразделений, но и всех работников организации, так как на каждом рабочем месте в недалёком будущем будут присутствовать информационные технологии. Уже сейчас в обучении и на рабочих местах используются, например, VR-очки, машинное зрение, ИИ, аналитика данных и дашборды.

С точки зрения реагирования на изменение рыночной конкуренции необходимо сейчас разрабатывать программы обучения по развитию клиентцентричного подхода, изучение кросс-культурной среды. И в рамках этого создавать практики развития инновационного визионерства.

Задачи развития ИТ-навыков, с которыми столкнулся бизнес в последнее время, по мнению докладчика, таковы:

- дефицит профессионалов с узкой специализацией. Найти экспертов в области AI, Big Data, кибербезопасности, облачных технологий, машинного обучения, VR и других передовых областях становится всё сложнее. Компании соревнуются за ограниченное число ИТ-профессионалов на рынке. Выпускники вузов часто не обладают практическим опытом, а научить их некому;

- развитие цифровых навыков у непрофильных сотрудников. Всё больше бизнес-процессов автоматизируются, и сотрудникам всех отделов нужны базовые цифровые навыки. Повышение цифровой грамотности: необходимо развивать у сотрудников понимание цифровых технологий и их возможностей и угроз. Big Data: анализ и визуализация огромного количества информации, принятие решений на их основе;

- бюджетные ограничения. Высокая стоимость обучения ИТ-специалистов. Сложности с оценкой эффективности инвестиций в развитие ИТ-навыков.

В рамках разработки программ инновационного развития в компании докладчик провёл оценку потребности в обучении цифровым компетенциям. В исследовании приняли участие 330 сотрудников, включая руководителей и специалистов. Опрос проводился в ноябре 2024 года. По его результатам наиболее актуальными цифровыми компетенциями, по мнению руководителей, являются умение определять положительный эффект/издержки от проекта для смежных подразделений, формирование функциональных требований для решения бизнес-задач, оценка

кибербезопасности и информационной безопасности, умение делать выводы на основе данных. По мнению сотрудников, им необходимо в первую очередь развивать владение инструментами автоматизации и управления проектами и умение проводить анализ данных, необходимых для поиска решения задач. По результатам данного исследования в компании разработана программа обучения в рамках Цифровой лаборатории для сотрудников разного уровня по актуальным для каждого из уровней направлениям обучения.

Временному персоналу, особенностям, преимуществам и проблемам привлечения посвятила доклад Екатерина Владимировна Шумская, заместитель руководителя отдела подбора и обучения персонала ООО «Конгресс». Компания осуществляет деятельность в конгрессно-выставочной сфере, одной из ключевых услуг является полный цикл подбора и отбора временных сотрудников, их подготовка, обучение и организация работы на конгрессно-выставочных мероприятиях. Компания имеет аккредитацию частного агентства занятости и берёт на себя все вопросы, связанные с предоставлением временного персонала (информационная кампания, проведение интервью, обучение и отбор, заключение контракта и выплата заработной платы, оформление больничных листов и отпусков, отчётов в налоговую инспекцию, составление согласованных графиков работы, при необходимости предоставление дополнительных сервисов)¹¹.

Докладчик выделила ряд особенностей работы с временным персоналом. Так, в России нет законодательно утверждённого термина «временный персонал», поэтому организации вправе самостоятельно определять для себя, кого относить к временным сотрудникам. Наиболее общим можно считать следующее определение временного персонала как работников, чья работа по обоюдному согласию сотрудника и работодателя осуществляется в определённый срок [15]. Временный персонал через правовую призму – это занятые по срочному трудовому договору (ст. 59 ТК), занятые по договору подряда (ст. 702 ГК), по договору возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК), договору на вы-

полнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских работ (Ст.769), самозанятые. Через призму должностей временный персонал – это грузчики, уборщики, музыканты, дизайнеры, IT-специалисты, переводчики, менеджеры проектов, персонал, оказывающий информационную и логистическую поддержку на конгрессно-выставочных мероприятиях, и др.

К преимуществам привлечения временного персонала докладчик отнесла обеспечение гибкости организации, экономию времени и финансов, оперативное решение проблемы нехватки персонала под разовые проекты, быстрое выполнение задач, создание кадрового резерва, обмен опытом и знаниями временного персонала со штатными сотрудниками. При этом среди проблем привлечения такого персонала были названы низкий уровень лояльности, ориентация кандидатов на стабильность (прямая зависимость от тенденций рынка труда), ужесточение законодательного регулирования нестандартных видов занятости (уведомление о заключении договоров ГПХ в СФР с 01.01.2023).

Таким образом, в рамках круглого стола академическими экономистами и бизнес-практиками дестандартизация занятости обсуждалась с позиций общей проблематики трансформации занятости в условиях цифровизации экономики, дефицита труда и поиска новых моделей государственного регулирования, поддержки работников, решений для бизнеса. Рассматривались вопросы разных форм занятости, от временной и самозанятости до платформенной, с акцентом на их влияние на благополучие работников, устойчивость занятости и качество трудовой жизни.

Опыт дискуссии по теме дестандартизации занятости на полях Форума труда – 2025 в формате диалога науки и практики признан успешным как представителями науки, для которых данное мероприятие до сих пор являлось традиционно академическим [16], так и практиками. Принято совместное решение продолжить обсуждение в данном формате на юбилейном Форуме труда в следующем году.

Список источников

1. Яковлева Н.Г., Шафранская А.М. Подготовка квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики: первоочередные меры // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 515–529. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_3_515_529 EDN DSBCOC
2. Лебедев О.В., Яновская А.А. Аналитический взгляд на развитие рынка труда и системы образования в Российской Федерации // Социально-трудовые исследования. 2024. № 2(55). С. 15–24. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-15-24> EDN BTWWQT

¹¹ Компания «Конгресс»: [сайт]. URL: <https://congress.ru/services/82/> (дата обращения: 12.03.2025).

3. Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, Т.В. Иванова, Т.В. Чашкина // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Том 18. № 4. С. 502–520. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7> EDN KWLGGN
4. Одинцова Е.В. Оценивание неустойчивой занятости по найму в российском формальном секторе: от уровня работников к уровню домохозяйств // *Общество и экономика*. 2025. № 8. С. 18–32. <https://doi.org/10.31857/S0207367625080022>
5. Черных Е.А. Динамика и детерминанты удовлетворённости работой россиян в характеристике человеческого потенциала // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 2. С. 199–215. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215 EDN FNPCJE
6. Соболева И.В. Качество занятости и благополучие, связанное с работой: подходы к измерению // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2024. № 3. С. 7–25. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_7_25 EDN ADMPER
7. Soh M., Zarola A., Palaoui K., Furnham A. Work-related well-being // *Health Psychology Open*. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 1–11. <https://doi.org/10.1177/2055102916628380>
8. Берестова Л.И., Чернуха О.В. Понятие и особенности деятельности самозанятых граждан в России // *Муниципальная академия*. 2023. № 4. С. 151–155. https://doi.org/10.52176/2304831X_2023_04_151 EDN OLVLMMA
9. Разумова Т.О., Кирсанова Н.М. Самозанятость и фриланс как способы адаптации работника на современном рынке труда // *Социально-трудовые исследования*. 2022. № 2(47). С. 56–68. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-47-2-56-68> EDN VAFGIG
10. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets // *Journal of political economy*. 2020. Vol. 128. No. 6. P. 2188–2244. <https://doi.org/10.2139/ssrn.294024>
11. Bughin J. Artificial Intelligence, Its Corporate Use and How It will Affect the Future of Work // *Capitalism, Global Change and Sustainable Development* / ed. by L. Paganetto. Springer International Publishing: 2020. P. 239–260. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46143-0_14
12. Firm investments in artificial intelligence technologies and changes in workforce composition / T. Babina, A. Fedyk, A. X. He, J. Hodson. Working Paper No. 31325. National Bureau of Economic Research. England: Cambridge, 2023. 16 p.
13. Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть I: дистанционная занятость // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 6(184). С. 157–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654> EDN JOEAJ
14. Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2025. № 1(185). С. 107–129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2782> EDN HKCBBZ
15. Temporary Work and the labour market / J. Atkinson, J. Rick, S. Morris, M. Williams. Report No. 311. The Institute for employment studies. England: IES, 1996. 99 p.
16. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Дестандартизация занятости: вызов или решение? // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 2. С. 196–210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_5_196_210 EDN FPPXUQ

Информация об авторе:

Олеся Васильевна Вередюк – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (SPIN-код: 1559-8191) (РИНЦ AuthorID: 287329) (Researcher ID: K-7044-2013)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 18.07.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Yakovleva N.G., Shafranskaya A.M. Training of Qualified Personnel to Ensure Technological Sovereignty of the Russian Economy: Priority Measures. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):515–529. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_3_515_529 (In Russ.)
2. Lebedev O.V., Yanovskaya A.A. Analytical View on the Development of the Labor Market and Education System in the Russian Federation. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2024;(2(55)):15–24. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-15-24> (in Russ.)
3. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Ivanova T.V., Chashchina T.V. Significant Indicators of Precarious Employment and Their Priority. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):502–520. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7> (In Russ.)
4. Odintsova E. Assessment of Precarious Employment in the Russian Formal Sector: From the Level of Workers to the Level of Households. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economy*. 2025;(8):18–32. <https://doi.org/10.31857/S0207367625080022> (in Russ.)
5. Chernykh E.A. Dynamics and Determinants of Job Satisfaction of Russians in the Characteristics of the Human Potential. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(2):199–215. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215 (In Russ.)
6. Soboleva I. Employment Quality and Work-Related Well-Being: Approaches to Measurement. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2024;(3):7–25. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_7_25 (in Russ.)
7. Soh M., Zarola A., Palaoui K., Furnham A. Work-Related Well-Being. *Health Psychology Open*. 2016;(1):1–11. <https://doi.org/10.1177/2055102916628380>

8. Berestova L., Chernukha O. The Concept and Features of the Activities of Self-Employed Citizens in Russia. *Municipal'naya akademiya=Municipal Academy*. 2023;(4):151-155. https://doi.org/10.52176/2304831X_2023_04_151 (in Russ.)
9. Razumova T.O., Kirsanova N.M. Self-Employment and Freelance: Employees Adapting to the Modern Labor Market. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2022;(2(47)):56-68. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-47-2-56-68> (in Russ.)
10. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. *Journal of Political Economy*. 2020;128(6):2188-2244. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2940245>
11. Bughin J. Artificial Intelligence, Its Corporate Use and How It will Affect the Future of Work. In: Paganetto L. (ed.) *Capitalism, Global Change and Sustainable Development*. Springer International Publishing; 2020. P. 239–260. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46143-0_14
12. Babina T., Fedyk A., He A. X., et al. Firm Investments in Artificial Intelligence Technologies and Changes in Workforce Composition. Working Paper No. 31325. National Bureau of Economic Research. England: Cambridge; 2023. 16 p.
13. Kapeliushnikov R.I., Zinchenko D.I. Digital Forms of Employment in the Russian Labor Market. Part I. Distant Employment. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024;(6(184)):157–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654> (In Russ.)
14. Kapeliushnikov R.I., Zinchenko D.I. Digital Forms of Employment in the Russian Labor Market. Part II. Platform Employment. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025;(1(185)):107–129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2782> (In Russ.)
15. Atkinson J., Rick J., Morris S., et al. Temporary Work and the Labour Market. Report No. 311. The Institute for employment studies. England: IES; 1996. 99 p.
16. Bobkov O.N., Veredyuk O.V. De-Standardisation of Employment: Challenge or Solution? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):196–210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_5_196_210 (In Russ.)

Information about the author:

Olesya V. Veredyuk – PhD in Economics, Associate Professor, St. Petersburg State University (SPIN-code: 1559-8191) (RSCI Author ID: 287329) (Researcher ID: K-7044-2013)
The author declares no conflicts of interest

The article was submitted 18.07.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Уважаемые читатели!

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» включён в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

Основные тематические рубрики по номенклатуре ВАК:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Журнал распределён по коэффициенту научной значимости в первую категорию (**К1**), включён в библиографическую базу данных научных публикаций российских учёных (**РИНЦ**), входит в базу данных Russian Science Citation Index (**RSCI**).

ISSN 1999-9836 (print); 2713-3397 (online)

На сайте журнала

<https://vcug-journal.ru/>

опубликована подробная информация о порядке рецензирования, публикационной этике, представлены архивы выпусков.

Отправить рукопись можно по адресу vcugjournal@mail.ru.

Статьи в журнале публикуются бесплатно, гонорары не выплачиваются.

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования материалов.

Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции.

Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются. Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причинённый третьим лицам в случае направления в редакцию материалов, нарушающих этические нормы и/или авторские права. Окончательное решение о публикации материала принимает главный редактор.

Автору может быть отказано в публикации, если:

- автор отказался от рекомендованной редакцией доработки рукописи по итогам рецензирования или не исправил статью в назначенный срок;
- текст не прошёл проверку на плагиат.

Контакты редакции:

Нахимовский проспект, д. 32, Москва, 117218

Телефон +7 (499)125-84-45

E-mail главного редактора: bobkovn@mail.ru

E-mail редакции: vcugjournal@mail.ru

Индекс журнала в каталоге «Урал-пресс» – **71187**

О журнале «Уровень жизни населения регионов России»

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» выходит с 1992 года и является научно-теоретическим и научно-практическим изданием.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

Индекс журнала в каталоге периодики «Урал-Пресс» – 71187.

Периодичность: 4 раза в год.

Рецензирование: двойное слепое

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru>

Страница журнала на сайте Института экономики РАН:

<https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

Главный редактор: В.Н. Бобков, д. э. н., проф., засл. деятель науки РФ, главный научный сотрудник, зав. сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала ИЭ РАН, директор Научного центра экономики труда РЭУ им. Г.В. Плеханова, Россия

Контакты редакции: vcugjournal@mail.ru, телефон +7(499)125-84-45

Учредителем журнала с 2023 г. является ФГБУН Институт экономики Российской академии наук.

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» входит в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени доктора и кандидата наук, распределён по коэффициенту научной значимости в первую категорию (**K1**), включён в библиографическую базу данных научных публикаций российских учёных (**РИНЦ**), входит в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**.

Основные тематические рубрики по номенклатуре ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Статьи в журнале публикуются бесплатно, гонорары не выплачиваются. Редакция не взимает с авторов платы за размещение статей в открытом доступе, рецензирование и электронное депонирование рукописей.

Журнал поступает в библиотеки РФ и партнёрские организации за рубежом. Журнал «Уровень жизни населения регионов России» публикует результаты научных исследований и практических разработок, аналитические материалы ведущих специалистов России, Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Журнал получил общественное признание и предназначен для широкого круга читателей, заинтересованных в решении проблем уровня и качества жизни в России: работников органов исполнительной и законодательной власти на федеральном и региональном уровнях, органов по труду и социальной защите населения, профсоюзных и других общественных объединений, государственных внебюджетных фондов, профильных научных организаций, а также для преподавателей высших учебных заведений, докторантов, аспирантов, соискателей и студентов, изучающих гуманитарные и социально-экономические дисциплины, представителей социально-ответственного бизнеса, консалтинговых и маркетинговых организаций.

При перепечатке материалов из журнала ссылка обязательна!